К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Собранный здесь блок материалов и исследований творчества Вячеслава Иванова имеет ближайшей своей задачей отметить юбилей поэта — пришедшееся на текущий год 140-летие со дня его рождения. За последние десятилетия ивановедение заметно выросло в международном масштабе, превратившись из ряда имен в России (С. С. Аверинцев, Н. В. Котрелев) и на Западе (Д. Уэст, Ф. Мальковати) в сообщество, ядро которого составляют постоянные участники конференций Общества по изучению наследия Вячеслава Иванова (Convivium), основанного Д. В. Ивановым при содействии А. Б. Шишкина.

Являясь в первую очередь юбилейной, наша подборка заведомо не претендовала на осуществление крупных проектов, но сами темы, которых касаются исследователи в представленных здесь публикациях и статьях, оказались из числа наиболее важных. Это неудивительно, учитывая научную интуицию авторов, предоставивших для нее свои работы. Все они отличаются пристальным вниманием прежде всего к конкретике творчества и биографии поэта. Ведь ученому нет нужды решать вопрос, был ли Иванов антропософом или католиком, потому что действительное положение дел неизмеримо интереснее ярлыков и в нем нет места для этого «или». Конечно, в данном случае ситуация осложняется постоянным присутствием учительного начала в общении Иванова с читателем. Но и учитель, как правило, сложнее своего учения, а учиться можно только у учителя, идеям же — лишь следовать.

В этом ученичестве первая роль принадлежит литературе. Иванов-литератор — острая тема современного ивановедения. Для ее разработки нужны подготовленные издания. При весьма приблизительно очерченной хронологии творчества невозможно, например, составить метрический репертуар, на что М. Л. Гаспаров жаловался еще в 1988 году. Да и в целом, за редкими (и тем более ценными) исключениями, поэзия Иванова не прочтена глазами историка литературы, при том что основные ее характеристики намечены и обсуждаются. Впрочем, и проза поэта пока не издана с необходимой тщательностью. Ее подлинная злободневность и реактивность — начиная со словесного уровня — еще не раскрыты в должной полноте.

По своей увлекательной сложности с литературой может сравниться только биография, а Иванов — писатель с биографией. Он осознал и высказал это, по крайней мере, уже в 1909 году. Классическая биография Иванова — предисловие О. Дешарт к первому тому брюссельского собрания сочинений. Именно в нем была заложена основа для дальнейших исследований, так как здесь, помимо гигантской работы автора, сохранены еще и отзвуки поздних взглядов самого поэта на свою долгую жизнь. В настоящее время составление его подробной критической биографии — одна из насущных задач ивановедов.

Вклад любой величины в эту копилку приближает нас к цели.

© *Г. В. Обатнин*

© О. А. Кузнецова

К ИСТОРИИ ПОСВЯЩЕНИЙ В СБОРНИКЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «ПРОЗРАЧНОСТЬ»

Летом 1903 года на вилле Жава близ Женевы Вячеслав Иванов спешно готовил к печати второй поэтический сборник «Прозрачность», выход в свет которого должен был, по замыслу автора, предшествовать его возвращению в Россию. В письме, отправленном 31 августа 1903 года из Женевы, жена поэта Л. Д. Зиновьева-Аннибал сообщала своей корреспондентке Ал. Н. Чеботаревской:[1] «Вяч. И. в своей „tour", запершись, полнит свою „Прозрачность", которой грозит порядочное утучнение (по числу страниц судя)».[2] Вероятнее всего, именно на этой стадии подготовки книги сформировался корпус текстов, не составивших отдельный раздел, а разбросанных по всему сборнику и тем не менее объединенных авторской идеей — дружеские послания «современникам» и «товарищам». Это посвящения С. А. Котляревскому («Пришлец»), Н. Е. Пояркову («Цветы»), Вл. Н. Ивановскому («Обновление», «La Faillite de la science» и «Аспекты»), А. Ф. Онегину («Пушкин у Онегина»), В. Я. Брюсову и К. Д. Бальмонту[3] (цикл «Современники»), Одилону Редону («Пустынник духа»), Е. С. Кругликовой («Латинский квартал»), А. С. Ященко («Dem Weltverbesserer») и Ал. Н. Чеботаревской («Осенью», «Кассандре») — т. е. кругу людей, с которыми Вяч. Иванов познакомился весной 1903 года в Париже. К этим текстам примыкает созданное еще в 1886 году стихотворение «Ясность», обращенное к другу юности Владимиру Калабину.[4] В отличие от первого сборника «Кормчие звезды», где тексты-посвящения отражали круг общения дебютанта, во втором издании жесткий отбор адресатов был продиктован задачами, выходящими за сугубо поэтические рамки. Посвящая стихотворение, автор вводит своего героя в круг посвященных, возвращая поэтическому обращению сакральный статус.[5] Так знаток дионисийских практик, считавший, что «человечество не поднимется на места высокие из современной низины своей, если не уподобится человечеству древнему»,[6] формировал «общину эзотерическую», фиас, круг участников дифирамбического действа, один из первых еще виртуальных проектов «Башни». Таким образом, «Прозрачность» должна была подготовить читателей к будущей жизнетворческой деятельности Иванова в Петербурге. Сюжет взаимодействия литературного быта и поэтического творчества, а также вовлечение в свой сценарий персонажей из реального окружения впервые были использованы им в конце апреля—начале мая 1903 года в Париже, куда Иванова пригласил И. И. Щукин[7] для чтения курса лекций о религии Диониса в Русской высшей школе обще-

---

[1] О взаимоотношениях Иванова и Чеботаревской см.: Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 238—295.

[2] Письма Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к Ал. Н. Чеботаревской // РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 22. Л. 2.

[3] Подробнее об их взаимоотношениях см.: *Бёрд Р.* В. И. Иванов и К. Д. Бальмонт: творческие связи // К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса. К 80-летию литовской дипломатии. Научные чтения. I. 30 мая 1998 г. Доклады / Сост. Ю. Будрайтис и Н. В. Котрелев. М., 1999.

[4] См.: Письма Владимира Сергеевича Калабина к Вяч. Иванову. 1886—1887 // РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 7.

[5] См. об этом, например, в письме к В. Я. Брюсову: «Благодарю вас еще и еще за эти дорогие посвящения, запечатлевающие наше общение и большую общность наших исканий» (Лит. наследство. Т. 85. С. 444).

[6] *Иванов В.* Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 139.

[7] Иван Иванович Щукин (1860—1907) — коллекционер, брал уроки живописи, писал статьи по искусству, служил в Лувре, читал лекции в Русской высшей школе общественных наук в Париже.

ственных наук. Именно здесь после многих лет научного уединения и духовного отшельничества он наконец получил аудиторию и возможность экспериментировать с различными формами воздействия на слушателей, а также круг собеседников, которых разными способами попытался вовлечь в орбиту своих дионисийских идей. О парижских контактах начинающий лектор подробно проинформировал Л. Д. Зиновьеву-Аннибал. В частности, 27 апреля 1903 года он сообщил о своем приезде и первых встречах с представителями Совета Русской школы: «Воскр⟨есенье⟩ вечером, в бюро „Отельчика". Дорогая Радость! Приехал очень скоро; хоть я не спал, а лежал всю дорогу в темноте. Париж встретил ненастный, грязный, безобразный и — милый. Здесь я почувствовал, сколько пережитого связывают меня с ним. Я днем нашел и спец⟨иальные⟩ книги. У Гольшт⟨ейн⟩[8] меня оставили, а вещи поехали с Каролиной (?) в „отельчик". Потом дома я переоделся, потом стригся у прежнего куафера на ru de Pompa (?) и наконец, точно в 12 ч., очутился у Щ⟨укина⟩.[9] Он был *очень* мил. Требует он, чтобы я каждый вторник *обедал* на его журфиксах. „Нам хочется провести Вас в Совет Школы". Комплименты стихам — они, говорит, очень нравятся. Читал рецензию Брюсова.[10] Делать визиты не советовал, но А. В. настаивает на визите Гамбарову.[11] Мы поехали к нему вместе и нашли необычайную ласковость приема. Потом взяли фиакр и заехали к Ковалевскому в отель, где я отдавал ему карточку (его не было по обыкновению дома). И завтракал, и обедал у Гольшт⟨ейн⟩. Гамб⟨аров⟩ убеждает читать у них зимой о *Риме*. Целую тебя и всех дорогих. В.».[12]

Два дня спустя Иванов описал жене «русский Париж», собравшийся на журфиксе Щукина и на его первой лекции в Высшей школе: «Столько воспоминаний. Начинаю эпос. Вчера вечером был на jour-fix'е у Щукина. Его квартира — музей. Салона стены все увешаны редкими картинами. Есть чудесные примитивы — напр⟨имер⟩ один Бартоло[13] Сиенской школы. Он гордый одним Греко — но это 17 век. Гойя представлен у него целой коллекцией! Подумай только, что это такое! После этого простительно и трюфли положить в vol-au-vent.[14] Прощаешь и омаров и двойную батарею чудесных ликеров, вдруг поднявшихся тесным рядом между convives.[15] Все было непринужденно и корректно. Сидел я против Щукина между Валишевским[16] (изящный поляк, историк, о книгах которого ты, кажется, слышала — с ним разговор был у меня по-французски) и Хвостовым,[17] филологом из Ка-

---

[8] Об истории взаимоотношений Александры Васильевны Гольштейн (1850—1937) и Вяч. Иванова см.: Переписка Вяч. Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн / Публ., подгот. текста, предисловие и примеч. А. Н. Тюрина и А. А. Городницкой // Новый мир. 1997. № 6; Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн / Публ., вступит. статья и коммент. М. Вахтеля и О. А. Кузнецовой // Studia Slavica Hungary. 1996. Vol. 41. С. 335—376 (ссылки в настоящих комментариях даются на последнее издание).

[9] И. И. Щукин.

[10] Вероятно, имеется в виду рецензия В. Я. Брюсова на сборник Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (Новый путь. 1903. № 3. С. 212—214).

[11] Юрий Степанович Гамбаров (1850—1926) — «генеральный секретарь» Русской высшей школы общественных наук в Париже, специалист по теории права.

[12] Письма Вяч. Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал // РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 2. Л. 6.

[13] Известно несколько живописцев из Сиены с таким именем (например, Бартоло ди Фреди и Джованни Бартоло), но скорее всего речь идет о продолжателе Сиенской школы Таддео ди Бартоло (1363—?).

[14] волован, пирог из слоенного теста (*фр.*).

[15] приглашенных к обеду (*фр.*).

[16] Казимир Феликсович Валишевский (1849—1935) — историк, исследовал проблемы взаимодействия Польши с европейскими государствами. С 1890-х годов проявлял интерес к русской истории и литературе. В 1900 году опубликовал на английском и французском языках «Историю русской литературы».

[17] Михаил Михайлович Хвостов (1872—1920) — историк античности, в сферу его научных интересов входила прежде всего экономическая история эллинистического Египта.

зани. Насупротив был де Роберти[18] и Лучицкий,[19] по сторонам Щукина. Всего было за столом 14 человек. Но появлялись и еще кое-кто. С Онегиным[20] встретился так: „Иванов, как вы постарели! И не стыдно было мне книгу[21] не прислать — а через меня-то и они все стали интересоваться!" Говорил, что не решился предстать на суд такого пушкиниста. Онегин характеризует меня „эллином" и говорит: „что же? это хорошо, это нужно". Альбом у него в нескольких томах; потребовал, чтобы я туда ⟨нрзб.⟩ стихотворений из „эллинских" или „морских"[22] или сочинил новое. Там у него Бальмонт недавно вписал стихот⟨ворение⟩, за кот⟨орое⟩ был изгнан из России.[23] Альбом устроен так, что каждая страница имеет дату календаря, и каждый вписывает на странице дня его рождения. Из чего я узнал, что Бальмонт родился в июне 1867 г⟨ода⟩.[24] Мне оставлено „16 февраля". Хвостов забавлял меня все египетскими папирусами и своей диссертацией, кот⟨орую⟩ написал об Египте.[25] Я этим ведь когда-то занимался. Он ученик Виноградова[26] и знакомый разных знакомых филологов. С Валишевским была речь об истории, об Ив⟨ане⟩ Грозн⟨ом⟩ (он пишет о нем книгу),[27] о библиотеках и архивах — но он очень светский барин, лысый и с седой бородкой клином. С Волковым[28] говорил об антропологии и [в частности][29] о масках, узнал хорошие вещи и получил полнейшее антропологическое одобрение своей гипотезе о происхождении праздничных масок из погребальных. С добрым армянином Томамшевым о вавилонской религии. — О, моя универсальность! С Щукиным о школьных настроениях. Де Роберти был любезен, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ я ему дал карточку. Семенов, корректор „Новост⟨ей⟩", приходил и исчез; с ним я не знакомился. Ковалевского и Гамбарова не было по случаю их участия демонстративно в „митинге" студентов, устроенном для протеста против забаллотировки Лысицкого (автора скандала с Карташовым), желавшего читать курсы. Ковалевский, де Роберти и неск⟨олько⟩ др⟨угих⟩ сочли нужным, во имя свободы убеждений и пр., протестовать против решения совета своим присутствием. Но, кроме

---

[18] Евгений Валентинович де Роберти (1843—1915) — социолог, в это время находился под влиянием идеи энергетического объяснения общественного прогресса В. Освальда, лектор Русской высшей школы общественных наук в Париже.

[19] Иван Васильевич Лучицкий (1845—1918) — историк, архивист; сфера его научных интересов — история французских религиозных войн XVI века.

[20] Александр Федорович Онегин (1845—1925) в 1880-е годы основал в Париже Пушкинский музей, в котором находились рукописи, книги и мемориальные вещи.

[21] Имеется в виду сборник «Кормчие звезды». 25 июля 1903 года Вяч. Иванов посетил квартиру Онегина на ул. Мариньян, 26, и подарил ему сборник «Кормчие звезды» с дарственной надписью: «Дорогому Александру Федоровичу Онегину в знак глубокого почитания и сочувствия Вяч. Иванов» (цит. по: «Тень Пушкина меня усыновила...». Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 137).

[22] Вероятно, имеются в виду стихотворения из цикла «Thalassia» в сборнике «Кормчие звезды».

[23] В Альбоме А. Ф. Онегина на странице «3 июня» Бальмонт приписал год своего рождения. Под этой датой автограф стихотворения «То было в Турции, где совесть вещь пустая...» с пометой автора: «1901. Через неделю после варварства близ Казанского собора» (ИРЛИ. № 29337. Л. 124).

[24] На странице «16 февраля» рукой Вяч. Иванова приписан год рождения и записано стихотворение: «Здесь — во святилище заветном...» (ИРЛИ. № 29337. Л. 43), вошедшее в сборник «Прозрачность» под заглавием «Пушкин у Онегина».

[25] См.: *Хвостов М. М.* История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.

[26] М. М. Хвостов учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1895—1900), где в это время преподавал историк Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925), которого Вяч. Иванов считал своим учителем.

[27] Книга К. Ф. Валишевского «Иван Грозный» была издана в Париже на французском языке в 1904 году.

[28] Федор Кондратьевич Волков (1847—1918) — этнограф, антрополог и археолог, сторонник эволюционной школы; в Русской высшей школе общественных наук в Париже преподавал соматическую антропологию, доисторическую археологию и этнографию.

[29] Здесь и далее слова, помещенные нами в квадратные скобки, зачеркнуты в рукописи.

Лучицкого и де Роберти, никто из присутствовавших не пошел в марксистский кагал в кафе Суффлэ. Сегодня день начали брекфастом у Гольшт⟨ейн⟩, паломничеством на ru de la Sorbonne (кстати, Русская школа в Ecole des Hautes Etudes Sociales, но эта последняя не принадлежит вовсе Сорбонне и помещается насупротив ее). Приехали мы обыкновенно рано и пили кофе. В аудитории я имел очень приличное число слушателей — но сколько, не могу сказать. Тут уж у меня много знакомых, кот⟨орым⟩ надо жать руки — Ященко и м⟨ежду⟩ пр. и Поляков («пэдераст» и «ассистент Бальмонта»).[30] Онегин пришел на лекцию. Сразу же мне говорят, что Валерий Брюсов здесь. Скромного вида и умного решительно (и по впечатлению А. В.) физиономия молодого человека. Я говорю ему, пожимая руку: „Благодарю вас". „За что?" „За добросовестное отношение к тому, что французы называют effort.[31] И я говорю как о себе, так и о Пламенниках".[32] „О Пламенниках мне нужно с вами поговорить!" Оказывается, он еще не знал о телеграмме Маруси.[33] Он говорит: половинных издержек по изданию не хотят, все заплатят, но печатание можно продолжить в Нов⟨ом⟩ Вр⟨емени⟩,[34] а обложку поставит Скорпион, и все будут завидовать. Он передает мне экземпляр „Сев⟨ерных⟩ Цветов"[35] и извиняется, что после моего „Хвалите Бога, силы сфер"[36] — молитва дьяволу:[37] это оттого, что стих⟨отворение⟩ было получено поздно. И также оговаривается, что поступил по разреш⟨ению⟩ М. М.[38] На самом деле, расположение вышло довольно гармонично и дьявол оттеняет их выгодно. Но поговорить нам не удается, хоть мы оба после моей лекции остаемся на Ковалевского. Сегодня я прикрепил на доску три фотографии, и А. В. говорила, что это все хорошо. Но лекцией она недовольна, говорит, что слишком много материала, как музей, кот⟨орый⟩ пробегаешь запыхавшись. Поляков говорит — но это человек неважный[39] — что философии им не нужны, а только идеи. Идеи были, но фактич⟨еского⟩ и науч⟨ного⟩ материала было много, и это так нужно, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ я ученее их. Ковалевский опять пришел на после⟨днюю⟩ четверть часа и опять подошел по оконч⟨ании⟩ и стал говорить, чтобы я не говорил нет на его предложение читать зимой по римским учреждениям или госуд⟨арственному⟩ праву или аграрной истории. Мы говорили именно больше об этом последнем, о Гревсе[40] и моей диссертации. Аплодисменты были, как следует, и Брюсов, говорит А. В., кивал одобрительно головой в двух местах, когда кивала и она. Какой-то молодой человек подошел и сказал, что остался в Париже для

---

[30] Соломон Львович Поляков (псевдоним: С. Литовцев; 1875—1945) — беллетрист и журналист.

[31] усилие, старание (*фр.*).

[32] «Пламенники» — роман-поэма, по определению Вяч. Иванова, основные идеи которого принадлежали Иванову, а сам текст писался Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и остался незавершенным. В процессе работы над этим произведением у Иванова возник замысел «матримониального» издания: последовательно выпускать под общей обложкой сочинения жены и свои собственные.

[33] Мария Михайловна Замятнина (1862—1919) — домоправительница семьи Ивановых.

[34] Брюсов собирался передать печатание «Пламенников» в типографию А. С. Суворина, где был издан сборник Иванова «Кормчие звезды».

[35] Северные Цветы. Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903.

[36] Стихотворение вошло в сборник «Прозрачность» под заглавием «Хваление духов благословляющих».

[37] В «Северных Цветах» после текста Вяч. Иванова было помещено стихотворение Ф. Сологуба «Когда я в бурном море плавал...».

[38] М. М. Замятниной. См. письмо В. Я. Брюсова к Вяч. Иванову от 13/26 апреля 1903 года (Лит. наследство. Т. 85. С. 434).

[39] Ср. отзыв о С. А. Полякове А. Л. Гольштейн в письме к М. А. Волошину от 7 мая 1903 года: «...шустро-глупый Поляков председательствовал, дразнил публику своим воем, криками и стуками кулаком по столу...» (Лит. наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 281).

[40] Подробнее о взаимоотношениях И. М. Гревса и Вяч. Иванова см.: История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и коммент. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной. М., 2006.

моей лекции, и спросил моего мнения о Мережковском, которого также (я конечно) хвалил (дело в том, что я упомянул о нем), а также знаю ли я книжку Волынского об Аполлоне и Дионисе[41] — мне, конечно, неизвестную. Еще один верный слушатель (т. е. замеченный уже в 1-м ⟨ряду⟩, сидящий против меня) говорил со мной, помогал снимать фотографии. Подошла Кругликова и стала звать к себе на субботу, говоря, что у меня будет и Брюсов;[42] я сказал, что субботой не располагаю, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ А. В. проектирует для меня кое-что у себя. А. В., оказывается, за это на Кругликову злится. Ковалевского я попросил вежливо позволения остаться на его лекцию, чтобы учиться лекторству, дикции. И, правда, содержание лекции было совершенно inédit,[43] а манера говорить превосходна. После всех сих событий, условившись с Брюсовым быть у Онегина в его пушкинском музее завтра утром (это уже было ранее сговорено), я поспешил к Гольшт⟨ейн⟩. Завтракать, как было условлено, к сожалению, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ мне хотелось позавтракать с Брюсовым, а обедать он не мог сегодня вместе. А. В. пригласила его „ко мне" в субботу, но он уже раньше обещал Кругликовой. Когда я вышел, пристал ко мне Поляков и следовал за мной по земле и под землей (métropolitain) до двери Гольштейнов, рассказывал о Бальмонте, кот⟨орого⟩ называл „несчастным" (благодаря разделенности между «Я» и «Не-Я»... как видимо усвоена и идея и фразеология),[44] просил меня прочесть его стихи, читал их отчасти (о «Горящих Зданиях» не был, кажется, недоволен моим суждением: «ваши стихи очень красивы, но не имеют своей музыки, это музыка Бальмонта»),[45] разбирал мои стихи, но главная цель этого молодого человека (необыкновенно почтительного) была просить меня быть в понед⟨ельник⟩ на вечере возникающего студен⟨ческого⟩ общества (для культа поэзии и идеализма), где Валерий будет читать реферат „О задачах поэзии" и свои стихи — и читать мне также свои стихи.[46] Реферат на понед⟨ельнике⟩ будет читать Брюсов, кот⟨орый⟩ тотчас же и уезжает, но он надеется, что и я не откажусь читать потом у них реферат. На первое я, гарантированный именем Брюсова, а также Ященки, согласился, хоть и гадко мне это — но казалось необходимым согласиться, на второе предложение сказал почти „нет". Только что пришел к Гольшт⟨ейн⟩, как уже зовет на свой реферат через ⟨нрзб.⟩, и я, конечно, говорю, что очень рад (и правда, я ему придаю значение), и он очень доволен! Как видишь, молодежь кипит и — молодит стариков. Гольштейн[47] провозглашает: il faut limiter le nombre des poètes[48] — но он исключает из уничтожения Бальмонта и меня. А. В. злится на Брюсова за то, что он талантлив, перелистывает его сборник и все осуждает, но видимо находится „под впечатлением", так что мы условливаемся позвать его особо, в свободный для нее день. Дома нахожу твое письмо милое, любимое и Маруськину мазню ненавистно-милую, и carte postale Брюсова.[49] Ты знаешь, что меня тронуло ⟨...⟩? Это внимание любовное, с кот⟨орым⟩ они поместили подробное объявление о „Кормчих Звездах" на заключительной странице альманаха. И предисловие к альманаху о новых силах — такое теплое. Теперь оно и к тебе относится. Сев⟨ерными⟩ Цветами, из кот⟨орых⟩ ничего еще не прочел, но все видел, я доволен чрезвычай-

---

[41] *Волынский А.* Литературные заметки: Аполлон и Дионис // Северный вестник. 1896. № 11. С. 232—255.

[42] О посещении Брюсовым журфикса Е. С. Кругликовой см.: *Брюсов В.* Дневники. 1891—1910. М., 1927. С. 132.

[43] новое, оригинальное (*фр.*).

[44] Текст в скобках — примечание автора на полях.

[45] Текст в скобках — примечание автора на полях.

[46] 21 апреля (3 мая) 1903 года В. Я. Брюсов прочел реферат «Задачи искусства» в кружке русских студентов (Association des étudiants russes).

[47] Владимир Августович Гольштейн (1849—1917) — муж А. В. Гольштейн.

[48] надо ограничить круг поэтов (*фр.*).

[49] Гольштейн, вероятно, имеет в виду сборник Брюсова «Tertia vigilia. Книга новых стихов. 1897—1900» (М., 1900). Письмо В. Я. Брюсова к Вяч. Иванову от 16/29 мая 1903 года см.: Лит. наследство. Т. 85. С. 435.

но. Tout est plein de talent! C'est un renouveau! Et c'est sûr.[50] И что после этого значит слишком нелепый лай новой „критики", который досадит только тем, что напечатают на страницах хоть и всеми презренного, но толстого журнала! Прочти письма и ⟨нрзб.⟩ Сев⟨ерные⟩ Цветы и „Научное слово", где фигурирует критикованная мною статья „А. Баулер" и интересна для меня статья о греческой религии С. Трубецкого,[51] и опять пускаюсь в долгие парижские странствия, надо сделать кучу визитов ⟨...⟩ Зайду в отель к Брюсову. Кажется, все. Разве прибавлю, что после первой лекции добрый Гамбаров сочувственно будто бы говорил А. В.: „вот он читал как настоящий *поэт*; а Аничкову[52] это именно не удается"».[53]

Лекторские технологии, применяемые Ивановым для воздействия на аудиторию: насыщенность фактическим материалом, избыточная для непрофессионалов, но ставящая преподавателя на недосягаемую высоту, авторские идеи-интерпретации, раскрывающие его с неакадемической стороны, использование визуального ряда (фотографии) и суггестивное влияние, которое воспринимается слушателями как поэтическое откровение. В ситуации светского общения на журфиксе Щукина он сразу же оказывается в центре внимания, благодаря научной универсальности, а также дионисийским идеям, допускающим множественность интерпретаций, и умению поддержать любую тему, причем в точке пересечения взаимных интересов, что, несомненно, способствует установлению более близкого контакта с собеседником. Эти две социальные маски: «профессор» и «душа общества» — в период «Башни» будут доведены Вячеславом Великолепным до ролей проповедника и исповедника в одном лице, о чем сохранились многочисленные воспоминания современников.

Кроме того, процитированные фрагменты письма позволяют создать целостное представление о парижском окружении поэта и поставить вопрос о критериях отбора уже на этом этапе поэтического творчества узкого круга «избранных», ангажированных в качестве «посвященных» в сборник «Прозрачность». В этот приезд во французскую столицу Иванов посетил еще два салона: он нанес визит в домашний музей А. Ф. Отто-Онегина и мастерскую Одилона Редона.

30 апреля Иванов пишет жене: «Дорогая Радость, сегодняшнее утро было посвящено пушкинскому музею Онегина, где я застал уже Брюсова с женой и куда пришел после меня Хвостов с женой. Онегину я сказал, что приду с Ал⟨ексан⟩др⟨ой⟩ Вас⟨ильевной⟩... и что ты родня Пушкину,[54] что понятно его заинтересовало. Потом я пошел с Брюсовым по Champs Elysées через Tuileries до Palais Royale, и по дороге мы беседовали о дионисизме и о ритмике и о других предметах. Он занимался спец⟨иально⟩ Тютчевым, прочел сейчас же и очень хорошо, по-моему, „Последнюю любовь" и сказал мне (de sorte qu'il m'a rendu perplexe),[55] что мой: страшно мне все это слышать».[56]

На следующий день он посещает мастерскую Редона и вновь описывает этот визит в корреспонденции на виллу Жава: «Милая Радость, ⟨...⟩ Событие дня, единственное, визит к Редону с А. В. Редону я понравился (гов⟨орит⟩ А. В.), он

---

[50] Все очень талантливо! Это нечто новое! И это неопровержимо (*фр.*).

[51] *Баулер А. В.* [*Гольштейн.*] К характеристике направлений современного романа во Франции // Научное слово. 1903. Кн. 2. С. 77—99. Подробный разбор этой статьи см. в письме Иванова к А. В. Гольштейн от 16 декабря 1902 года (Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн. С. 356—359). *Трубецкой С. Н.* Этюды по истории греческой религии // Научное слово. 1903. Кн. 2. С. 100—109.

[52] Евгений Васильевич Аничков (1866—1937) — историк литературы и фольклорист, один из организаторов Русской высшей школы общественных наук в Париже.

[53] РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 2. Л. 15 об.—17 об.

[54] Мать Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, баронесса Вейнмарн, по женской линии принадлежала к потомкам А. П. Ганнибала.

[55] так, что он поверг меня в смущение (*фр.*).

[56] РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 2. Л. 18.

был очень вдохновлен, я вынес впечатление таланта огромного и вовсе мне еще неожиданного и нового, и был прямо поражен и потрясен видимым. Одну картину я назвал Prophète de Dionysos[57] — что ему так понравилось, что он соблазняется назвать ее так в каталоге.[58] Целую В. ⟨...⟩ Мои лекции следующие будут 5 мая и 14 мая. Гольштейн очень увлеклась моей теорией происхождения Диониса».[59]

Собрание пушкинских раритетов и картины Редона явились достаточным основанием для посвящения хозяевам салонов текстов на страницах «Прозрачности». А. Ф. Онегин получает у автора сборника статус «апостола», ослепленного фаворским светом:

Ты на θаворе, в куще рая,
С преображенным опочил.[60]

А Одилону Редону Иванов в своей книге предоставляет роль «пророка», несущего людям благую весть:

...жезл, расцвеченный весной!
Прозябший тирс! Процветший посох странных...[61]

Наконец, последняя «аудитория», которая стихийно возникла из числа его «учеников», — кружок приверженцев Иванова, собирающийся в кафе, расположенном во дворе Национальной библиотеки, в перерывах между лекциями и научными штудиями. В него входили Вл. Н. Ивановский, А. С. Ященко, Н. Е. Пояркова, С. Л. Поляков, возможно С. А. Котляревский, Ал. Н. Чеботаревская и другие, неизвестные нам слушатели. На этих импровизированных собраниях возникает веселая игровая атмосфера с шуточными стихами и именами-прозвищами, ироничное переосмысление пафосных тем, заявленных в лекциях. Прием романтической иронии, когда смех не является дискредитацией высоких идей, автор «Прозрачности» использовал и в стихотворении-портрете «Dem Weltverbesserer», посвященном одному из участников этих собеседований. Здесь Ященко выступает в амплуа шиллеровского преобразователя мира, но «на поле бумаги». Правовед и адепт Вл. Соловьева мечтает «реализовать» на практике некоторые истины, добытые в ходе научного исследования во время подготовки диссертации.[62] Однако сам этот факт отнюдь не умаляет в глазах поэта реформаторские идеи. В таком же ироничном свете, отражающем атмосферу собраний, представлен в сборнике портрет другого «ученика», сверстника автора, философа и поэта Вл. Н. Ивановского.

После отъезда Иванова из Парижа некоторые из членов этого спонтанно образовавшегося кружка оказались вовлеченными в орбиту новых идей (преодоление индивидуализма через «любовь», стремление к «соборности», постоянное пребывание в творческом состоянии). Присутствие харизматической личности в их жизненном пространстве не ослабевало даже на расстоянии. В письмах Н. Е. Пояркова к женевскому затворнику мы находим жалобы на одиночество, он перечитывает подаренный ему автором сборник «Кормчие звезды», посвящает стихотворение Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и даже использует в своих стихах образ «прозрачно-

---

[57] Пророк Диониса (*фр.*).

[58] Картина Одилона Редона под таким названием не выявлена. Про поиски произведения Редона, о котором идет речь в стихотворении Иванова «Пустынник духа», см.: *Malmstad J. E.* «Hermits of the spirit»: Vjačeslav Ivanov and Odilon Redon // Вячеслав Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума, Вена 1998. Frankfurt am Main, 2003. С. 371—380.

[59] РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 2. Л. 20.

[60] *Иванов В.* Прозрачность. М., 1904. С. 85.

[61] Там же. С. 103.

[62] «Амплуа» Ященко восходит к стихотворению Фридриха Шиллера «An einem Weltverbesserer» (1795); о его взглядах подробнее см.: *Ященко А. С.* Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической философии права и государства. СПб., 1999.

сти». Он постоянно сообщает своему корреспонденту о стремлении поддержать в Москве связи, возникшие в парижском окружении Вяч. Иванова: «На днях видел и Вал⟨ерия⟩ Яковл⟨евича⟩... К. Д. Бальмонта. ⟨...⟩ Ал. Сем. Ящ⟨енк⟩о видел на днях, он приехал готовиться к защите диссертации и просил написать Вам, что хотел бы в Прозрачности встретить ваш сонет, посвященный ему. ⟨...⟩ Котляревского тоже видел, но здесь в Москве он не так интересен, и меня не тянет часто встречаться с ним. Полякова и Ивановского не встречал (первый теперь в Париже и будет корреспондентом «Новостей»)»;[63] «...жизнь в Париже, особенно последние два месяца — всегда со мною. Вам лучше — вы двое (и как-то даже втроем были), вы всегда понимаете друг друга, идете вместе, а я один. Природа и поэзия бодрят меня и только в них теперь мое счастье... А в конце сентября в Москву, там Художеств⟨енный⟩ театр, там Валерий Яковл⟨евич⟩, там будут и Алекс⟨андра⟩ Никол⟨аевна⟩[64] и Ященко. Как я буду рад, если вы тоже этой зимой будете в Москве — я заранее прикомандировываю себя к вам на некоторое время и мы сумеем создать парижск⟨ую⟩ атмосферу... в пределах возможности. Когда Вы будете в Париже (может быть, Вы уже там по-старому завтракаете в Национ⟨альной⟩ библ⟨иотеке⟩ — вот то счастливчик) и какой курс будете читать? Как роман и драма[65] глубокоуважаемой Лидии? Я так живо помню этот милый ресторанчик с итальянским двориком, добродушного хозяина, помню г. Ивановского, читающего стихотвор⟨ение⟩ на букву Ч (чуткий чин чиновник чует...), „мистика-казака" Сандро[66] (я заходил к его родным в Ставр⟨ополе⟩. Как они были рады!), нервного Поляк⟨ова⟩. Кстати, с Пол⟨яковым⟩ совершенно случайно встретился около Славянска и мы вместе ехали неск⟨олько⟩ станций, почти все время вспоминая последние дни в Париже. Иногда я беру ваш подарок и читаю ваши стихи — чаще всего из цикла Suspiria и Thalassia.[67] И опять рой светлых париж⟨ских⟩ воспоминаний».[68] Охотно знакомит метра со своими творческими начинаниями: «Вы спрашиваете о новых стихах. Да, каюсь — писал и написал довольно много, но все это сырой материал. Сонет еще не готов. Вот последнее стих⟨отворение⟩-фотография.

À m-me Лидии Ивановой

Выдался славный денек весь [прозрачный] хрустальный и светлый.
В ризе жемчужной на солнце сверкает река.
Мельницы говор, склонились прозрачные ветлы
К волнам холодным, что катятся с шумом века.
Осени милой повсюду родные картины».[69]

Не менее сильное влияние Иванова испытал и уехавший вскоре из Парижа в Казань преподаватель философии Вл. Н. Ивановский. «Счастливы Вы, — писал он в Женеву, — окруженные обстановкой, не позволяющей распускаться, живущие всегда в одной и той же приподнятой атмосфере, где каждый момент чем-нибудь обогащает дух. Счастлив и я тем, что имел случай прикоснуться к очагу горения, потереться немного своей грубой спиной о летящую в небо колонну и соскоблить этим с себя хоть немного шелухи мелочей. В Вас я нашел человека, к которому оказалось возможным подойти, так сказать, вплотную, не путаясь в массе одевающих нас оболочек, подойти — не к интимной, конечно, — но к общезначимой сущ-

---

[63] *Поярков Н. Е.* Письма к Вяч. Иванову // РГБ. Ф. 109. Карт. 33. Ед. хр. 21. Л. 3 об.

[64] Имеется в виду Ал. Н. Чеботаревская.

[65] Имеется в виду драма «Кольца» (М., 1904).

[66] А. С. Ященко. Характеристика «мистик-казак» восходит к стихотворному посланию Вяч. Иванова к данному адресату («Dem Weltverbesserer»): «...о деспот-мистик, / Казацкой вольницы и казуистик».

[67] Циклы в сборнике Вяч. Иванова «Кормчие звезды».

[68] РГБ. Ф. 109. Карт. 33. Ед. хр. 21. Л. 10 об.—11.

[69] Там же. Л. 11 об.

ности интересного человека — притом пантеиста, т. е. такого, в мировоззрении которого я фигурирую как малая часть бытия, для которого и я, значит, интересен, как таковой, как сущий. Есть другой тип людей — крайних субъективистов, везде видящих лишь себя; думаю, что к нему принадлежит Ваш антипод Бальмонт, например, но Вы не Бальмонт, Вы иной, у нас неведомый избранник...»[70]

Вторжение в его жизненный сценарий со стороны Иванова проявлялось в настойчивых разговорах о необходимости женитьбы, и даже в конкретных попытках составить его «счастье» с Ал. Н. Чеботаревской, а также в вовлечении Ивановского в процесс поэтического творчества. Для «обогащения» стиля он советует «беспечному ученику Юма» перевести Поля Верлена и овладеть формой сонета. Ивановский с радостью откликается на предложение своего парижского друга и готов продемонстрировать не только образцы собственного стихотворного творчества, но и раскрыть творческую лабораторию. «Я взял за образец, — писал он в Женеву, — Ваш сонет, припомнил пушкинский „Суровый Дант" — и написал:

В. И. Иванову

(попытка ответа на вопрос о том, владею ли я формой сонета)

Из темной Скиѳии лечу с приветом
В священный лес, где страждет Дионис,
Где деве жрец пророческим сонетом
Вещает: жди, надейся и стремись...
Там [оргиаст] некий бог признал меня поэтом...
Внемли, мой скромный дух, и покорись;
Не небреги вещателя заветом
И сердцем пламенным горе несись...
[Пой иль кличи богов о,] Пьяный восторгом, дерзкий обнажитель,
И сам будь оргиаст и небожитель, —
Со страстью мысль кристальную мешай,
С порывом духа буйным речи ясность,
С любви напевом [знания] истины бесстрастность
И щедрую судьбу благословляй.

А теперь я хочу дать Вам лишний случай оказать мне услугу: прокритикуйте этот сонет. Напр⟨имер⟩, не лучше ли, не красивее ли: „на выси гор" вместо „в священный лес"? Какие образы можно было бы поставить вместо „мой скромный дух",
„вещает"
„со страстью"
„знания"
„судьбу"?
У меня ведь очень мало образов в запасе. Моя специальность прямо антиобразная, не только безобразная».[71] «Вот Вам еще сонет о Вас; я написал его на этих днях — после отправки предыдущего письма:

Ты зрящий тайное! Всевидец многоокий!
Чей грешный помысл блещет чистотой...
Прозрений* мир мерцающий, глубокий
На ⟨нрзб.⟩ струн утонченно-простой
Звучит в тебе гармонией высокой
И дивною сияет красотой...
Тебя я встретил, путник одинокий.

---

[70] *Ивановский Вл. Н.* Письма к Вяч. Иванову // РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 22. Л. 3 об. В конце этого пассажа — каламбурное обыгрывание начальной строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...» (1832).

[71] Там же. Л. 3 об.—4.

С алканьем правды, с пылкой простотой —
Презрев одежд убор — добычу тленья
К источнику живому вдохновенья
Я трепетно и радостно приник
И тайных дум — то грустных, то отрадных —
И [пылких] [добрых] смелых чувств, стремлений к жизни жадных
В тебе нашел прозрачный я родник.

*Вар⟨иант⟩ предчувствий

Раскритикуйте же Вы, наконец, мои сонеты! Не хотите? Так я Вам сам раскритикую их...

1) Первые два стиха сначала были:

В твоей душе всевидец многоокий
Греховный помысл блещет чистотой, —

Понимай: „даже греховный..." А теперь не плохо выходит?

2) „Прозрений мир... звучит", — переход от зрения в слух... Не лучше ли предчувствий, которым легче звучать, чем прозрениям?

3) „Утонченно-простой" — хорошо ли?

4) Последний стих немузыкален; но до сих пор ничего более изящного подобрать не могу. — А еще что?»[72]

Зачеркивания в тексте свидетельствуют о том, что сонет не переписывался набело, а создавался непосредственно в письме, и этот процесс еще явно не закончен, так как автор не остановился в выборе вариантов. Кроме того, в настойчивых просьбах о критике нельзя не заметить стремления к совместному, коллективному творчеству и сотворчеству. Так осознанно или неосознанно Ивановский попал под влияние новых принципов, продекларированных в «Прозрачности»: например, коллективного «мы» вместо лирического «я» в открывающем сборник стихотворении «Поэты духа»:

Мы — Вечности обеты, —

а также в стилизациях формы дифирамба.

Иного рода отклик нашли «дионисийские идеи» Вяч. Иванова в душе С. А. Котляревского. Он оказался «включенным» в еще очень нечетко обозначенную программу «большого стиля», утопический проект преобразования «жизни» с помощью искусства. Безусловно признавая за Вяч. Ивановым роль «вождя», разделяя его дионисийско-христианские чаяния, Котляревский высказывает мысли о коллективном предприятии. Вот фрагмент из его письма: «Вам, добрый Вячеслав Иванович, мне хотелось бы сказать лишь одно: ради Бога, дайте все, что можете дать. Вы уже принадлежите будущей России. Ваше глубокое пониманье и проникновенье, Ваше творчество отражает ее; лишь, когда могут рассеяться все эти предрассудки, застарелые боязни, непонимание, лишь тогда мы поймем, что вечные потенции религии не имеют ничего общего с теперешним порабощением и искажением, с государственным идолопоклонством. Государственная церковь привела нас... к полному забвению того, что есть истинного, высокого и важного в жизни. Теперь в этом отношении начинает освобождаться — и это звучит и в Ваших стихах, и в ваших словах. Но особенно, я надеюсь, что Вы не оставите этой области, представляющей глубочайший интерес — вопрос единства исторической оси, исходящей через эллинский дионисизм и христианство. Сколько противоречий всемирно-исторических и личных разрешается на этом пути ⟨...⟩ Священный символ христианства, который как будто так безвозвратно ⟨нрзб.⟩ для нас, снова заблистал с новой силой. ⟨...⟩ Христос-Дионис есть зиждущая творческая сила в человечестве, вопло-

[72] Там же. Л. 8—9 об.

щенная в религиозных символах, и когда эти символы перестанут быть предметом идолопоклонничества, тогда может явиться и ⟨нрзб.⟩ в духе и истине. И разве не чувствуется, что вечная основа человеческого прогресса — свобода, это священное слово — ⟨нрзб.⟩ в нашем христианстве? — Но — и здесь начинается самая трудная для нас задача — более чем когда-нибудь нам кажется, что разрушительная работа должна предшествовать положительной. Нужно очистить землю от идолов и цепей. Надо в особенности уничтожить этот безнравственный и ничтожественный догмат о смирении и покорности перед насилием и людьми. Нельзя быть одновременно покорным Христу и Пилату. Смиренье в высшей воле заключается в том, чтобы принести ей в жертву все свои силы, а не в том, чтобы сжигать их в большом. Будемте аргонавтами будущего и среди всех невзгод будем верить в путеводные звезды человечества — в путеводную звезду России. Вот что я хотел Вам сказать, прибавьте к этому лишь чувство глубокой радости, что познакомился с Вами. И если бы возможно было устроить какое-нибудь коллективное предприятие, я, конечно, с радостью примкнул бы к нему. Итак, до свидания, мой сердечный привет Лидии Дмитриевне, надеюсь ее увидеть в Москве. Ваш С. К.».[73]

В сборнике «Прозрачность» Вяч. Иванов отводит Котляревскому роль участника мистериального таинства. Ему посвящено стихотворение «Пришлец», где идея «второго пришествия» раскрывается в дионисийско-христианских символах:

— Крест ли ты — иль тирс — возносишь?
— «Пышный тирс и крест — несут тебя».[74]

Таким образом, публикуемые материалы позволяют увидеть истоки жизнетворческого проекта Вяч. Иванова: в Париже он ищет людей, которые не просто осознают свою деятельность как миссию, имеют «послание», обращенное в будущее, культивируют в себе интерес к творчеству как процессу, способны быть «центром», собирать вокруг себя единомышленников и влиять на них, мечтают о преобразовании мира или же могут изменить свой собственный жизненный сценарий под влиянием чужих идей.

---

[73] *Котляревский С. А.* Письма к Вяч. Иванову // РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 90. Л. 3 об.—4 об.

[74] *Иванов В.* Прозрачность. С. 38.

© *С. Н. Доценко* (*Эстония*)

О ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКАХ СТИХОТВОРЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «ΡΟΣΑΛΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΝΙΚΟΛΑΟΥ»

М. М. Бахтин одним из первых сформулировал едва ли не главную черту поэтики Вяч. Иванова: «Вяч. Иванов все время цитирует».[1]

Отсюда — опасность «заблудиться» в этом лесу цитат и реминисценций, пытаясь установить их источники, а еще более — их смысл и функцию. Однако спасает от такой участи другая особенность ивановской поэтики, проницательно уловлен-

---

[1] *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 379. Цитируемая лекция была прочитана Бахтиным в 20-е годы и тогда же записана Р. М. Миркиной (подробнее об этом см.: Там же. С. 374—383). Даже учитывая тот факт, что речь идет о тексте, который, возможно, лишь в известной мере сохранил его идеи и стиль, следует признать, что Бахтин довольно проницателен как в анализе философии и поэтики поэзии Вяч. Иванова в целом, так и в интерпретации отдельных его стихотворений.

ная тем же Бахтиным: «У Иванова же все идет по логическому пути. Через все звенья его символов можно провести графическую линию, настолько сильна их логическая связь. Если для поэтов обычно характерно психологическое и биографическое единство, то у Вяч. Иванова единство чисто систематическое. Все темы его поэзии представляют очень сложную единую систему. Его тематический мир так же един, отдельные моменты его тематики так же взаимно обусловлены, как в философском трактате».[2]

Кажущаяся сложность, а зачастую и «непонятность» поэзии Иванова во многом объясняется ее цитатной природой. Но стоит раскрыть источники цитат и реминисценций — и многое у Иванова оказывается на удивление простым и понятным.

Стихотворение Иванова «Ροσαλια των αγιων Νικολαων» (1911) смущает читателя уже своим древнегреческим заглавием. Переводится оно как «Розалии св. Николая». Но почему стихотворение «Ροσαλια των αγιων Νικολαων» имеет посвящение: «Е. В. Аничкову»? И как связаны языческий праздник Розалий и почитаемый христианский святой?

Разгадка обнаруживается благодаря авторскому примечанию к стихотворению, в котором указаны две статьи историка литературы и фольклориста Е. В. Аничкова: «Микола угодник и св. Николай» и «St. Nikolas and Artemis».[3]

В первой статье, «Микола угодник и св. Николай», Е. В. Аничков рассматривает происхождение культа св. Николая на Руси, его функции спасителя на водах, помощника и покровителя рыбаков, купцов, вообще мореплавателей. В этом контексте легко прочитываются следующие мотивы стихотворения Иванова:

Пусть роза мирликийская
Венчает хор свирельный,
Лачуги бедных рыбарей,
Их невод самодельный,
И страсти мореходные,
И якорь корабельный.[4]

Пожалуй, необходимо уточнить эпитет «роза мирликийская». Он восходит к названию города, где возник культ св. Николая, — Миры из Ликии. Название этого города как места рождения и смерти св. Николая было хорошо известно из популярных на Руси житий этого святого. А традиционная церковная «титулатура»

---

[2] Там же. С. 377. В свою очередь С. С. Аверинцев подчеркивает: «Символы у него действительно составляют систему в полном смысле этого слова: систему такой степени замкнутости, как ни у одного из русских символистов» (*Аверинцев С.* Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Аверинцев С. Поэты. М., 1996. С. 170). См. также: *Аверинцев С.* Стратегия цитаты в поэзии Вячеслава Иванова // Europa Orientalis. 2002. Т. XXI. № 1. С. 12).

[3] См.: *Аничков Е. В.* 1) Микола угодник и св. Николай // Записки Нео-Филологического общества (бывшего Отделения филологического общества по романо-германской филологии) при Имп. Санкт-Петербургском университете. СПб., 1892. Вып. II. № 2. С. 1—55; 2) St. Nikolas and Artemis // Folklore. 1894. Русскую версию последней статьи см.: *Аничков Е.* Св. Николай и Артемида Эфесская // Записки Восточного отделения Археологического общества. 1895. IX. В 1905—1912 годах. Е. В. Аничков находился в дружеских отношениях с Вяч. Ивановым и постоянно бывал на знаменитых «ивановских средах»: «Из частых на „башне" — запомнились: Е. В. Аничков, профессор и критик...» (*Белый А.* Начало века. М.; Л., 1933. С. 10; см. также: *Белый А.* Между двух революций. Л., 1934. С. 82, 96). Е. В. Аничкова как частого посетителя «ивановских сред» упоминает и Н. Бердяев (см.: *Бердяев Н.* «Ивановские среды» // Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 322). См. также в мемуарной книге Ремизова «Кукха»: «Среда у Вяч. Иванова. Коновод Аничков. И бесчисленное количество новых» (*Ремизов А.* Кукха: Розановы письма // Ремизов А. Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 7. С. 50). Вяч. Ивановым была написана статья о Е. В. Аничкове для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона (см.: *Иванов Вяч.* Аничков Евгений Васильевич // Новый энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. 2).

[4] *Иванов Вяч.* Cor ardens. М., 1911. Т. II. С. 117.

св. Николая включает упоминание места его рождения: святитель, архиепископ Мирликийский чудотворец.[5]

Но более важен другой мотив, касающийся связи имени св. Николая и праздника Розалий (Росалий):

В Росалии весенние
Святителя Николы
Украсьте розой, клирики,
Церковные престолы ⟨...⟩[6]

Именно об этом приурочении имени св. Николая к языческому празднику Росалий пишет Е. В. Аничков: «Старые языческие весенние праздники заменялись христианскими и к ним приурочивались обряды соответственных старых языческих празднеств. О таком празднике идет речь и в разбираемом здесь „ином житии св. Николая": „когда наступило время Руссалий (των ροσσαλιων) предка нашего святого, Николай пошел в митрополию на собор ⟨...⟩". Известие о существовании этого праздника Руссалий в Ликии, и притом связанного с именем св. Николая, имеет для нас двоякую важность. ⟨...⟩ Мы видим, что имя св. Николая является связанным с весенним праздником...»[7]

Становится понятно, почему стихотворение посвящено теме «весенних Росалий святителя Николы». Соединение праздника Руссалий (Росалий) с именем св. Николая восходит к исследованию Е. В. Аничкова, которое оказывается ключом для понимания текста Иванова. Дальнейшее рассмотрение темы Росалий позволяет, однако, выявить ряд мотивов, не отмеченных Аничковым, но важных для Иванова. Это мотивы, которые мы находим в третьей строфе стихотворения:

И розами по кладбищам
Усопших одаряйте,
И в розах с домочадцами
За кубком вечеряйте:
Приблизятся ли родичи —
Дверей не затворяйте.[8]

Появление у Иванова мотивов «кладбища» и «поминовения усопших» («родичей», т. е. предков) связано с тем, что Росалии — это праздник поминовения умерших предков, во время которого на могилы возлагались венки из роз, а предки в этот день, согласно представлениям древних греков, выходили из могил и принимали участие в ритуальной трапезе («вечере») вместе с живыми. В сонете «Розалии» (вошел в тот же сборник «Cor ardens») Иванов так описывает этот обычай:

И выходили гости на гостины,
Могильный сонм веселых сатурналий.

И шли в венках живые в сад печалей —
На дерн и мрамор сеять роз первины;
И вечеряли пращуры из глины,
В гирляндах роз, на вечери Розалий.[9]

Обычай возлагать венки из роз на могилы предков упоминает и А. Н. Веселовский в своей статье «Из поэтики розы»: «Роза — символ смерти; любовь и смерть

---

[5] См., например: *Вознесенский А., Гусев Ф.* Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПб., 1899.

[6] *Иванов Вяч.* Cor ardens. Т. II. С. 117. Стихотворение вошло в цикл «Эпические сказы и песни».

[7] *Аничков Е. В.* Микола угодник и св. Николай. С. 11.

[8] *Иванов Вяч.* Cor ardens. Т. II. С. 117.

[9] Там же. С. 153.

уже у древних сплетались в символе мирта, сплетаются и в современных западных поверьях о розмарине. ⟨...⟩ весной не только обновляется все живущее, но и усопшие, души предков временно оживают, показываются на земле, общаются с людьми, желанные и страшные, таинственные. И для них наставала весна, расцветала роза: весной, когда совершались по них поминки, на римской тризне (escae rosales) главную роль играли розы; их делили между присутствовавшими, гирляндами украшали гробницы; обряд этот называли Rosaria или Rosalia. Он обобщился: розы стали принадлежностью похорон, их возлагали на изображение ларов — предков, домовых...»[10]

Об этом обычае Иванов, много лет посвятивший изучению мифологии древних греков и древних римлян, был прекрасно осведомлен. Поэтому неудивительно то, что в его поэме «Феофил и Мария» (вошла в книгу «Rosarium» сборника «Cor ardens») мы находим описание праздника роз как поминального дня:

Вина, веселий и своеначалий
И навиих гостин пришла пора —
Дни майской розы, праздники Розалий.

Несут невеста и жених с утра
На кладбище цветочные корзины;
Погасло солнце — хоровод, игра,

Семейный пир в венках. Уж в домовины
Живые шлют гостей. Приспел конец
Веснянкам. У невесты вечерины ⟨...⟩[11]

Этот обычай Иванов объясняет в примечании к поэме и возводит его к древнегреческому празднику Анфестерий: «В античной Греции Розалиям соответствовали Дионисовы Анфестерии (роза посвящена Дионису). Веселая встреча весны соединялась с угощением усопших («навьи гостины»), души которых выходили в эту пору из подземного царства и смешивались с толпою пирующих живых родичей, а потом изгонялись последними, при посредстве заклинаний, с лица земли в подземные жилища...»[12]

В своей докторской диссертации «Дионис и прадионисийство» он снова подчеркивает поминальный характер древнего праздника: «Анфестерии с их навьим днем (chytroi) были праздником предков, гостей и выходцев из мира загробного».[13] При этом он отмечает: «Анфестериям, под именем Розалий — празднества роз, суждено было надолго пережить языческую Элладу».[14] Весенние Розалии (с их

---

[10] *Веселовский А. Н.* Из поэтики розы // Привет. СПб., 1898. С. 2. Статью А. Н. Веселовского «Из поэтики розы» Иванов несколько раз упоминает в примечаниях к книге «Cor ardens».

[11] *Иванов Вяч.* Cor ardens. Т. II. С. 192.

[12] Там же. С. 208. Древнегреческий праздник Анфестерий Иванов сближал с римскими Сатурналиями: «Сатурналии соответствовали дионисическим Анфестериям...» (*Иванов Вяч.* Религия Диониса: Ее происхождение и влияния // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 219). Это объясняет, почему в сонете «Розалии» в связи с праздником весенних Росалий упомянуты и «веселые сатурналии». И Розалии, и Сатурналии восходят к религии Диониса.

[13] *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. 153.

[14] Там же. С. 166. Этот вывод Иванова восходит в том числе и к статье А. Н. Веселовского «Из поэтики розы»: «Возложение цветов на могилы усопших было запрещено, но обычай не вымер, о нем говорят бл. Иероним и Пруденций; в Германии еще и теперь удержалось название Rosengarten для кладбища, а Розалии перешли в западном обозначении Троицына дня: Пасха роз (rosarum, rosata), что отвечает славянской „русалии"» (*Веселовский А. Н.* Из поэтики розы. С. 3). В другой статье А. Н. Веселовский приходит к заключению, что «весенние русалии, главным образом, поминальный обряд; русалки = manes, покойники ⟨...⟩ весенние русалии совершались в России на кладбищах и скудельницах» (*Веселовский А.* Генварские русалии и готские игры в Византии // Журнал министерства народного просвещения. 1885. № 9. С. 9, 14). Об этом см. также: *Котляревский А.* О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 250—251; *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1: Умершие неестественною смертью и русалки. С. 222.

культом умерших и обычаем поминальных тризн), сохранившиеся в Византии в христианскую эпоху и приуроченные к имени св. Николая, провоцируют и мотив пира, который появляется в 4-й строфе стихотворения Иванова и определяет главный его сюжет: пир-беседа, на который собираются уже христианские святые:

Разгонит роза темный полк,
А крест крепит победу.
В блаженных кущах смех и толк:
Сошлись на пир-беседу.[15]

Иванов упоминает двух святых, св. Илью и св. Николая. Но главным героем сюжета оказывается, разумеется, св. Николай. Впрочем, сюжет этот не встречается в известных житиях св. Николая.

На праздничном пиру св. Николай сидит рядом с Ильей-пророком, который угощает его вином:

И нектарного пития
Хмелиною червонной
Николу потчует Илья.[16]

И совсем уж непонятен следующий мотив: Никола засыпает во время пира и роняет ковш с вином, но оно чудесным образом не проливается. В это время его будит Илья-пророк и начинает стыдить:

Да гром святого разбудил.
«Проснися, полно, сродник!» —
Илья, смеясь, его стыдил:
«Опять ты, колобродник,
На землю, в море ль уходил?»[17]

На что св. Николай отвечает:

«Вздремнул я, брат! Красу морей
Вдруг буря возмутила;
Три сотни, боле, кораблей
Чуть-чуть не поглотила;
Из сил я выбился, ей-ей, —
Едва лишь отпустила...»[18]

Источником этого сюжета является духовный стих «Св. Никола и триста старцев иноков»,[19] который начинается с описания пира: «Поставлены столы золотые / Посажались все святые».[20] Среди прочих святых на этом пиру присутствуют Никола и Илья Громовник. На пиру Никола засыпает, чаша с вином падает из его руки, но вино не проливается:

Встает с заздравною чашей святитель Никола,
Возговорит за чашей в честь во славу Христову;
Но ему немного задремалось,
За дремотой выпустил он чашу,
На столы золотые чаша пала,
Ни разбилась, ни вино не пролилось.[21]

---

[15] *Иванов Вяч.* Cor ardens. Т. II. С. 117.
[16] Там же.
[17] Там же. С. 118.
[18] Там же.
[19] *Бессонов П.* Калики перехожие. Сборник стихов и исследование. М., 1861. Т. 1. С. 578—580 (№ 130).
[20] Там же. С. 578.
[21] Там же. С. 578—579.

Илья Громовник стыдит Николу, а тот оправдывается тем, что во сне ему приснилось, как буря чуть не потопила корабль, на котором триста старцев-иноков плыли ко Святой Горе (т. е. к Афону), а Никола пришел им на помощь и спас от гибели:

И пошел я, и им подсобил я.
И вывез я триста старцев,
Вывез по здорову и в весельи,
И отходили они к Святой Горе славной,
⟨...⟩
Вот тут-то мне и задремалось,
И я выпустил из руки чашу.[22]

Как видим, Иванов использовал сюжет этого духовного стиха, хотя и несколько изменил некоторые детали. Триста старцев-иноков, плывущих на корабле к Святой Горе, превращаются в триста кораблей. Чаша с вином, которую в духовном стихе роняет задремавший на пиру св. Николай, в ивановском стихотворении оказывается едва не пролившейся. Нет здесь и упоминания Святой Горы. Но главный мотив духовного стиха сохранен: св. Николай задремал на пиру, потому что во сне спасал мореплавателей, попавших в бурю.

Источник, которым воспользовался Иванов, — сборник духовных стихов «Калики перехожие», изданный П. Бессоновым. На тот момент этот сборник был самым полным и самым известным в ряду ему подобных. Подтверждается это и изучением других стихотворений Иванова из цикла «Эпические сказы и песни». Так, стихотворение «Сон Матери-Пустыни» восходит к духовному стиху «Сон Пресвятыя Богородицы» (варианты этого духовного стиха опубликованы в сборнике П. Бессонова под № 565—621), а стихотворение «Три гроба» восходит к духовному стиху «Хождение Богородицы» (варианты его опубликованы в сборнике П. Бессонова под № 390—400).[23]

Еще ранее, в сборнике Иванова «Кормчие звезды» (цикл «Райская мать»), мы найдем переложения и стилизации русских духовных стихов (стихотворения «Под древом кипарисным», «Стих о Святой Горе»). В качестве эпиграфа к циклу он избрал цитату из духовного стиха «Царевич Иосаф, пустынник. Быль и разговор с пустыней»:[24]

Придет мать-Весна красна,
Лузья, болоты разольются,
Древа листами оденутся,
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами.
А ты из пустыни вон изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь.[25]

Нет сомнений, что Иванов довольно хорошо был знаком с текстами русских духовных стихов.[26] Тем более интересно отметить, что в одних случаях он стремился сохранить и передать их ритмическую структуру (духовные стихи написаны тоническим или так называемым «народным стихом»), а в других — нет. В стихотворениях «Зарница», «Под древом кипарисным», «Стих о Святой Горе», «Сон Мате-

---

[22] Там же. С. 580.

[23] Помимо текстов этого духовного стиха из сборника П. Бессонова в качестве источников стихотворения «Три гроба» можно предположить также духовные рождественские песни, в которых встречаются сходные мотивы (см.: *Шейн П.* Белорусские народные песни. СПб., 1874. № 724—728).

[24] См.: *Бессонов П.* Калики перехожие. Т. 1. С. 216 (№ 50).

[25] *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 1. С. 91.

[26] Стихотворение «Сон Матери-Пустыни» имело еще и подзаголовок «Духовный стих» как явное указание на его жанр. О роли духовных стихов в творчестве Вяч. Иванова, в частности в «Повести о Светомире Царевиче», см. также: *Топорков А. Л.* Фольклорные источники «Повести о Светомире Царевиче» В. И. Иванова // Europa Orientalis. 2002. Т. XXI. № 2. С. 213—260.

ри-Пустыни. Духовный стих» мы видим имитацию ритмики духовных стихов; стихотворения «Милость мира», «Три гроба», «Ροσαλια των αγιων Νικολαων» и «Святая Елисавета» написаны силлабо-тоническими размерами (двусложниками): «Милость мира» написана четырехстопным ямбом, «Три гроба» — четырехстопным хореем, «Святая Елисавета» — трехстопным хореем, а разбираемое нами стихотворение — трехстопным ямбом. Все эти размеры традиционно использовались в русской поэзии для имитации «народного стиха» в стилизациях и переложениях фольклорных (или псевдофольклорных) сюжетов, но преимущественно — четырехстопный хорей, трехстопный хорей и трехстопный ямб.[27]

Однако можно заметить некоторую закономерность выбора ритмической структуры стихотворений Иванова: те, что являются обработками духовных стихов (с использованием их сюжетов, мотивов, образов), написаны силлабо-тоническими размерами. Те же стихотворения, в которых не используются сюжеты, мотивы и образы конкретных духовных стихов (к их числу надо отнести стихотворения «Зарница», «Под древом кипарисным», «Стих о Святой Горе» — это своего рода подражания духовным стихам), написаны народным тоническим стихом. Исключение в этом ряду — «Сон Матери-Пустыни. Духовный стих», в котором сохранена ритмика духовного стиха и одновременно использованы мотивы духовного стиха «Сон Пресвятыя Богородицы».

С какой целью Иванов включает в свое стихотворение сюжет духовного стиха «Св. Николай и триста старцев иноков»? Ведь главная тема стихотворения — показать связь культа св. Николая с языческим праздником Россалий-Русалий и тем самым объяснить обычай украшать церковь розами (ср.: «Украсьте розой, клирики, / Церковные престолы»; «Когда Николы образа / Все в розовом уборе»[28]). Подсказку может дать все та же статья Е. В. Аничкова, в которой есть ссылка на сербскую народную песню о том, как св. Николай заснул на пиру и пролил чашу с вином.[29]

Но главное для Иванова — показать неразрывную преемственную связь между античной Грецией (и особенно религией Диониса) и христианством: «Религия Диониса была тою нивой, ждавшей оплодотворения христианством; она нуждалась в нем, как в крайнем своем выводе, как в последнем своем, еще недоговоренном слове. ⟨...⟩ Христос являл себя как обновленный Дионис, а последний как прообраз Его еще не раскрывшейся во всей полноте идеи...»[30]

Именно поэтому св. Николай в стихотворении Иванова оказывается еще одним связующим звеном между миром эллинского дионисийства и миром христианским.[31] Но св. Николай особенно почитается и на Руси, в мире славянском. Следовательно, византийский αγιος Νικολαως естественным образом называется в стихотворении Иванова Николой (именно такое имя было у св. Николая в русском народном обиходе).

---

[27] См.: *Гаспаров М. Л.* 1) Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974. С. 367; 2) Семантический ореол пушкинского четырехстопного хорея // Пушкинские чтения: Сб. статей. Таллинн, 1990. С. 5—14.

[28] *Иванов Вяч.* Cor ardens. Т. II. С. 117, 118.

[29] См.: *Аничков Е. В.* Микола-угодник и св. Николай. С. 17. Нельзя исключать и того, что к использованию этого духовного стиха о св. Николае Вяч. Иванова подтолкнул А. М. Ремизов, который в 1907 году написал легенду «Никола Угодник» — пересказ того же источника (впервые опубл.: Голос Москвы. 1907. 25 дек. № 298. С. 1—2). Причем и он опирался на сборник П. Бессонова «Калики перехожие» и статью Е. В. Аничкова «Микола-угодник и св. Николай» (см.: *Ремизов А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 6. С. 263, 719—721). Об этой легенде Ремизова см. также: *Доценко С. Н.* Современный апокриф А. Ремизова // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. 1991. Вып. 881. С. 86 (Блоковский сб. X).

[30] *Иванов Вяч.* Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 142.

[31] Для Иванова значимо и то, что роза — это знак античной культуры (в которой его интересовало прежде всего «дионисийство»), прижившийся и в культуре христианской. Отсюда настойчивое стремление Иванова соединить Розу и Крест распятия (см. об этом: *Мурьянов М.* Символика розы в поэзии Блока // Вопросы литературы. 1999. № 6. С. 112—113).

© *К. М. Азадовский*

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И РИЛЬКЕ: ДВА РАКУРСА

1. «Я живо почувствовал Рильке...»

Вряд ли можно определить, когда Вячеслав Иванов впервые услышал о Райнере Мария Рильке и прочитал его произведения; достоверных сведений об этом не обнаружено. Нельзя, однако, усомниться в том, что имя Рильке было известно Иванову уже в 1904—1905 годах: московский журнал «Весы», в котором сотрудничал в те годы Иванов, уделял германскому поэту особое внимание, видя в нем — наряду со Стефаном Георге — ярчайшего выразителя символистской поэзии в Германии. Уже в первом номере «Весов» была помещена рецензия на «Книгу символов»[1] Рильке, автор которой (укрывшийся за инициалами «М. Р.») сопоставлял его с Георге и Гофмансталем.[2] Иванов, несомненно, видел и внимательно читал этот номер: в письме от 10 февраля 1904 года (из Швейцарии) он поздравляет Брюсова с «прекрасным началом „Весов", журнала истинно изящного — внешне и внутренне».[3]

Внимание Иванова к Рильке стремился привлечь молодой немецкий поэт-переводчик Ганс Гюнтер (позднее — Иоганнес фон Гюнтер; 1886—1973), впервые приехавший в Петербург (из родной Митавы) весной 1906 года. Кумиром Гюнтера был тогда Стефан Георге, чье творчество он страстно пропагандировал на Башне Иванова и в петербургских салонах.[4] Но поэзия Рильке также восхищала молодого Гюнтера. В своих воспоминаниях Гюнтер сообщает, что приблизительно в 1907 году, когда он встретился с поэтом и переводчиком Рейнгольдом фон Вальтером (1882—1965), их обоих настолько вдохновляла «Книга символов» Рильке, что они «знали ее наизусть».[5] Есть все основания полагать, что Гюнтер пытался познакомить своих русских знакомых (в частности — Блока[6]) со стихами Рильке.

Спустя несколько лет, сотрудничая в петербургском журнале «Аполлон», где он опубликовал, в частности, обширное эссе о Георге (1911. № 3 и 4), Гюнтер в своих обзорных статьях («Заметки о немецкой литературе») продолжает выделять Рильке в ряду современных немецких поэтов. Рильке, писал он, например, в статье «Итоги новой немецкой литературы», «стал для нас в своих последних стадиях развития тем же, чем сделались Сезанн и Ван Гог для художников. Можно не быть его учеником, но нельзя читать его, не поучаясь в то же время. Потому что совсем по-новому взглянул Рильке на хаос и на вещи, и это новое говорит он с такою литургической сосредоточенностью, облекает это новое в такую неслыханно новую форму, в мелодии, столь сладостные для уха и столь убедительные по внутреннему своему ритму, что творчество его роковым образом повлияло на новое поколение немецких лириков: с его пути не умели свернуть, попытались взглянуть на мир его глазами, но добились только безвкусицы».[7]

---

[1] Другие переводы названия — «Книга картин», «Книга образов». По-немецки: «Buch der Bilder» (1-е изд. — 1902).

[2] Весы. 1904. № 1. С. 68. Автор рецензии — Ю. К. Балтрушайтис.

[3] См.: Переписка ⟨В. Я. Брюсова⟩ с Вячеславом Ивановым 1903—1923 / Предисл. и публикация С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 446.

[4] См.: *Азадовский К.* Две башни — два мифа (Стефан Георге и Вячеслав Иванов) // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. 1905—2005. СПб., 2006 (в печати).

[5] *Guenther J. von.* Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und Moskau. Erinnerungen. München, 1969. S. 159.

[6] См. об этом: *Азадовский К. М.* Райнер Мария Рильке и Александр Блок (предварительные заметки) // Русская литература. 1991. № 2. С. 146, 154.

[7] Аполлон. 1912. № 9. С. 37.

1911—1914 годы — эпоха первого знакомства русских читателей с творчеством немецкого поэта. Помимо Гюнтера, о Рильке постоянно упоминает в своих корреспонденциях в «Русской мысли» Александр Элиасберг. В той же «Русской мысли» появляется в июне 1911 года и подборка стихотворений Рильке в переводе Александра Биска (первого переводчика стихов Рильке в России). Передовое издательство К. Ф. Некрасова выпускает в переводе Л. В. Горбуновой роман Рильке «Заметки Мальте-Лауридс Бригге» (М., 1913). Появляются переводы из Рильке, выполненные В. Ю. Эльснером.[8] Наконец, в 1914 году в Киеве выходит «Жизнь Марии» Рильке в переводе В. Н. Маккавейского.[9]

Все эти публикации были, так или иначе, известны Вячеславу Иванову. Он тяготел к редакции «Аполлона» (отчасти продолжавшего традиции московских «Весов»); регулярно печатался в 1910-е годы и в «Русской мысли». Все, что появлялось на страницах этих журналов, находилось в поле его пристального внимания. Еще в большей степени это относится к изданиям, группировавшимся вокруг московского издательства «Мусагет» («Труды и дни», «Логос»), в формировании и деятельности которого Иванов принимал непосредственное участие.

Германофильский уклон «Мусагета» и его приверженность символизму религиозно-философской и культурологической ориентации — факты, достаточно изученные в современной науке.[10] Неудивительно, что Рильке, автор «Книги символов» и «Часослова», воспринимается в кругу «мусагетовцев» как заметное (хотя и менее выдающееся, чем Стефан Георге) явление современной германской культуры. Эллис (Л. Л. Кобылинский), один из главных идеологов «Мусагета», постоянно упоминает о Рильке в своих работах начала 1910-х годов.[11] К числу поклонников немецкого поэта принадлежал и Ф. А. Степун (Степпун), многолетний друг и соратник Иванова, редактировавший (вместе с С. И. Гессеном и Б. В. Яковенко) русское издание «Логоса». Творчеством Рильке Степун увлекся, по-видимому, еще в Германии, где он учился в 1902—1909 годах. Обсуждая с Андреем Белым один из задуманных мусагетских сборников, Э. К. Метнер, инициатор и редактор большинства мусагетских начинаний, писал ему 17 сентября 1910 года (из Германии): «Пись-

---

[8] См.: Современные немецкие поэты в переводе Владимира Эльснер (так! — *К. А.*). М., 1913 (в книге 39 стихотворений Рильке).

[9] Перепечатано в кн.: *Маккавейский В.* Избр. соч. Киев, 2000. С. 199—214. «Жизнь Марии» Маккавейский отправил Вяч. Иванову. «Я имел смелость предложить Вашему вниманию мой перевод „Жизни Марии" Рильке, — писал он Иванову 15 мая 1914 года, — где, желая передать грандиозное, я местами пользовался Вами созданным стилем» (РГБ. Ф. 109. Карт. 29. Ед. хр. 51). Ср. характеристику В. Маккавейского, данную Эренбургом: «Он великолепно знал греческую мифологию, цитировал Лукиана и Асклепиада, Малларме и Рильке, словом, был местным Вячеславом Ивановым» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. / Вступ. ст. Б. М. Сарнова; Подг. текста И. И. Эренбург и Б. Я. Фрезинского; Ком. Б. Я. Фрезинского. Изд. испр. и доп. М., 1990. Т. 1. С. 293).

[10] См.: *Лавров А. В.* «Труды и дни» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905 — 1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 211; *Безродный М. В.* Издательство «Мусагет»: групповой портрет на фоне модернизма // Русская литература. 1998. № 2. С. 119—131; *Безродный М.* Из истории русского германофильства: издательство «Мусагет» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1999 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 1999. С. 157—198 (то же: *Bezrodnyj M.* Zur Geschichte der russischen Germanophilie: der Verlag «Musaget» // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19/20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexander II. bis zum Ersten Weltkrieg. Herausgegeben von Dagmar Herrmann. Redaktionelle Bearbeitung: Mechthild Keller, Maria Klassen und Karl-Heinz Korn. München, 2006. S. 792—829); *Безродный М. В.* Издательство «Мусагет» // Книжное дело в России в XIX—начале XX века: Сб. научн. тр. СПб., 2004. Вып. 12. С. 40—56.

[11] «Лирика Р. М. Рилькэ, так же как и его проза, всегда неизменно дышали подлинной, возвышенной чистотой готической символики...» (*Эллис.* Русские символисты. М., 1910. С. 332). Рильке упоминается (наряду с Верленом, Гюисмансом и Роденбахом) в краткой заметке, предваряющей книгу стихов Эллиса «Stigmata» (М., 1911). О Георге и Рильке как основных выразителях немецкого «модернизма», в котором, по его мнению, наблюдается «смешение классически-античного и готически-средневекового», Эллис упоминает в трактате «Vigilemus!» (М., 1914. С. 8).

ма Гюнтера я не получил; книги его[12] я издать не могу; предлагаю ему вместо книги дать большую статью для Сборника, в кот⟨орый⟩ пойдет 1) его статья о Георге 2) Степпун о Рильке 3) я о X (не знаю еще о каком немце...)».[13] Сборник, о котором идет речь, не состоялся, однако Степун посвятил Рильке один из разделов в своей программной статье «Трагедия мистического сознания».[14]

Именно в этом мусагетском кругу вращался в начале 1910-х годов поэт и художник Юлиан Павлович Анисимов (1886—1940), участник молодежного литературно-артистического кружка «Сердарда», в который входили также С. Н. Дурылин, Б. Л. Пастернак, Б. А. Садовской и другие.[15] Некоторые из молодых москвичей, входивших в «Сердарду» или близких к ней (С. Н. Дурылин, Б. А. Садовской, А. А. Сидоров, В. О. Станевич), успешно сотрудничали в «Трудах и днях». В 1910—1911 годах формируется и другой кружок — «Молодой Мусагет»; его участники собирались в мастерской скульптора К. Ф. Крахта.[16] Собрания этого кружка посещали, по свидетельству Андрея Белого, Борис Пастернак и Марина Цветаева (уже в ту пору страстная поклонница Германии и германской культуры).[17]

В автобиографической повести «Охранная грамота» (1930), посвященной памяти Рильке, Пастернак вспоминает, что на одном из собраний «Сердарды» именно он познакомил Юлиана Анисимова со стихами германского поэта, которого он (Пастернак) уже в то время «предпочитал всем его современникам».[18] Пастернак, по его словам, принес Анисимову экземпляр книги «Мне на праздник» («Mir zur Feier», 1899), который хранился в семейной библиотеке с дружеской надписью автора художнику Л. О. Пастернаку, отцу Бориса (Рильке познакомился и встречался с Леонидом Осиповичем во время своих приездов в Россию в 1899 и 1900 годах; впоследствии они переписывались и встречались за границей[19]). Из этой книги Анисимов перевел стихотворение «Ihr Mädchen seid wie die Kähne...» (в переводе Анисимова: «Вы, словно челны, сестры...») — оно войдет в его первый стихотворный сборник.[20] Вскоре Пастернак познакомил своего друга, очарованного стихами

---

[12] Имеется в виду статья Гюнтера о Стефане Георге, которую он безуспешно пытался издать отдельной книгой.

[13] РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 17. Л. 2; см. также: Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 6.

[14] *Степпун Ф.* Трагедия мистического сознания. (Опыт феноменологической характеристики) // Логос. Международный ежегодник по философии и культуре. 1911—1912. Книга вторая и третья. С. 115 — 140 (о Рильке — С. 132—140).

[15] О Ю. П. Анисимове см. статью Ю. М. Гельперина в биографическом словаре «Русские писатели 1800—1917. М., 1992. Т. 1: А—Г. С. 76—77. См. также справку М. Л. Гаспарова в кн.: Русская поэзия Серебряного века. Антология. М., 1993. С. 524. Портрет Ю. П. Анисимова, переводчика Рильке, красочно воссоздан в мемуарах историка литературы и переводчика К. Г. Локса (университетского товарища Б. Л. Пастернака): «Сидя в изодранном кресле, Юлиан с карандашом в руках читал тоненькую книжечку в пестрой обложке и восхищался ею. То были стихотворения Рильке, потом его переводы из Рильке. ⟨...⟩ Юлиан любил Рильке, и мне кажется, удачно переводил его. Слушая эти переводы, я думал: „Еще одно усилие, и ты при помощи Рильке станешь настоящим поэтом". Но этого не случилось, и так было суждено» (*Локс К.* Повесть об одном десятилетии (1907—1917) / Публ. и ком. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее. Исторический альманах. 15. М.; СПб., 1994. С. 53).

[16] Подробнее об этих кружках см: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов. Словарь. М., 2004. С. 198, 127.

[17] *Андрей Белый.* Между двух революций / Подг. текста и ком. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 333.

[18] *Пастернак Б.* Избранное: В 2 т. / Сост., подг. текста и ком. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака. М., 1985. Т. 2: Проза. Стихотворения. С. 145. Кроме того, в своем позднем автобиографическом очерке «Люди и положения» Борис Пастернак воссоздал живописный портрет Ю. П. Анисимова: «...талантливейшее существо и человек большего вкуса, начитанный и образованный, говоривший на нескольких иностранных языках свободно, как по-русски...» (Там же. С. 245).

[19] См.: *Пастернак Л. О.* Встречи с Р. М. Рильке // Пастернак Л. О. Записи разных лет. М., 1975. С. 146—150.

[20] См.: *Анисимов Ю.* Обитель. М., 1913. С. 42 (книга была издана в «Альционе» — издательстве А. М. Кожебаткина, секретаря «Мусагета»).

Рильке, с «Часословом» (также из семейной библиотеки[21]) — сборником стихов, навеянных в первую очередь русскими впечатлениями поэта. При участии своей жены Веры Оскаровны Станевич (1890—1967), в то время начинающей поэтессы и антропософки, Анисимов погружается — на рубеже 1912 и 1913 годов — в работу над переводом отдельных стихотворений. «Они переводили „Часослов" Рильке, — сообщает Е. Б. Пастернак, — по книге, в свое время подаренной автором Леониду Осиповичу. Борис Пастернак слушал варианты, обсуждал, набрасывал собственные решения».[22]

Именно в недрах «Сердарды» и «Молодого Мусагета» формируется в конце 1912 года книгоиздательство «Лирика». Выпущенный в апреле 1913 года альманах (получивший известность в истории русской литературы благодаря участию Пастернака, впервые напечатавшего в этом альманахе свои стихи[23]) открывался эпиграфом из Вячеслава Иванова («Пора птенцам, Орлица, / Очами пить эфир; / Яви теням — их лица, / И странным мира — мир»[24]). «Выбор эпиграфа из Вяч. Иванова, — вспоминает К. Г. Локс, — свидетельствовал, что поэтическое издательство „Лирика" не порывало с прошлым и только намерено было что-то преобразить».[25] Эпиграф из стихов Вяч. Иванова украшает и стихи другого участника альманаха «Лирика» (С. Я. Рубановича).

Из проспекта книгоиздательства явствует, что современной немецкой поэзии «лирики» уделяли особое внимание, причем главное место, бесспорно, принадлежало Рильке. Второй альманах «Лирики» (издание не состоялось) был задуман как своего рода антология под названием «Современные немецкие поэты»; в нее предполагалось включить стихи Георге, Рильке, Демеля, Шаукаля, Момберта и других (именно в таком порядке перечислены названные поэты в издательском проспекте). Предполагалось также выпустить прозаический сборник Рильке «Рассказы о Господе»[26] в переводе Ю. Анисимова, «Реквием» Рильке (также в переводе Анисимова),[27] стихи Новалиса (в переводе Г. Петникова и С. Боброва), книгу Якова Беме («О троякой жизни человека») в переводе Ю. Анисимова, книгу статей Б. Пастернака («Символизм и бессмертие»). Ни один из пунктов этой программы не осуществился. Удалось выпустить лишь переведенную Анисимовым «Книгу Часов», включившую в себя 24 стихотворения (малую часть «Часослова» Рильке).

Одновременно с переводом стихотворений Рильке Анисимов готовился написать и статью о немецком поэте (задуманную, возможно, как вступление к русско-

---

[21] Дарственная надпись Рильке на «Часослове» воспроизведена в кн.: Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / Изд. подг. Константин Азадовский. СПб., 2003. С. 530. Книга сохранилась в семейной библиотеке Пастернаков (Москва) — «с пометками Анисимова на полях и вариантами строк русского перевода» (ком. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова к публикации воспоминаний К. Г. Локса «Повесть об одном десятилетии» — с. 154).

[22] *Пастернак Е.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. М., 1989. С. 150.

[23] Участие Пастернака в «Лирике» — его «первое рождение» как поэта. Ср. в воспоминаниях С. Н. Дурылина, который «привел» Пастернака в «Лирику»: «Стихов же Бори и даже то, что он их пишет, решительно никто не знал до „Лирики". Он никогда и нигде их не читал» (Воспоминания о Борисе Пастернаке/ Сост., подг. текста, ком. Е. В. Пастернак, М. И. Фейнберг. М., 1993. С. 54).

[24] Из стихотворения «Воззревшие», вошедшего в стихотворный сб. «Прозрачность» (М., 1904).

[25] *Локс К.* Повесть об одном десятилетии (1907—1917). С. 76.

[26] Имеется в виду книга «детских историй» Рильке, впервые изданная в конце 1900 года под названием «Vom lieben Gott und Anderes / An Grosse für Kinder erzählt von Rainer Maria Rilke» («О Господе Боге и прочее. Взрослым для детей рассказано Райнером Мария Рильке») и отразившая, как и «Часослов», его увлечение Россией. Впоследствии эта книга не раз переиздавалась под названием «Истории о Господе Боге» (4-е изд. — 1913).

[27] Перу Рильке принадлежат два реквиема (оба — 1908); первый посвящен памяти художницы П. Модерзон-Беккер (1876—1907), второй — памяти поэта и переводчика графа В. фон Калькройта (1887—1906). На русском языке оба реквиема известны благодаря переводу Б. Л. Пастернака (впервые — Новый мир. 1929. № 8—9. С. 63—69; Звезда. 1929. № 8. С. 167—170).

му «Часослову»). «Обращаюсь к Вам с живейшей просьбой, — писал Эллис Э. К. Метнеру 17 января 1913 года (из Швейцарии), — запросить через *Крахта* некоторые статьи членов „Мол⟨одого⟩ Мусагета" (у Сидорова о Граале, у Дурылина о Вагнере, у Анисимова о Рильке) и, проредактировав их, пустить в „Трудах". Это по существу и тактически очень *важно*».[28] Тот факт, что Анисимов писал (по крайней мере, готовился написать) статью о Рильке, подтверждается его недатированным письмом к Б. А. Садовскому: «Мог бы дать (для журнала «Современник». — *К. А.*) к августу статью о Рильке. Вообще обозреть соврем⟨енную⟩ немецкую литтер⟨атуру⟩ (так! — *К. А.*), точнее, поэзию, к ноябрю. ⟨...⟩ Наконец, есть у меня переводы прозы Рильке».[29]

Статья Анисимова о Рильке не появилась, — скорее всего, она так и не была написана. Известную роль в этом сыграл, возможно, Вячеслав Иванов, вернувшийся в августе 1913 года из Италии и поселившийся в Москве (с 23 сентября, как установил Г. В. Обатнин, обратившись к дневнику М. М. Замятниной).[30] Сохранившиеся документы позволяют воссоздать, хотя и приблизительно, канву отношений Иванова и Анисимова осенью 1913 года.

До осени 1913 года Ю. П. Анисимов не был знаком с Ивановым — в отличие от своей жены, которая была представлена петербургскому «мэтру», видимо, в марте 1910 года (Иванов приезжал тогда в Москву на официальное открытие «Мусагета»).[31] К моменту появления Иванова в Москве «Книга Часов» в переводе Анисимова уже готовилась к изданию в «Лирике»; в начале октября сборник был набран. «Зайди ко мне, пожалуйста, Юлиан! — пишет Анисимову С. П. Бобров (возглавлявший издательство) 8 октября 1913 года. — Пришла корректура Рильке».[32]

В те дни Вячеслав Иванов стремительно вживался в московскую жизнь; его каждый день был заполнен встречами со старыми друзьями и близкими ему людьми. Вот неполный перечень тех, с кем виделся Иванов в конце сентября—начале октября 1913 года: К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, С. А. Булгаков, М. О. Гершензон, В. С. Гриневич, С. А. Поляков, Г. А. Рачинский, С. А. Соколов, Ф. А. Степун, А. Н. Толстой и С. И. Толстая... 2 октября Иванов посетил редакцию «Мусагета». «...Пришли в „Мусагет" повидаться с Вячесл⟨авом⟩ Петровский,[33] Сизов[34] и Киселев,[35] — записано в дневнике М. М. Замятниной. — Из них Петровс⟨кий⟩, Сизов и Ахрам⟨ович⟩[36] — штейнерианцы, Киселев же, хотя и член антропософич⟨еского⟩ общества, но не штейнерианец и думает даже из антропософ⟨ского⟩ общества выходить».[37]

Был ли Анисимов среди других в «Мусагете» вечером 2 октября, — неизвестно. Однако 8 октября (в воскресенье) он явился к Иванову около часу дня с только

---

[28] РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 2.

[29] РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 11—12.

[30] См.: *Иванов Вяч.* Ответ на статью ⟨Н. Брызгалова⟩ «Символизм и фальсификация» / Публ. Г. В. Обатнина // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 171 (тематический выпуск «Вячеслав Иванов. Материалы и публикации»).

[31] См. взволнованное («пасхальное») письмо В. О. Станевич к Иванову от 8 апреля 1911 года: «Дорогой Вячеслав Иванович, мне хочется, чтобы в эти светлые дни Вы вспомнили меня. Убоги слова мои и тесен дом мой, но я открыла солнцу все окна и двери; и мне хочется услышать голоса близких и далеких. Услышьте и Вы меня. Простите мне мое неуменье сказать, но я разучилась всем словам. *Вера Станевич*» (РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 78). Станевич посылала Иванову и свои стихи (см.: Ф. 109. Карт. 46. Ед. хр. 34).

[32] РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 1. Ед. хр. 258. Письмо написано на бланке книгоиздательства «Лирика».

[33] Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958) — переводчик, сотрудник библиотеки Румянцевского музея, друг Андрея Белого.

[34] Михаил Иванович Сизов (1884—1956) — физиолог, педагог, критик и переводчик.

[35] Николай Петрович Киселев (1884—1965) — библиограф, книговед; в 1913—1915 годах — секретарь издательства «Мусагет».

[36] Витольд Францевич Ахрамович (Ашмарин) (1882—1930) — литератор; в 1910—1912 годах — секретарь издательства «Мусагет».

[37] РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 106 об.

что полученной корректурой. Незадолго перед тем к Иванову зашел Г. А. Рачинский. «...Только что Рачинский уселся с Вяч⟨еславом⟩ в кабинете, — читаем в дневнике М. М. Замятниной, — как пришел молодой поэт Анисимов (молодой Мусагет, не штейнерианец), принес свой сборник стихов, звал Вяч⟨еслава⟩ участвовать ⟨?⟩, просил Вяч⟨еслава⟩ написать предисловие к его переводу некот⟨орых⟩ стихов Рильке, немецк⟨ого⟩ поэта. Анисимов пробыл с час».[38]

Далее события разворачивались, предположительно, следующим образом. Выслушав Анисимова, вручившего ему корректуру «Книги Часов», Иванов бегло пролистал сборник, выразил одобрение прочитанному и согласился написать к нему предисловие. При этом он изъявил желание предварительно прочитать стихи Рильке в оригинале и ближе познакомиться с его творчеством в целом. Так, во всяком случае, можно толковать недатированную записку Анисимова к Иванову (судя по содержанию, — 9 октября 1913 года):

«Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович

Вот те 5 книг, которые мне удалось найти. Вместе со Stundenbuch,[39] они безусловно дают полное представление о творчестве Рильке.[40]

Не могу не принести Вам еще раз своей глубокой благодарности за Ваши указания, давшие мне возможность вчера же вечером переделать значительную часть неудачных мест перевода.

В заключение очень просил бы Вас известить меня через моего посланного о времени, когда Вы позволите мне заехать за корректурой.

Жена моя просит меня передать Вам свой привет.

Преданный и уважающий Вас

Ю. Анисимов».[41]

Однако, внимательно изучив текст переводов и сличив их с немецкими текстами, Иванов «живо почувствовал» Рильке и отнесся к работе Анисимова более критически. Его письмо — единственный до настоящего времени источник, содержащий определенные суждения Иванова о Рильке-поэте:

«14 окт⟨ября⟩ 1913

Дорогой Юлиан Павлович

Просматривая Ваши корректуры, я — скажу прямо — испугался. Схватывая при беглом чтении как бы на лету первые впечатления, угадывая общий смысл из пробегаемых глазами строк подлинника и ловя строки перевода как смутные эхо, — я живо почувствовал Рильке, его душу и его стиль, и мог даже указать Вам на целый ряд искажающих подлинник неточностей, но за этою сложною работой, производимой впопыхах, решительно ошибся в общей оценке Вашего перевода в его теперешней фазе. Корректура неумолимо свидетельствует о том, что книжка в ее настоящем виде заставит читателей только пожимать плечами. Рильке и без того требует внимания, почти медитативного; ясный и простой сам по себе, он, однако, слишком неожидан в своих образах и слишком глубок, а порой и замысловат (притом же крайне скуп на слова), чтобы быть легко понимаемым: а Вы еще затемняете его натянутыми и искус-

---

[38] Там же. Л. 108 об.

[39] «Часослов» (*нем.*).

[40] Отталкиваясь от перечня тех книг Рильке, которые переводил (или собирался перевести) Ю. П. Анисимов, можно приблизительно назвать четыре из пяти книг, переданных им В. И. Иванову: «Мне на праздник», «О Господе Боге...», «Часослов» и «Реквием» (книжечка, состоящая из обоих реквиемов; 1-е изд. — 1909; 2-е изд. — 1912). Пятой могла быть «Книга символов» (см. прим. 1).

[41] РГБ. Ф. 109. Карт. 11. Ед. хр. 33. Л. 3—4.

ственными оборотами, делаете прямое и наивное каким-то смутным и зыбким, как подвижное отражение в непрозрачной воде. Читатель найдет в книжке какую-то абракадабру, которую критика не замедлит свалить на Вашу ответственность, что будет справедливо, ибо неточностей масса. В результате, предисловие я напишу, если Вы приложите действительное старание к переводу и существенно его переработаете. Если согласны, приходите, чтобы вместе и уже медленно и толково перечитать и пересудить все. Мне жаль, что при свидании ⟨я⟩ Вас успокоил относительно общей моей оценки, а теперь, б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩, огорчаю противоположным приговором. Прибавлю, тем не менее, что многое все же удачно и что общая основа большею частию ⟨1 нрзб.⟩.

Сердечно Ваш

Вяч⟨еслав⟩ Ив⟨анов⟩».[42]

Письмо это (к нему сохранился и конверт) вряд ли было отправлено — иначе неясно, каким образом оно оказалось в архиве Иванова. Кроме того, остается вопрос, по какой причине Иванов так и не написал предисловия к анисимовскому переводу стихов Рильке. Может быть, просто из-за нехватки времени. «Книга Часов», как указано в конце издания, была отпечатана уже 28 октября (с коротким предисловием самого Анисимова). Возможна и другая причина: Анисимову не удалось «существенно переработать» свой перевод, поднять его до того уровня художественности, которого требовал Иванов, и «мэтр» не счел для себя возможным освящать своим предисловием слабые, как ему казалось, стихотворные переводы Рильке.

Сохранилось, однако, два коротких черновых фрагмента, написанных рукою Иванова, — вероятно, наброски к обещанному предисловию. По этим обрывочным фразам трудно судить, каким виделось Иванову творчество Рильке в целом, но не подлежит сомнению: он собирался говорить о близости стихов «Часослова» к русской религиозности — именно в таком ключе воспринимали Рильке и «лирики»: сам Анисимов, С. Н. Дурылин[43] и, очевидно, другие.

Ниже публикуются оба фрагмента ивановских заметок о Рильке; зачеркнутые слова и отрывки заключены в квадратные скобки, восстановленные части слов — в угловые.

Фрагмент первый

«[Какова бы ни была современная Германия, душа ее в прошлых веках рисуется мне иною]

в [круге] [нашей] современной п⟨оэзии⟩

Райнер Мария Рильке [у нас] желанный и жданный гость в России [на дружной сходке поэтов и мистиков] равно в кругах художников, как и на вечерях [тех] тех „русских мальчиков" [Достоевского], [которые со времени Достоевского, их открывшего, успели не раз смениться другими мальчиками] что не могут [прервать беседу] расстаться раньше, чем не решится вопрос о Боге и бессмертии души. Эти мальчики [Достоевск⟨ого⟩ не р⟨аз?⟩ образовали] со време⟨ни⟩ открывш⟨его⟩ их Достоевского успели [уже] пройти в на⟨ше⟩й истории [целым рядом] несколькими поколениями, но в этой смене поколен⟨ий⟩ почти не было подлин⟨ного⟩ спора отцов и детей. [Старики дружились с молод⟨ыми⟩] Старцы братались с юношами, и совопросники века сего с простецами из народа, [на общей почве] когда [соединил] их объеди⟨нил⟩ заветн⟨ый?⟩ русский вопрос».[44]

---

[42] Там же. Карт. 9. Ед. хр. 2.

[43] В своем предисловии Анисимов писал, что «отдает» свой переводческий труд «тем немногим, кто ценит Рильке не только как исключительного стихотворца и кто чувствует его значение для России». А С. Н. Дурылин, отозвавшийся на «Книгу Часов» (под псевдонимом «Сергей Раевский») короткой рецензией, подчеркивал: «Родная русская печаль и вера есть в стихах немецкого поэта, и оттого они дороги и милы, и близки» (Путь. 1914. № 3. С. 69).

[44] ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 23. Л. 92. Приношу искреннюю благодарность Г. В. Обатнину, обратившему мое внимание на оба фрагмента. («Русские мальчики» — из романа Достоевского «Братья Карамазовы»).

Фрагмент второй

«Райнер Мария Рильке — желанный и жданный гость в России, — равно в кругах художников [шествующих с оргиастами вокруг за Сфинксом Символизма в обетованн⟨ую⟩ землю [Китеж] всенародного мифотворческого художества, как и на ве] как и на вечерях тех „русских мальчиков", что не могут расстаться, не порешив вопроса о бытии Бога и бессмертии души. Эти мальчики со времени открывшего их Достоевского сменились в ряде поколений, и не было в той смене,».[45]

Несостоявшееся предисловие не сказалось, однако, на личных отношениях между Ивановым и четой Анисимовых. Письма Анисимова к Иванову и ряд иных документов свидетельствуют о их регулярных встречах «в тесном кругу» в 1913—1914 годах. Так, одно из недатированных писем Ю. П. Анисимова к Иванову представляет собой приглашение посетить его «в четверг» вместе с В. К. Шварсалон; в тот же день к Анисимову был приглашен и Г. А. Рачинский.[46] «Милый Сергей Васильевич, — пишет Анисимов С. В. Шервинскому (записка без даты). — Не обижайтесь, ради Бога, на то, что мне не удалось самому быть у Вас. И в доказательство того, что Вы не обиделись, приходите завтра вечером к нам. Будет, м⟨ежду⟩ прочим, Вячеслав Иванов».[47] «Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович, — пишет Иванову В. О. Станевич (письмо не датировано; по содержанию — весна 1914 года). — ⟨...⟩ На Пасхе и Юлиан, и я собирались повидать Вас, но на Страстной Юлиан заболел и только сегодня встал, я же извелась вконец. Поэтому решаемся письменно просить Вас в среду вечером к нам с Верой Константиновной. Будут Григорий Алексеевич и Федор Августович,[48] и не будет никого из „футуристов": с ними, к счастью, „Лирика" покончила. Пожалуйста, приезжайте, мы очень, очень хотим Вас видеть».[49]

Есть основания предполагать, что имя Рильке не раз произносилось при этих встречах, — Анисимов продолжал переводить стихи «Часослова». К 1916 году он подготовил второе «дополненное» издание «Книги Часов», о чем сообщалось в перечне книг «готовящихся к печати», помещенном на внутренней стороне обложки стихотворного сборника «Ветер» — новой книги Анисимова, содержащей стихи 1914—1915 годов.[50] Однако в условиях того времени оба издания не состоялись.

После 1914 года Иванов, захваченный историческими событиями и катастрофами той эпохи, отдаляется от современной западноевропейской поэзии. К лирике Рильке он возвращается лишь во второй половине 1920-х годов, чему в первую очередь способствует его дружба с Ольгой Шор, восторженной поклонницей германского поэта. Так, в одном из своих писем к Иванову она соотносит его с величайшими творцами в мировой поэзии, в том числе — Рильке («...в голове проносилися и душу спасительно волновали боговдохновенные ритмы стихов — Пушкинских, Гетевских, Рильковских, Ваших...»[51]); в другом — цитирует строки Рильке, опять-таки сопоставляя их с «песнями» Иванова.[52]

---

[45] Там же. Л. 93.

[46] РГБ. Ф. 109. Карт. 11. Ед. хр. 33. Л. 1.

[47] РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 199. Л. 5.

[48] Т. е. Г. А. Рачинский и Ф. А. Степун.

[49] РГБ. Ф. 109. Карт. 11. Ед. хр. 34.

[50] РГАЛИ. Ф. 1013. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 2 (рукопись книги «Ветер»). Сохранилась также верстка этой книги, предполагавшейся к выходу в издательстве «Альциона» в конце 1915 года (библиотека РГАЛИ).

[51] См.: Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор / Предисл. А. А. Кондюриной; Публ. А. А. Кондюриной, Л. Н. Ивановой, Д. Рицци и А. Б. Шишкина // Русско-итальянский архив. III. Вячеслав Иванов — новые материалы / Сост. Даниэла Рицци и Андрей Шишкин. Салерно, 2001. С. 198 (письмо от 12 августа 1925 года).

[52] Там же. С. 293 (письмо от 23 февраля 1928 года).

Имя Рильке сопровождает Иванова и в 1930-е годы. Этому в значительной мере способствует его дружба с писателем Гербертом Штайнером (1892—1966), почитателем и корреспондентом Рильке, издателем его писем, исследователем его наследия и т. д. Знакомство Иванова со Штайнером относится к 1928 году (их переписка, охватывающая последующие двадцать лет, опубликована Майклом Вахтелем[53]).

В 1930 году Штайнер становится соиздателем швейцарского двухмесячника «Corona», превратившегося со временем в один из наиболее культурных западноевропейских журналов 1930-х годов (издание прекратилось в 1943 году). Еще до выхода первого номера Штайнер обращает внимание Иванова на выполненный Рильке перевод «Слова о полку Игореве», фрагменты которого появились в пражской немецкой газете «Prager Presse»,[54] и предлагает ему написать для журнала «Corona» статью «об этом времени и этом произведении». Иванов отвечает согласием. 24 февраля 1930 года он пишет Штайнеру, что «само собой разумеется» был бы «горд» предварить своим предисловием рильковский перевод «Слова», «осуществленный, наверное, лишь в поэтических целях».[55]

Штайнер собирался поместить в «Corona» полный текст «Слова» в переводе Рильке и обратился по этому поводу к наследникам поэта. Дело, однако, затянулось: получить полный текст перевода (опубликованного целиком лишь в 1949 году[56]) Штайнеру так и не удалось. На несколько лет отложилась и публикация ивановского «предисловия», написанного тогда же, в 1930 году, но появившегося в виде самостоятельной статьи лишь семь лет спустя[57] (причем самого перевода, выполненного Рильке, Иванов в своей статье по существу не касается).

В течение 1930-х годов, уделяя Рильке на страницах «Corona» особое внимание, Штайнер неустанно информировал своего друга о наиболее интересных, с его точки зрения, публикациях, посвященных Рильке. В декабре 1932 года он посылает Иванову воспоминания о поэте, написанные княгиней Марией фон Турн унд Таксис;[58] в апреле 1934 года Иванов получает от него открытку, отправленную из замка Дуино («сижу в комнате, в которой жил Рильке...»).[59] В марте 1935 года Штайнер рекомендует Иванову публикацию рильковской прозы (очерк «Книги любящей»).[60] «Удалось ли Вам и Фламинго[61] прочесть в последней книжке „Corona" несколько страниц Мелля о Рильке? — спрашивает Штайнер Иванова 3 января 1937 года. — Мне кажется, их стоит прочесть».[62]

Обобщая, можно сказать: Рильке был и оставался для Иванова великим поэтом современной Германии, но явственно выразить свое отношение к его творчеству Иванову — в силу обстоятельств — так и не удалось.

---

[53] См.: *Ivanov V.* Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass. Herausgegeben von Michael Wachtel. Mainz, 1995.

[54] Отрывок был напечатан в № 7 иллюстрированного приложения («Dichtung und Welt») к «Prager Presse» от 16 февраля 1930 года. Публикацию осуществил чешский славист А. С. Магр (один из редакторов газеты), снабдивший ее кратким комментарием.

[55] *Ivanov V.* Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass. S. 99, 102.

[56] Rainer Maria Rilke's Translation of the Igor's Song (Slovo). With Introduction and Notes. By André von Gronicka // Russian Epic Studies. Edited by Roman Jacobson and Ernest J. Simmons. Philadelphia, 1949. P. 186—198 (Memoirs of the American Folklore Society. Vol. 42. 1947).

[57] *Iwanow W.* Vom Igorlied // Corona. 1937. Jg. 7. H. 6. S. 661—669.

[58] *Thurn und Taxis-Hohenlohe, M. von.* Erinnerungen an Rainer Maria Rilke. München; Berlin; Zürich, 1932.

[59] *Ivanov V.* Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass. S. 149.

[60] См.: *Rilke R. M.* Die Bücher einer Liebenden // Corona. 1935. Jg. 5. H. 2 (Januar). S. 165—168. Очерк под названием «Книги любящей» (1907, 1909) посвящен французской писательнице графине Анне де Ноай (урожд. княгиня де Бранкован; 1876—1933).

[61] Домашнее прозвище О. А. Шор.

[62] *Ivanov V.* Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass. S. 199. Штайнер имеет в виду напечатанные в шестой книжке журнала «Corona» за 1936 год воспоминания австрийского писателя Макса Мелля (1882—1971), озаглавленные «Встречи с Рильке».

2. «...Глубоко постигнуть значение этого писателя»

Весной 1921 года Рильке получил от переводчика Рейнгольда фон Вальтера две небольшие книжечки Александра Блока, выпущенные (в немецком переводе Вальтера) берлинским левоэсеровским издательством «Скифы», основанным осенью 1920 года.[63] Первая книжечка содержала поэмы «Скифы» и «Двенадцать»,[64] вторая — тринадцать блоковских стихотворений.[65] Обе книжки вызвали у Рильке неподдельный интерес, в частности благодаря предисловию, коим Вальтер снабдил свой перевод «Скифов». В письме к Р. фон Вальтеру от 6 апреля 1921 года Рильке горячо благодарит его («Книги, посланные Вами через издательство „Скифы", захватили меня во всех отношениях»[66]) и высказывает, опираясь на «скифскую» концепцию Блока (в интерпретации Вальтера), собственное видение современной России.[67]

Ободренный отзывом Рильке, Р. фон Вальтер пишет ему письмо (его переписка с Рильке завязалась еще в 1907 году[68]). Приглашая поэта к сотрудничеству в новом русско-немецком журнале, задуманном при издательстве «Скифы»,[69] Вальтер советуется с ним по поводу немецких авторов, которых следовало бы отметить или привлечь к участию в «Скифах». Рильке в своем ответном письме от 4 июня 1921 года благодарит Вальтера за приглашение и называет имена возможных сотрудников (в том числе — Рудольфа Каснера и Л. Андреас-Саломе.[70])

К своему письму Р. фон Вальтер приложил две другие книжечки, также изданные «Скифами». Одна из них — «Моцарт и Сальери» Пушкина в переводе самого Вальтера;[71] другая — «Кручи» Вячеслава Иванова, переведенная Вольфгангом Грёгером.[72] «В заключение, — пишет Рильке Вальтеру, — я должен поблагодарить

---

[63] Согласно издательским проспектам, публиковавшимся, например, в берлинском журнале «Русская книга», издательство ставило перед собой «совершенно новую задачу: ознакомление русского и иностранного читателя с Россией переходной эпохи в областях поэзии, литературной критики и политики». Предполагалось в первую очередь выпустить в переводе на основные европейские языки книги авторов, объединившихся еще в 1917 году в группу «Скифы»: Блока, Андрея Белого, Есенина, Клюева и Иванова-Разумника (идейного вдохновителя «Скифов»). Однако эту программу удалось реализовать лишь в ограниченной степени; в 1923 году издательство сворачивает свою деятельность (официально закрылось в 1925 году).

[64] *Block A.* Skythen. Die Zwölf. Aus dem Russischen übertragen und eingeleitet von Reinhold von Walter. Berlin, 1920.

[65] *Block A.* Gedichte. Aus dem Russischen übertragen von Reinhold von Walter. Berlin, 1920.

[66] См.: *Rilke R. M.* Briefe zur Politik. Herausgegeben von Joachim W. Storck. Frankfurt a. M.; Leipzig, 1992. S. 338.

[67] См. подробнее: *Азадовский К. М.* Райнер Мария Рильке и Александр Блок (предварительные заметки). С. 150—151.

[68] См. письмо Р. фон Вальтера к Рильке от 11 апреля 1913 года (Литературный архив Швейцарской национальной библиотеки (Берн). Rilke MS A 340). Отметим также, что Р. фон Вальтер был лично знаком с В. И. Ивановым и принадлежал к числу его горячих поклонников; сохранившиеся письма Вальтера к Иванову свидетельствуют о их встрече в Москве в декабре 1913 года, желании Вальтера перевести на немецкий язык книгу «По звездам» и др. (РГБ. Ф. 109. Карт. 33. Ед. хр. 48).

[69] Имеется в виду левоэсеровский журнал «Знамя. Временник литературы и политики». Первый номер этого журнала вышел в мае, второй (и последний) — в августе 1921 года. О том, что «двуязычный журнал издательства „Скифы"» прекратился на втором номере», Рильке известила Л. Андреас-Саломе в письме от 4 января 1922 года (см.: *Rainer Maria Rilke — Lou Andreas-Salomé.* Briefwechsel. Mit Erläuterungen und einem Nachwort herausgegeben von Ernst Pfeiffer. Zürich; Wiesbaden, 1952. S. 463.

[70] Л. Андреас-Саломе неоднократно упоминалась в перечне немецких сотрудников «Знамени».

[71] *Puschkin A. S.* Mozart und Salieri. Aus dem Russischen übertragen von Reinhold von Walter. Berlin, [1921].

[72] *Iwanow W.* Klüfte. Essays. Aus dem Russischen übertragen von Wolfgang E. Groeger. Berlin, 1921. Книжка представляет собой перевод статьи В. Иванова «Кручи. О кризисе гуманизма», напечатанной в журнале «Записки мечтателей» (1919. № 1. С. 103—118).

Вас за две новые книжечки, изданные в маленькой библиотеке „Скифов": статьи Вячеслава Иванова и „Моцарт и Сальери" Пушкина в Вашем переводе. Я охотно уделю внимание им обоим».[73]

О Вольфганге Грёгере (1882—1950) и его знакомстве с Ивановым следует сказать особо. Родившийся в Риге, Грёгер окончил в 1916 году Московский университет (юридический факультет) и вместе с семьей оставался в Москве вплоть до 1920 года. Выехав (через Ригу) из России, он в 1921 году окончательно обосновался в Берлине.[74] Его знакомство с В. И. Ивановым состоялось, видимо, в подмосковном Серебряном Бору, где Иванов проводил лето и осень 1919 года. «В санатории одновременно с нами был немецкий поэт Groeger, — вспоминает Лидия Иванова. — Он часто заходил к нам в комнату и долго беседовал с Верой».[75] Однако Грёгер общался в ту пору не только с Верой Шварсалон, но и с самим Ивановым, читал ему свои стихи и, видимо, пользовался его расположением. Представляя себя в письме к Л. Д. Блок (в связи с предпринятым им переводом «Розы и Креста»), Грёгер писал 14 января 1922 года (из Берлина): «Позвольте начать с того, что я — поэт и в качестве такового заслужил ласковое и, думается, искреннее признание со стороны Вячеслава Иванова, знающего и меня, и довольно много из моих стихов».[76] Видимо, по договоренности с Ивановым Грёгер предпринял и перевод «Круч» для берлинских «Скифов».[77] (Иванов впоследствии с похвалой отзывался о Грёгере и его переводе.)[78] Кроме того, Грёгер переводил стихи Вячеслава Иванова; в 1922 году по предложению Е. Г. Лундберга, руководителя берлинских «Скифов», он перевел венок сонетов Иванова («Любовь и смерть»). Однако задуманное издание книжки стихов Иванова не состоялось — «Скифы» прекратили немецкоязычные публикации.[79]

Именно «Кручи» Иванова в переводе Грёгера и читал Рильке в 1921 году. О том впечатлении, какое произвело на германского поэта культурологическое сочинение Иванова, можно судить по его письму к другому переводчику русских авторов на немецкий язык — Д. А. Уманскому.

Дмитрий Александрович Уманский (1901—1977) жил тогда в Вене.[80] Одной из первых его переводческих работ оказалась статья Иванова о Достоевском («Досто-

---

[73] *Rilke R. M.* Briefe zur Politik. S. 350.

[74] См. подробнее: *Werner X.* Der Übersetzer Wolfgang E. Groeger (1882—1950). Ein Beitrag zur Rezeptionsgeschichte russischer Literatur in Deutschland // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1984. Bd 30. S. 155—166. См. также опубликованную Ксенией Вернер содержательную переписку Грёгера с О. Шпенглером: Der Briefwechsel zwischen Oswald Spengler und Wolfgang E. Groeger über russische Literatur, Zeitgeschichte und soziale Fragen. Herausgegeben von Xenia Werner. Hamburg, 1987.

[75] *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце / Подг. текста и ком. Джона Мальмстада. Paris, 1990. С. 84.

[76] ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. Ед. хр. 50. Л. 1.

[77] В этом же издательстве Грёгер выпустил, кроме того, книжечку стихов Брюсова и Бальмонта в своем переводе (см.: Brjussov und Balmont. Gedichte. Aus dem Russischen übertragen von Wolfgang E. Groeger. Berlin, 1921).

[78] См., например, в письме к Бернту Гейзелеру от 10 июня 1930 года (в связи с предполагавшимся, но не осуществленным переизданием «Круч» в переводе Грёгера). Вспоминая о Грёгере, «который был со мной некогда дружен», Иванов называет его перевод «прекрасным» (*Ivanov V.* Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass. S. 229).

[79] См. подробнее: *Поляков Ф.* Венок сонетов Вяч. Иванова «Любовь и смерть» в переводе Вольфганга Грегора // Europa Orientalis. Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'est europeo. 2002. Vol. XXI. № 1. P. 367—386.

[80] Д. А. Уманский был братом К. А. Уманского (1902—1945), возглавлявшего в 1930-х годах Отдел печати в Наркоминделе и переведенного затем на дипломатическую работу (в США, затем — в Мексику), известного, в частности, благодаря своей дружбе с Эренбургом. До середины 1920-х годов Д. А. Уманский находился в Вене, затем перебрался в Берлин. В то время он активно занимался переводами с русского на немецкий и вел по этому поводу обширную переписку с писателями в России и за ее пределами. «Я работаю с писателями, — сообщал о себе Уманский А. И. Сумбатову-Южину 13 декабря 1923 года, — и обо мне знают: Б. К. Зайцев, А. М. Ремизов, А. М. Соболь, И. Д. Сургучев, И. А. Бунин, Н. Н. Евреинов, И. Г. Эренбург,

евский и роман-трагедия»), включенная в свое время в сборник «Борозды и межи» (1916). Перевод Уманского, появившийся на рубеже 1921 и 1922 годов,[81] был выполнен без авторизации Иванова, а качество этого перевода не раз вызывало нарекания специалистов. Артур Лютер в письме к Иванову от 11 мая 1927 года попросту называет его «плохим».[82] Отрицательную оценку Уманскому-переводчику дает и В. Грёгер в письме к московскому искусствоведу, библиофилу и коллекционеру П. Д. Эттингеру.[83] (Видимо, перевод был выполнен наспех — на волне невероятной популярности Достоевского в Германии в юбилейном для русского писателя 1921 году.)

В публикуемом ниже письме обращает на себя внимание интерес Рильке к поэзии Иванова. Встречалось ли Рильке (до 1921 года) имя Иванова, не раз упоминавшееся в немецкой печати в 1910-е годы, — сказать трудно. Не установлено, читал ли Рильке стихи Иванова, переведенные Иоганнесом фон Гюнтером и включенные в изданную им антологию «Новый русский Парнас»,[84] — по утверждению последнего, эта книга была известна Рильке и даже заслужила его благосклонный отклик.[85] Рильке явно ждал заявленной «Скифами» книжки стихов Иванова (в переводах В. Грёгера и др.) и сожалел, что издательство вынуждено сократить свою программу (прежде всего за счет книг на немецком языке).

Приводим полный текст письма Рильке к Д. А. Уманскому:

«Chateau de Muzot
sur *Sierre*
Valais (Suisse)

am 30. Januar 1922

Sehr geehrter Herr,

ob ich gleich — sehr beschäftigt in diesen Monaten — noch nicht Zeit gefunden habe, das kleine Buch von Wjatscheslaw Iwanow zu lesen, das Sie mir in gütiger Aufmerksamkeit zuwenden wollten, — so mag ich doch mindestens meinen Dank nicht länger zurückhalten. Ich zweifle nicht, dass ich Ihnen recht geben werde, diese Arbeit dem deutschen Leser vermittelt zu haben: das kleine Bändchen Iwanow'scher Prosa, das der Skythen-Verlag unter dem Titel „Klüfte" herausgegeben hat, hat mir den grössten Begriff von der Bedeutung dieses Schriftstellers mit einem Schlage beigebracht.

А. К. Лунц, О. И. Дымов и многие другие» (РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 2061. Л. 1 об.). Говоря о своих связях в немецком театральном мире, Уманский называл М. Рейнгардта, А. Моисси и другие известные имена (Там же. Л. 1). В 1930-е годы возглавлял в Москве акционерное общество «Литературное агентство», занимавшееся распространением произведений советских авторов на Западе. Подготовил для иностранного читателя книгу: «Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства 1931—1934 / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934» (в связи с этим изданием Уманский переписывался с Горьким). После Второй мировой войны выступал как советский публицист, разоблачал западногерманских милитаристов, реваншистов; публиковался в таких изданиях, как «Литературная газета», «Красная звезда», «Советский патриот» и др. Среди переводческих работ Д. А. Уманского следует отметить опубликованные в Германии «Воспоминания и письма Л. Н. Толстого» (1921) и «Воспоминания» А. Г. Достоевской (1925). В 1960—1970-е годы в Германии неоднократно переиздавались его переводы И. Бабеля («Конармия»), К. Федина («Города и годы») и др. Переводил также произведения немецких авторов на русский язык.

[81] *Iwanow W.* Dostojewski und die Roman-Tragödie. Übersetzung von Dmitrij Umanskij. Leipzig; Wien, 1922.

[82] См.: *Ivanov V.* Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass. S. 256.

[83] Письмо от 24 января 1927 года // Архив Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва). Ф. 29. Оп. 3. Ед. хр. 1324.

[84] Neuer russischer Parnass. Ausgewählt, eingeleitet und übertragen von Johannes von Guenther. Berlin, 1912.

[85] См.: *Guenther J. von.* Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. Erinnerungen. S. 377.

Ich fürchte, die dort versprochene Übertragung seiner Verse möchte unterblieben sein, — da ja das ganze so schön begonnene „Skythen"-Programm — leider, — wie ich erst neulich erfuhr, nicht verwirklicht werden konnte.

Sie würden mich zu lebhaftem Danke verpflichten, wenn Sie mich, im Falle andere Schriften Wjatscheslaw Iwanows in Ihrer Übertragung später erscheinen sollten, von jeder solchen Edition durch eine Zeile unterrichten wollten; mir läge daran, keine seiner Arbeiten, die irgend zugänglich werden, zu versäumen.

In Dankbarkeit

verbleibe ich Ihr

sehr ergebener

Rainer Maria Rilke»[86]

Перевод:

«Замок Мюзот
Сьер, Валэ[87]
(Швейцария)
30 января 1922

Милостивый государь,

хотя я все еще — ибо в эти месяцы очень занят — не выбрал времени прочитать маленькую книжечку Вячеслава Иванова, на которую Вы столь любезно обратили мое внимание, но хотел бы, по крайней мере, не затягивать более с выражением моей благодарности. Не сомневаюсь, что выскажусь в поддержку Вашего решения представить эту работу немецкому читателю: небольшой томик прозы Иванова, выпущенный издательством „Скифы" под названием „Кручи", позволил мне разом и глубоко постигнуть значение этого писателя.

Опасаюсь, что обещанные в этой книге переводы его стихов могут не состояться, поскольку издательство „Скифы", так хорошо начинавшее, оказалось, увы, не в состоянии, как я узнал лишь недавно, осуществить целиком свою программу.[88]

Пожалуйста, известите меня хотя бы строчкой, если и другие сочинения Вячеслава Иванова в Вашем переводе со временем увидят свет; я буду Вам крайне признателен за сообщение о каждом издании такого рода. Мне крайне важно не пропустить ни одну из его работ, коль скоро она станет доступной.

С благодарностью

остаюсь Вам преданный

Райнер Мария Рильке».

Посланное в Вену, где жил тогда Д. А. Уманский, это письмо, однако, не нашло адресата (часто менявшего свое местожительство). На конверте письма сохранилась карандашная запись, сделанная, по всей видимости, почтовым чиновником: «Адресат выехал, не указав, куда именно». Письмо вернулось в Швейцарию и осталось в архиве Рильке.

---

[86] Литературный архив Швейцарской национальной библиотеки. Rilke MS B 24.
[87] Предшествующие слова набраны типографски; далее — рукою Рильке.
[88] См. выше (место, обозначенное прим. 79).

© *Г. В. Обатнин*

MISCELLANEA

(ИЗ ПЯТОГО ТОМА БРЮССЕЛЬСКОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА)

Ниже помещены некоторые материалы из подготовленного мной, но еще не вышедшего в свет тома журналистики Вячеслава Иванова. Кроме статей, рецензий, ответов на анкеты и писем в редакции, собранных по периодике, туда вошли и неопубликованные, зачастую незавершенные литературные статьи и рецензии. Если в полноте опубликованной части я был уверен (отдельные атрибутивные находки того времени составили мою работу «Заметки комментатора»),[1] то раздел, состоящий из неопубликованных текстов, был сформирован ad hoc и, разумеется, никак не претендовал даже на представительность. Тем не менее, поскольку за протекшие годы этот материал так и не привлек к себе внимания ивановедов, очевидна необходимость ввести его в научный оборот.

I

Данный текст уверенно обозначен в описи как предисловие к книге некоего М. Езерского, пока нами не обнаруженной.

Проект Предисловия к книге М. Е. «Поля ратные»[2]

В окопах слагаются песни, и что от них уцелеет — будет нам со временем мило, как малая памятка о великой године. Мы не будем взыскательны к этим смиренным напевам: их прелесть не в искусстве певцов, но в певучем строе и в некоей восторженной озаренности души на пажитях Смерти... И высоко-типических свидетельств глубинной воли и веры народной, творящей победу, — от этих бледных отзвуков народной грозы мы ждать не будем; но оценим и случайное, отчужденное, отдельное, что поможет нам оглянуть все многообразие молодых душ и сил, собравшихся под знамена за единую для всех, но для всех разную, — и, увы, сколь многим неведомую в своей сокровенной духовной святыне — Родину-мать!..

Случайно мое участие в обнародовании этой книжки стихов юного и в служении Муз уж, конечно, вовсе неопытного незнакомца, пришедшего ко мне из рядов действующей армии. Знаю, что много их там, только что рождающихся под гром пушек поэтов — и уже, быть может, умирающих, и что мой тронутый рефлексией поэт, без сомнения, не лучший в их безыменном сонме. Но мне показалось, что его дневник все ж своеобразно приятен свежестью и что мгновенность нового впечатления выливается в этом полудетском и порой, однако, не лишенном характера стихе с безыскусственною, но тем более привлекательною свободой.

Вячеслав Иванов

24 февраля 1916.[3]

---

[1] См.: Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 292—296 (специальный номер «Вячеслав Иванов: Материалы и публикации»; составитель Н. В. Котрелев).

[2] Здесь и далее слова, выделенные нами курсивом, подчеркнуты Ивановым.

[3] РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 66. Л. 1 об. Законченный черновой автограф карандашом; приписка чернилами: «Не печатать без особенного авторского разрешения».

II

Следующий текст, помимо свидетельства об еще одном контакте с молодой поэзией послереволюционной России, косвенно касается размышлений Иванова о собственном месте в поэтической культуре русского модернизма накануне завершения «эпохи поэзии». Ранняя манера Иванова, конечно, предвосхищает поэтику русского футуризма в его архаистской составляющей, в то время как поздняя сопоставима с мужественным равновесием акмеизма-адамизма.

Евгений Ланн. Heroïca

Художественные искания автора серьезны и почтенны; достижения — условны и относительны. *Еще* пишет он темно и мудрено, трудно и нудно. Решает замысловатые технические задачи, осложняя их к тому же философическою и психологическою проблематикой. Все, до последней аллитерации, *построено*; где же зеленым стеблям поэзии пробиться сквозь плиты этих тяжелых сооружений? Слово не цветет: оно капает расплавленным свинцом. Исходя в отношении словесной формы, по-видимому, из ранней манеры Вяч. Иванова, которую он развивает в футуризм, — поэт в сфере образа и созерцания испытывает влияние М. Волошина:[4] так представляется он мне верблюдом ницшевской аллегории, согласно которой дух переживает последовательно три состояния — вьючного животного, льва и, наконец, младенца.[5] Самобытная сила видна в том, что все густо, круто, неулыбчиво, нелюбезно, жестко и веско, а порой — так метко и жгуче по экспрессивной энергии. Художник дает себя почувствовать; но он не дает поэту в себе свободно и беспечно дышать. В заключение рекомендую большую уверенность в употреблении аллитераций и большую осторожность в обращении с языком, — и желаю, чтобы символизм скорее причинил поэту оскомину, а надрывная, неврастеническая проникновенность и пронзенность уступила место простой зоркости чисто поэтического взгляда, здоровому, мужественному равновесию душевных сил.

14 апреля 1920

Вячеслав Иванов[6]

Евгений Львович Ланн (Лозман; 1896, Харьков — 1958, Москва) — поэт, автор исторических романов, видный переводчик английской и американской лите-

---

[4] Знакомство Ланна с Волошиным произошло не позднее 1919 года. С этого времени их связывали дружеские и литературные отношения. В 1924 году Волошин написал предисловие к «Heroïca» (см. черновой и беловой автографы, а также авторизованную машинопись этого текста в волошинском архиве: ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 351; кроме того, см. машинопись, датированную 20 декабря, в архиве Ланна: РГАЛИ. Ф. 2210. Оп. 1. Ед. хр. 346), которое послал автору письмом (см.: *Беляев Д. А.* Письма Максимилиана Волошина к Евгению Ланну (Из новых поступлений в фонды Дома-музея Марины Цветаевой) // Вестник архивиста. 2003. № 5—6 (77—78). С. 385—386). Здесь, среди прочего, были отмечены «чеканность» и «загадочность» его поэзии. Возможно, Ланн полагал, что это предисловие поможет в продвижении книги. Ср. фразу из его письма к Волошину от 15 сентября 1924 года: «Жду письма, а равно и „письма" к „Heroïca". По получении начинаю хлопотать» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 757. Л. 12). В свою очередь Ланн написал, по его собственному определению, «небольшую монографию» (Там же. Л. 10) о поэте — «Писательская судьба Максимилиана Волошина» (М., 1926). В значительной степени она была основана на их личных беседах и письмах Волошина (подробнее об этом см.: *Беляев Д. А.* Письма Максимилиана Волошина к Евгению Ланну. С. 385—388).

[5] Имеется в виду излюбленная Ивановым речь Заратустры «О трех превращениях». См.: *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 18—19 (пер. Ю. М. Антоновского).

[6] РГБ. Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 68. Публикуется по карандашному черновику с учетом авторской правки.

ратуры, литературовед (среди прочего, им написана известная книга «Литературная мистификация» (М.; Л., 1930)). Свою поэтическую деятельность он начал в харьковском Литературно-художественном кружке.[7] В этот период Ланн дружил с Г. Петниковым и как поэт испытал его влияние.[8] Книгу стихов «Heroïca» он мог показать Иванову во время приезда из Харькова в Москву (ср. в его письме к Волошину от 21 ноября / 4 декабря 1920 года: «пишу в ТЕО в Москве, куда я приехал на время»).[9] Публикуемая здесь рецензия могла быть написана в связи с каким-нибудь неизвестным нам планом издания книги. Однако могла быть взятой Ланном у Иванова и «впрок», «про запас». Еще в 1921 году он писал Волошину: «Что о себе? Остался при университете по истории философии права. Философия вряд ли повредит моей „Heroïca". Пишу и скоро считаю вероятным выход „Heroïca". Живу к⟨а⟩к все — сегодняшним днем и птицей небесной».[10] Отметим, что в 1920 году Ланн планировал в ближайшее время перебраться в столицу, и первое известное нам отчетливо сформулированное желание издать свои стихи также связано с переездом в Москву: «„Общественный инстинкт" вытолкнул меня из Харькова в Москву, где, мнилось мне, пришла моя пора выступить книгой. И сразу — осечка. Предварительно, перед стихами, я хотел выпустить брошюру, одноименную с книгой стихов (Heroïca). Был издатель. Цензура рассудила иначе и брошюру не пропустила. И ныне больше, чем уверен, да и многие сие говорят, что книжку стихов не стоит сейчас в цензуру давать — не пропустит».[11] По сведениям Л. Турчинского, книга Ланна так и не вышла в свет (см. запись его беседы с А. Л. Соболевым от 11 мая 2006 года, дружески предоставленную нам последним). Поэтому, учтенная в библиографии А. Тарасенкова, которая была создана на основе личной библиотеки, она отсутствует в недавнем переиздании этого справочника, дополненном Л. Турчинским. Название издательства, указанное Тарасенковым, «Соб», судя по всему, сокращение от слова «собственное». Для издания книги Ланн планировал воспользоваться полиграфической базой издательства «Узел». В архиве поэта сохранилась записка, датированная 14 февраля 1928 года и подписанная С. Парнок, М. Зенкевичем и П. Антокольским (пайщиками «Узла»). В ней значится, что «книжка Е. Л. Ланна „Heroïca" м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ издана „Узлом" за счет автора и на правах рукописи».[12] С поэзией Ланна можно познакомиться, например, по сборникам «Новые стихи» (М., 1926. [Сб.] 1. С. 31—34; М., 1927. Сборник второй. С. 44). Корпоративное предание сохранило память не только о его деятельности, но и о его необычной смерти.[13]

---

[7] См.: *Шенгели Г.* Автобиографическая проза / Предисл., публ. и примеч. К. Ю. Постоутенко // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 5. С. 379.

[8] Подробнее об этом см.: *Баевский В. С.* Жизнь и смерть Евгения Ланна // Изв. АН РФ. Сер. лит. и яз. 2003. Т. 62. № 5. С. 41.

[9] ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 757. Л. 1.

[10] Там же. Л. 2.

[11] Письмо к Волошину от 20 ноября 1922 года (Там же. Л. 4). Упоминаемая брошюра, видимо, доклад Ланна «Heroïca (Мироощущение поэта)», прочитанный в ноябре 1921 года в Харькове и летом 1922 года во Всероссийском союзе писателей в Москве. Рукопись и машинопись доклада с пометой «не печатать» см.: РГАЛИ. Ф. 2210. Оп. 1. Ед. хр. 114. Машинопись этого же текста, без подписи, сохранилась в архиве Волошина (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. Ед. хр. 142). В этот приезд в Москву Ланн, уже знакомый с Анастасией Цветаевой, познакомился и подружился с ее сестрой, что, по мнению исследователей, нашло отражение в цветаевской поэме «На Красном Коне», а также в ряде стихотворений (см.: *Баевский В. С.* Сестры Цветаевы и Евгений Ланн // Вестник архивиста. 2004. № 1. С. 309; *Волосов В. М., Кудрова И. В.* Письма Марины Цветаевой Евгению Ланну // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1981. Sbd 3: Marina Cvetaeva. Studien und Materialen. S. 192—193).

[12] РГАЛИ. Ф. 2210. Оп. 1. Ед. хр. 347. Имя Ланна упоминается в перечне лиц, чьи книги были намечены к изданию (см.: *Громова Н. А.* Хроника поэтического издательства «Узел». 1925—1928. М., 2005. С. 98).

[13] Подробнее об этом см.: *Баевский В. С.* 1) Сестры Цветаевы и Евгений Ланн. С. 322; 2) Жизнь и смерть Евгения Ланна. С. 48—49.

III

После революции литературное сообщество праздновало несколько юбилеев русских писателей. Кроме 100-летия со дня рождения Тургенева в 1918 году,[14] через три года отмечалось и 100-летие со дня рождения Некрасова. В числе юбилейных мероприятий следует назвать специальный номер петроградской «Летописи Дома Литераторов», в котором была помещена известная анкета К. Чуковского «Некрасов и мы». Помимо ответов Ахматовой, Блока, Белого, Гиппиус, Городецкого, Горького, Гумилева, Кузмина, Мережковского и Маяковского, здесь был и ответ Иванова,[15] сопровожденный следующим примечанием Чуковского: «Таково отношение к Некрасову современных писателей. Жаль, что у меня нет отзывов таких поэтов, как Бунин, Минский, Бальмонт, Сологуб и др. Комментировать эту анкету не буду. Скажу только, что когда Вяч. Иванов на мой вопрос, любит ли он стихотворения Некрасова, ответил лаконически: нет! — и поставил при этом восклицательный знак, я ожидал, что в дальнейших ответах он отнесется к Некрасову столь же сурово. Но к моему удивлению, чем больше мы говорили о Некрасове, тем восторженнее отзывался о нем Вяч. Иванов, и, наконец, вспомнив „Власа", „Коробейников" и другие стихи, достал с книжной полки „Стихотворения" Некрасова и стал декламировать их с большим восхищением. Это восхищение и сказалось в дальнейших ответах. Сообщаю этот эпизод для того, чтобы лаконическое *нет* Иванова не ввело никого в заблуждение».[16] Ответ на анкету был дан Ивановым во время приезда Чуковского, работавшего в петроградском ТЕО, в Москву: он датирован 10 августа 1919 года, а двумя днями позже написано ивановское стихотворение «Чуковский, Аристарх прилежный...».[17]

Однако в архиве Иванова сохранилось еще и начало юбилейной заметки, посвященной Некрасову. Словно бы писатель, вспомнив в разговоре с Чуковским поэзию Некрасова, продолжил эту беседу размышлением о социологии творчества поэта. Вот этот текст:

Это празднование — народная благодарность. Благодарность рабочего класса, достигшего не свободы только, но и власти — поэту, который над самой колыбелью будущей, еще столь далекой революции напевал ей песни о несправедливости общественной и политической, о правде и достоинстве труда, и — если не о гражданской борьбе — то о гражданине-борце и его историческом долге. Некрасов принадлежит прошлому (не всецело, конечно, ибо *отчасти* каждый поэт вечно жив[18]), но все же в гораздо большей мере прошлому, чем те поэты, которые в свое время менее всего думали о настоящем. Он же был выразителем современного ему, и потому отошел от нас вместе с ним. Все в нем устарело: нет больше ни его страданий, ни его надежд, ни той интеллигенции, думы которой выражал он, ни его народа. Все в нем устарело, кроме немногих, вечно свежих напевов. Вот отчего этот праздник, прежде и больше всего, благодарность.

---

[14] Материалы об участии Иванова в этих торжествах готовятся нами к публикации.

[15] Позже он был перепечатан в книге «Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского» (М., 1979. С. 251—252).

[16] Летопись Дома Литераторов. 1921. 1 дек. № 3. С. 3. Со слов «Комментировать эту анкету не буду...» и до конца текста данное примечание повторено в «Чукоккале» (С. 252).

[17] Чукоккала. С. 252—253. См. также: Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. Первое полное изд. / Предисл. и пояснения К. Чуковского. М., 1999. С. 141. Предлагая издать книгу об Уитмене, Чуковский сообщал в недатированном письме П. Б. Струве: «Когда-то я сочинил о нем брошюрку, но так как был тогда под влиянием Вяч. Иванова и Бальмонта, то язык моих переводов был ёрнический, напыщенный и в высшей степени „нечестный". Мне стыдно теперь взять в руки эту брошюру» (РНБ. Ф. 753. Ед. хр. 130. Л. 4). Имеется в виду книга переводов из Уитмена «Поэт-анархист» (1907).

[18] Возможно, аллюзия на «Exegi monumentum» Горация («non omnis moriar», «не весь умру»); ср. в переложении Пушкина: «Нет, весь я не умру...»

То была пора, когда «порвалась цепь великая, порвалась и ударила одним концом по барину, другим по мужику».[19] С уничтожением «крепи» отменялась и старая форма самодержавия, из-под которого была вынута ее главная бытовая и социальная основа, — но отменялась только затем, чтобы в то мгновение быть замененною новым самодержавием, напомнившим военную диктатуру с двойным террором — снизу и сверху: революция уже была долго в зерне,[20] и нереволюционный (сознательно) Некрасов недаром обмолвился под конец жиз⟨ни⟩ пожеланием, чтобы наконец «ударила буря».[21] Новое самодержавие, ослабляя в некоторой мере дворянство, не позволяет усилиться и крестьянству, но самое входит в наследование барских прав. Оно правит над безземельным почти и почти бесправным, безграмотным и безгласным народом и над заискивающим у власти, разоряемым и разоряющимся дворянством. При отсутствии промышленности капитализм как самостоятельная сила еще не дает ничего о себе знать, и единственно интеллигенция оказывается змеей, могущей и уже собирающейся ужалить всадника и его коня, под копытом которого она извивается.[22] Она вербуется из обездоленных и кающихся двор⟨ян⟩ и разночинцев. Такова среда Н⟨екрасова⟩ и умонастроение, им навеваемое. Интеллигентское подполье копит месть и желчь. С другой стороны, разночинец хочет, как социальный тип, быть обеспеченным мелким буржуа. Отсюда два лика в пиитике Н⟨екрасова⟩ и его душевный разлад, отразившийся в его личной лирике: быть интелл⟨игентом⟩ — значит тогда быть обличителем.

Что же должен был бы — идеально — делать поэт в этих жизненных и исторических условиях? То же, что он, если в нем обитает некий гений, всегда бессознательно делает при всех жизненных и истор⟨ических⟩ условиях, каковы бы они ни были. Гений есть сила, ограждающая внутри личность от всех внешних воздействий, ей не сродных, и возносящая ее, как цветок из почвы на вольный простор, в неожиданном преображении элементов этой почвы, столь не похожей на яркую окраску и пленительное благоухание цветка. Н⟨екрасов⟩ не обладал этим гением, не обладал сильным внутр⟨енним⟩ я и не искал развить его мощь. Если бы не так, он был бы одним из великих поэтов, — хорошо, что он спас в себе просто поэта, — с иною зоркостью оглядел бы он тогда неизмеримо расширившиеся в глубь и в будущее кругозоры, иные крылья выросли бы у его ненависти! Но ⟨текст обрывается⟩.[23]

IV

Публикуемая здесь внутренняя рецензия Иванова — свидетельство его работы для незадолго до того организованного Госиздата. Эдуард Норден (Eduard Norden, 1868—1941) принадлежал к тому же поколению ученых-латинистов, что и Иванов.[24] Его книга «Античная художественная проза с VI в. до Рождества Христова вплоть до эпохи Ренессанса» (1898) стала фундаментальным сочинением на данную тему. Идея перевести этот труд возникла сразу же после революции. В архиве

---

[19] Цитата из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863—1876).

[20] Видимо, рассчитывая на простого читателя, Иванов не рискнул написать «in nuce».

[21] Неточная цитата из стихотворения Некрасова «Душно! Без счастья и воли...» (1868).

[22] Намек на змею под копытом «Медного всадника».

[23] РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 40.

[24] Кроме работ по античности (комментарий к «Энеиде» Вергилия, «История римской литературы» и др.), он занимался вопросами религиоведения и историей религиозных понятий («Яхве и Моисей в эллинистической теологии» и др.). См. материалы посвященного ему симпозиума: Eduard Norden (1868—1941). Ein deutscher Gelehrter jüdische Herkunft. Stuttgart, 1996; а также его переписку с У. Виламовиц-Мёллендорфом: «Sed sierviendem officio...» The Correspondence between Ulrich von Wilamowitz-Moellendorf and Eduard Norden / Ed. with a commentary by William M. Galder III and Bernhard Huss. Hildesheim, 1997.

Госиздата в РГАЛИ хранится подборка материалов, касающихся его подготовки к печати. Перевод книги был сделан М. М. Покровским,[25] за что автор получил гонорар. Отметки о выплате денег находятся прямо на соответствующих страницах рукописи, например, на шмуцтитулах некоторых частей. Из них явствует, что аванс переводчик получил уже в апреле 1920 года, а дальнейшие выплаты растянулись по крайней мере до 29 августа 1921 года, причем последняя была сделана именно за перевод цитат, как того требовал Иванов.[26] Примечательно, что оба внутренних рецензента — и Иванов, и Н. К. Гудзий — уже в феврале того же года мягко, но решительно не советовали печатать этот перевод. Гудзий, давший свой отзыв на неделю раньше Иванова (дата под публикуемым ниже текстом Иванова — 17 февраля, а под текстом Гудзия — 10 февраля),[27] не только повторяет основную мысль писателя, но и прямо ссылается на его мнение: «Научные достижения книги Ed. Norden'а очень велики. О них справедливо говорит в своей рецензии Вяч. Иванов», однако шестидесятилистное издание будет убыточным.[28] Это свидетельствует о том, что рецензенты заранее пришли к единому мнению о несвоевременности публикации перевода работы Нордена. Наконец, стоит добавить, что оно, видимо, все-таки повлияло на решение не выпускать книгу в свет. По крайней мере, на рукописи сделаны пометы: «Отклонить Н. Мент[далее нрзб.] 19 $\frac{25}{\text{II}}$ 22» и «мнение ⟨П.⟩ Когана: отложить».[29] Книга Нордена по-русски до сих пор не издана.

Ed. Norden. Die antike Kunstprosa

Желательность русского перевода книги Эд. Нордена «Die antike Kunstprosa vom VI. Jahr⟨hundert⟩ v⟨om⟩ Chr⟨ist⟩ bis in die Zeit der Renaissance» не может подлежать сомнению, если вообще желательно, чтобы иноязычные ученые труды, имеющие основоположительное и широкообъемлющее значение, были даны русскому читателю в переводе на наш язык. Позволительно думать, однако, что многие из таковых по самой своей природе не нуждаются в переводе, так как усвоение их содержания предполагает такую сумму знаний, при которой пользование сочинением в подлиннике не составляет для читателя-эрудита существенной трудности. Книга Нордена обращается именно к филологам; чтение и изучение ее не только плодотворно, но и поистине усладительно именно для них. Как ни огромна польза, которую вынесет из ознакомления с нею всякий, глубоко интересующийся историей литературы и стилистикой, тем не менее оценить ее по достоинству может лишь владеющий древними языками; тот же, кто ими не владеет, едва ли овладеет и ее богатствами. Во всяком случае, было бы необходимо, чтобы переведены были не только слова автора, но и те бесчисленные греческие и латинские цитаты, подбор которых делает ученый трактат в то же время и превосходною хрестоматией греко-латинского стиля в его судьбах от V в. до Р. Х. вплоть до литературы гума-

---

[25] Его характеристику доверим перу В. В. Виноградова: «Михаил Михайлович Покровский (1868—1942) — один из виднейших наших специалистов по классической филологии и сравнительно-историческому языкознанию. Профессор Московского университета, академик Академии наук СССР (с 1929 г.), он был прекрасным знатоком греческой и римской словесности, автором многочисленных работ по изучению творчества таких античных писателей, как Овидий, Катулл, Вергилий, Гораций, Плавт, Теренций, Цицерон, Саллюстий, Лукреций и др. ⟨...⟩ Но как ни богаты, как ни разнообразны и как ни интересны историко-литературные труды М. М. Покровского, все же он сам считал себя по преимуществу специалистом в области языкознания» (*Покровский М. М.* Избр. работы по языкознанию. М., 1959. С. 3). Добавим лишь, что по некоторым другим источникам Покровский родился в 1869 году.

[26] РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 189 а, 272 а.

[27] Там же. Л. 343.

[28] Там же. Л. 342.

[29] Там же.

нистов (правда, при относительном небрежении словесностью византийской). Чтобы осуществить эту двойную задачу, переводчик должен быть на высоте совсем особенных, исключительных требований. Переводя текст автора, он должен вместе и искусно толковать его; ибо автор, по сладостному обычаю гуманистов, как стародавних, так и новейших, выражает тончайшие оттенки своей мысли греческою, подчас не находящею в новой речи своего точного эквивалента, терминологией и фразеологией. Что же касается цитат, то, поскольку перевод их должен иллюстрировать стилистические и ритмические наблюдения автора, он получает смысл только при художественной передаче всех тонкостей стиля и всех ритмических особенностей древнего подлинника. Таковы трудности, предлежащие переводчику; к ним присоединяется еще и борьба с некоторыми существенными недостатками книги, составляющими, на наш взгляд, ее формальный недостаток.

Книга преследует одновременно две цели: цель исследования (Untersuchung) и цель изображения (Darstellung). Стремясь установить многие новые результаты и предпринимая, во II^м^ томе, как бы ученые разведочные экскурсии в еще не описанные путешественниками глубокие области, труд Нордена есть, прежде всего, исследование; в то же время он история, т. е. изображение судеб античной прозы. Форма изложения, в зависимости от этого движения задачи, непрестанно колеблется между типом «Untersuchung» и типом «Darstellung». Перед читателями проходит ряд блестящих характеристик, остроумных и глубоких aperçues;[30] горизонты мысли на этих подчас художественных страницах великолепно широки, слово сверкает и красуется. Но тут же рядом тянутся страницы, загроможденные побочными соображениями и ссылками, всем часто мелочным аппаратом научной лаборатории, естественное место которому указывает разумное домостроительство книги в примечаниях под текстом; правда, эти кладовые ὀλβίου ο'ίκου[31] и без того ломятся от всякого добра, — нужен был бы еще средний этаж над подвалом и все же под жилыми покоями, — но разгружение последних, как бы то ни было, в переводе необходимо: иначе превосходной и блестящей книги никто у нас, как и во Франции, в руки не возьмет, кроме завзятых «классиков». Прибавим, в заключение, что исполнение перечисленных требований значительно увеличило бы объем и без того весьма объемистого трактата.

Итак, возможно ли осуществить перевод книги Нордена по внутренним и внешним условиям этого предприятия? Кто скажет «да», пусть предоставит некоторые гарантии удачи. Ибо, если с робостью мы приступаем даже к переводу «Психеи» Роде (книги, написанной всецело художественно, и книги, безусловно необходимой вовсе не для одних филологов) и если совсем не думаем о «Греческом романе» того же автора,[32] что сказать о риске, связанном с переводом Нордена? Periculosae plenum opus aleae.[33]

17 февраля 1920

Вячеслав Иванов.[34]

---

[30] обзоров, очерков (*фр.*).

[31] богатого дома (*др.-греч.*).

[32] Сведениями о планировавшемся переводе для Госиздата книги авторитетнейшего немецкого филолога-классика Эрвина Роде (Erwin Rohde; 1845—1898) «Psyche, Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen» (1894), равно как и другой его книги «Der griechische Roman und seine Vorläufer» (1900), мы не располагаем. Обе до сих пор не изданы на русском языке.

[33] Труд, полный опасного риска (*лат.*). Цитата из второй оды Горация (II, 1, 6), у которого это тоже сказано по поводу замысла написать книгу. Приношу искреннюю благодарность В. Зельченко за указание на ее источник.

[34] Беловой автограф чернилами с незначительной правкой, помета карандашом «оплачено» (РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 338—341).

© *Е. В. Глухова*

КОНСПЕКТ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА К ЛЕКЦИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО ИЗ ЦИКЛА «ТЕОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА»

Среди современников и в большинстве исследований долгое время сохранялось устойчивое мнение о том, что после революции 1917 года отношения двух поэтов, некогда принадлежавших к одному литературному кругу и близких по своим оккультно-мистическим увлечениям, окончательно прервались.[1] Поводом для конфликта между Андреем Белым и Вячеславом Ивановым послужили опубликованные в 1918 году статьи, которые затем составили брошюру «Сирин ученого варварства».[2] Однако знакомство с архивными источниками позволяет нам говорить о достаточно интенсивном творческом взаимодействии, хотя документальных свидетельств об их непосредственном общении в послереволюционный период крайне мало. Тем не менее сохранившиеся факты указывают на то, что эти контакты простирались далеко за пределы только лишь формальных встреч. Так, например, в воспоминаниях дочери Иванова Лидии Вячеславовны отношения Белого с их семейством в ту пору описываются как весьма близкие: «Диме[3] тоже запомнился силуэт Белого, но уже в Москве, на Зубовском бульваре, в семнадцатом году, когда ему было лет пять. Диме было весело смотреть на длинного танцующего друга „Царя Барана" (так он мифологически прозвал своего отца), который решил учить его азбуке. Широко раздвинув ноги и подбоченясь, Белый очень явственно мимировал букву „Ф", а потом соответственным движением длинных рук букву „У"».[4] Упоминаемая здесь встреча относится, вероятнее всего, к концу 1917 года, когда Иванов переезжает из Сочи в Москву.[5] В конце декабря 1917 года М. О. Гершензон

---

[1] См., например: *Maslenikov O.* The Frenzied Poets: Andrey Biely and the Russian Symbolists. Berkeley, 1952; *Мочульский К.* Андрей Белый. Париж, 1955; *Stepun F.* Mystische Weltschau: Fünf Gestalten des russischen Symbolismus. Munich, 1964; *West J.* Russian Symbolists: A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetic. London, 1970. Статья Г. Штаммлера (Henrich Stammler) «Belyj's conflict with Vjacheslav Ivanov over War and Revolution» (Slavic and East European Journal. 1974. № 18/3) основывалась на незнании даты первой публикации статей Белого; на эту ошибку указал Р. Кийз (Roger Keys) в работе «Realists and idealists: the case of Viacheslav Ivanov versus Andrei Belyi» (Slavonica. 1994(1995). Vol. 1. N 2. P. 19).

[2] *Белый А.* Сирин ученого варварства. Берлин, 1922. Сюда вошли статьи о Вячеславе Иванове, напечатанные ранее в газете «Знамя труда» (см.: *Белый А.* 1) На перевале. 1. Сирин ученого варварства. Гл. I—VI // Знамя труда. 1918. 26 (13) марта. № 163; 2) На перевале. 2. Сирин ученого варварства (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). Гл. VII—X // Знамя труда. 1918. 3 апр. (21 марта). № 170). Первая из них — сильно сокращенный вариант статьи «Вячеслав Иванов», написанной для издания «Русская литература XX века. 1890—1910» под редакцией С. А. Венгерова (М., 1916. Т. III. Кн. 8. С. 114—149; книга вышла в свет в 1918 году). Второй статьей Белый отреагировал на появившийся не позднее середины февраля 1918 года сборник Иванова «Родное и вселенское» (см. об этом: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2005. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917—1920 гг. С. 69). В том же 1922 году Белый вновь перепечатал (на этот раз целиком) свою статью из венгеровского издания в книге «Поэзия слова. О смысле познания».

[3] То есть Димитрию Вячеславовичу Иванову, сыну Иванова и Веры Константиновны Ивановой-Шварсалон. Белый упоминал Димитрия в записке, переданной Иванову с Маргаритой Волошиной (М. В. Сабашниковой) в августе 1912 года: «Вере Константиновне и всем Вашим привет; хотел бы видеть Вашего ребенка; поцелуй его за меня» (РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 5. Л. 59).

[4] *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. М., 1992. С. 35.

[5] Иванов с семьей проживал в Сочи с конца 1916-го по ноябрь 1917 года и затем вернулся в Москву. Однако время его возвращения нуждается в дальнейшем уточнении, так как, если судить по датировке стихотворений, которые вошли в сборник «Свет вечерний», 7—8 ноября 1917 года он еще находился в Сочи (стихотворение «Ночные зовы»), а 9 ноября того же года уже в Москве было написано стихотворение «Размолвка» (см. примечания О. Дешарт: *Иванов В.* Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 831, 832).

приглашал Белого принять участие в благотворительном литературном вечере, средства от которого должны были поступить в помощь нуждавшемуся В. Ф. Ходасевичу. Среди участников он упоминал и Иванова.[6]

Следующий, 1918 год отмечен гораздо более интенсивным общением. Белый закончил статью об Иванове для «Русской литературы XX века» Венгерова,[7] причем, судя по сохранившимся черновикам, включил его в сферу размышлений о «духовном пути» трех поэтов (Белый—Иванов—Блок). Знаменательно, что беловская оценка творческого и мистического пути Иванова была далека от его собственных представлений о поэте-посвященном.[8] Однако в тетрадях Иванова, содержащих черновики эпилога мелопеи «Человек» (начало 1918 года), есть рисунок Белого, по всей видимости, воспроизводящий ее антропософскую интерпретацию.[9]

В августе—сентябре 1918 года Белый посылает Иванову письмо с просьбой дать «стихи, выросшие у поэтов „из революции"», для альманаха «Змий».[10] Осенью того же года оба сотрудничают в Театральном отделе Наркомпроса.[11]

Участие в совместных общественно-культурных предприятиях советского правительства не только обозначило новый этап во взаимоотношениях двух поэтов, но и дало некий импульс к сопряжению обоюдных интересов, характерных для символистской эпохи, в совершенно ином ключе. Рубеж 1900—1910-х годов обычно рассматривается как время кризиса символизма, для которого, в частности, характерно предельное усложнение системы метаописаний, тогда как начало 1920-х годов считается возвращением к проблематике более раннего периода, причем «точкой возврата» становится отношение к поэтическому слову/образу (символу — в 1900-е годы).[12] Это послереволюционное брожение выявило еще один, не менее важный аспект такого взаимодействия: обращение к теории литературы, которое происходило на фоне становления нового направления в литературоведении — формализма, отчасти как противопоставление ему, отчасти — как сопряже-

---

[6] См. его письмо от 21 декабря 1917 года (Переписка Андрея Белого и М. О. Гершензона / Вступит. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада // In memoriam. Исторический сб. памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 260).

[7] Подробнее о том, как Белый работал над этой статьей, см. в его письмах к Венгерову (*Лавров А. В.* Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 54—55). Иванов, скорее всего, присутствовал на чтении Белым своей статьи у Гершензона в декабре 1917 года (см.: Переписка Андрея Белого и М. О. Гершензона. С. 259).

[8] См. об этом: *Глухова Е. В.* Андрей Белый — Вячеслав Иванов: концепция духовного пути // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006 (в печати).

[9] См.: *Кузнецова О. А.* Материалы к описанию тетрадей стихотворных автографов из Римского архива Вяч. Иванова // Русский модернизм. Проблемы текстологии. СПб, 2001. С. 232—253. Той же теме был посвящен доклад А. Б. Шишкина «„Чаша-купол" Андрея Белого в блокноте Вячеслава Иванова», который прозвучал на Международной научной конференции «Андрей Белый в изменяющемся мире» (26 октября — 1 ноября 2005 года).

[10] Издание альманаха не осуществилось. 31 августа 1918 года с аналогичной просьбой он обратился к Блоку (см.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919 / Публ., предисловие и коммент. А. В. Лаврова. М., 2001. С. 516), а 23 сентября — к Иванову-Разумнику (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступит. статья и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 165).

[11] См. об этом: *Зубарев Л. Д.* 1) Вячеслав Иванов в театральном отделе Наркомпроса // Русская филология: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 1997. Вып. 8. С. 127—133; 2) Вячеслав Иванов и театральная реформа первых послереволюционных лет // Начало. М., 1998. Вып. 4. С. 184—216. О возможном сотрудничестве Иванова в издании «Временник Театрального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению» см.: *Обатнин Г. В.* Заметки комментатора // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 296.

[12] Ср. относящийся к 1922 году отклик Иванова на работы Белого в области поэтики: «Символизм, в лице Андрея Белого, остается во всяком случае верным себе, утверждая органическую неразделенность формы и содержания, с одной стороны, художественного совершенствования и духовного возрастания — с другой» (*Иванов В.* О новейших теоретических исканиях в области художественного слова // Иванов В. Собр. соч. Т. 4. С. 635).

ние.[13] Не случайно в курсе лекций Иванова по поэтике, прочитанном в Бакинском университете в 1921—1922 годах, исследователи обнаруживают следы скрытой полемики с формалистами.[14]

Следует обозначить и проблему «Андрей Белый — критик формального метода». По всей вероятности, его фундаментальные разыскания в области поэтики,[15] предпринятые после возвращения из Дорнаха, во многом отталкивались от первого выпуска «Сборников по теории поэтического языка» (Пг., 1916) ОПОЯЗа.[16] Именно со статьи «Поэзия Блока», посвященной третьему тому лирики Александра Блока, Белый начал разрабатывать собственный метод анализа поэтического текста,[17] который был отличен от формального и приближался, скорее, к психологической теории творчества А. А. Потебни.[18] К сожалению, мы можем говорить лишь о его реконструкции. Оценивая Белого, в разговорах с М. С. Альтманом Иванов утверждал, что это «ум колоссальный, диалектик необычайный, знания огромные, и как личность он, пожалуй, более сложное явление, чем даже Ницше. Но ⟨...⟩ он имеет несчастное свойство: все, что скажет и напишет, сейчас же и печатает. Отсюда великое зло, ибо читатели воспринимают эти мнения, как нечто объективное...»[19]

---

[13] См.: *Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод. (Материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1. С. 180—187. См. также: *Обатнин Г.* Несколько положений (о поэзии Вячеслава Иванова) // Лотмановский сборник. М., 2004. Вып 3. С. 381—406.

[14] *Эткинд Е.* Вячеслав Иванов и вопросы поэтики: 1920-е годы // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV (1—2). P. 141—154. О бакинском курсе лекций Иванова по поэтике см. также: *Белькинд Е. Л.* Теория и психология творчества в неопубликованном курсе лекций Вяч. Иванова в Бакинском государственном университете (1921—1922 гг.) // Психология процессов художественного творчества. Л., 1980. С. 208—214. Что касается самих формалистов, например В. Шкловского и Б. Эйхенбаума, то они декларативно отмежевывались от «ненаучности» разысканий теоретиков символизма — Иванова, Белого и отчасти Брюсова, признавая их безусловно важную роль в формулировании многих положений стиховедческих дисциплин.

[15] Впрочем, они так и не стали единым концептуальным целым. Некоторые аспекты своей работы 1916—1920 годов Белый развивает в поздних книгах «Ритм как диалектика и „Медный всадник"» (М., 1929) и «Мастерство Гоголя» (М.; Л., 1934).

[16] Так, например, в тексте лекции «Жезл Аарона», который отличается от конечного варианта статьи, присутствуют явственные следы полемики с футуризмом: «...логику следует углубить представленье о Логосе, до представленья о Логосе (Имя рек), футуристу следует углубить свое представление о звуке слова до подлинных глубин корня звука, растущего из духовного опыта, где этот корень есть внутренно произносимое имя, чтобы и логик и футурист встретились в новом взгляде на сущность поэзии, которая есть [молитва живому, бессмертному божеству] умное созидание себя в божественной жизни» (РГБ. Ф. 25. Карт. 3. Ед. хр. 9. Л. 1—38; здесь и далее в квадратных скобках приводятся слова, зачеркнутые в тексте). Можно предположить, что и его дальнейшие разработки в области глоссолалической семантики поэтического слова, в частности «Глоссолалия. Поэма о звуке» (Берлин, 1922), выросли во многом как со-и-противопоставление работе Шкловского «О поэзии и заумном языке». (Напомним, что «Глоссолалия» была написана в августе—октябре 1917 года.)

[17] Аналогичный метод стиховедческого анализа представлен в его работах «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятьи природы» (лекция на тему «Поэзия стихии у Пушкина, Тютчева, Баратынского» была прочитана Белым в 1912 году в Обществе ревнителей художественного слова в Петербурге), «Жезл Аарона», а также в «Воспоминаниях о Блоке».

[18] О значении потебнианской концепции слова-образа для Иванова и Белого см., например: *Белькинд Е.* А. Белый и А. А. Потебня. К постановке вопроса // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 160—164; *Ghidini M. C.* The notion of inner form in Viacheslav Ivanov's thought // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV (1—2). P. 81—90; *Какинума Н.* «Звуковой символизм» А. Белого и теория происхождения языка А. А. Потебни // Голоса молодых ученых: Сб. науч. публикаций иностранных и российских аспирантов-филологов. М., 1998. Вып. 3. С. 81—98; *Кустова Г. И.* Языковые проекты Вячеслава Иванова и Андрея Белого: Философия языка и магия слова // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 383—411.

[19] *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К. Ю Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 26.

Новейшие исследования дают нам право предположить, что искания Белого и Иванова в области теоретической поэтики, относящиеся ко второй половине 1910-х и к 1920-м годам, имели некий общий вектор. Прежде всего это теория образа, ритмические структуры поэтического текста, звуковой состав стиха (аллитерации, ассонансы). Кроме того, Иванов обращался еще и к исторической поэтике, Белого же больше интересовали психологические теории слова-образа. Причем нельзя не учитывать оккультно-мистический ракурс, явственно вырисовывающийся в их работах, а также специфически антропософский, характерный для Белого.

Встречи на заседаниях Театральной секции Наркомпроса в какой-то мере отражены в архиве Белого, которому было поручено составить проект лекционных курсов для Театрального университета.[20] В частности, из его кратких записей видно, что в ходе одного из заседаний А. Я. Таиров сделал доклад о специальных театральных курсах с подробным распределением их по семестрам. На обороте листа, по всей видимости, пояснения к проекту Театрального университета. Здесь имеются наброски к систематизации театральных курсов (судя по почерку, поспешному и небрежному, записи сделаны после обсуждения текста доклада). Рядом с предполагаемыми отделами университета («a) студийный b) учебный c) просветительный») среди участников, а возможно и лекторов, дважды назван Вячеслав Иванов (как «Иванов» и «В. И. Иванов»), и там же М. В. Сабашникова. Упоминание Иванова, без сомнения, важно, так как, вероятно, с его слов были внесены поправки в состав предполагаемого лекционного расписания. Мы приводим здесь только ту часть документа, которая представляет интерес как свидетельство сотрудничества Иванова и Белого в работе над проектом университета:

«отдел I ⟨...⟩ 8) мифология и обрядоведение
9) введение в историю театра
10) теория мусикийских искусств (?)[21]
II отдел ⟨...⟩ 1) история эстетических учений
2) история поэзии
3) теория поэзии
4) [стиховедение и прозоведение] теория художественного слова
5) история музыки
6) история танца
7) история [живописи] изобразит⟨ельных⟩ искусств
8) история архитектуры
III отдел ⟨...⟩ 1) история зрелищ и действ (народные действа, дионисич⟨еские⟩ культы, мистерии и т. д.)».

В этих записях впервые возникает тема курса лекций «Теория художественного слова», который будет прочитан Белым в Пролеткульте весной 1919 года.

Последние пункты первого отдела были добавлены позднее, тем же карандашом, что и записи после наброска к тексту доклада, видимо, по предложению Иванова. На наш взгляд, следы вписанных во второй отдел курсов по истории и теории поэзии обнаруживаются в фонде Иванова в РГБ, где хранится машинопись краткой программы лекций «Основы поэтики в связи с теорией сценических искусств».[22] В этой программе обозначены два основных раздела: «Историческая

[20] Список общих курсов см.: РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 15 (1—5). Л. 1 об. О работе Белого в ТЕО Наркомпроса в 1918—1919 годах см.: Там же. Л. 1—9 об.

[21] Эти три пункта добавлены карандашом.

[22] РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 56. Л. 1. Подобный же текст, только рукописный, хранится в РНБ. Он был опубликован Г. Обатниным в статье «Несколько положений (о поэзии Вячеслава Иванова)» (С. 389—390). Наличие машинописного варианта может подтвердить нашу догадку о том, что это проспект курса лекций по поэтике, который был разработан Ивановым для слушателей Театрального университета.

часть» и «Теоретическая часть». Вторая из них интересна тем, что в отделе по теоретической поэтике Иванов уделял особенно пристальное внимание вопросам ритмической организации поэтического текста и теории образа: «Ритм во времени как общий принцип музыкальных искусств. Ритмичность поэтического языка. Стопа, колон, стих, ритмический период, строфизм. Эвфония. Поэтический образ».[23] Достоверно известно, что в Наркомпросе он неоднократно выступал по проблемам «синкретического действа». Так, в фонде Иванова в РГБ хранится часть машинописи — фрагмент его доклада на заседании Бюро художественных коммун (датирован 7 августа, 7 часов вечера [1918—1919?]).[24] В этом документе разворачиваются некоторые из тезисов проспекта «Исторической части» «Основ поэтики...»: «Синкретическое искусство. ⟨...⟩ Плакальщицы и пророчицы. ⟨...⟩ Гомеровская община».[25] Хотя цели, которые преследовались в данном выступлении, без сомнения, иные. Вместе с тем поражает тот факт, что затронутые Ивановым темы, например вопрос о религиозных основах синкретического искусства, были вынесены на всеобщее обсуждение.

Именно с 1917 года одним из ключевых аспектов концепции художественного слова у Белого становится проблема соотношения образа, а точнее звукообраза, и «ритмического жеста» в поэтическом тексте.[26] (Свою теорию он разрабатывал, основываясь в том числе и на эвритмии Р. Штейнера.)[27] Многочисленные записи Белого автобиографического характера[28] свидетельствуют о том, что в 1917—1920-е годы им было прочитано множество лекций, тематический диапазон которых простирался от психологии творчества до размышлений о путях развития мировой культуры. К сожалению, можно говорить лишь о реконструкции замысла теории художественного слова, причем опираясь в основном на свидетельства самого Белого, а также на программки или афиши его выступлений (где, как правило, предлагались краткие тезисы доклада), так как собственно конспектов или планов этих лекций в архивах сохранилось чрезвычайно мало.[29]

После возвращения из Дорнаха в 1916 году Белый переосмысливает свои прежние взгляды на природу символического творчества. Теперь символизм видится ему сквозь призму антропософского пути самопознания. Его теургическая теория поэтического слова, сформулированная в ряде статей 1900-х годов, в том числе в «Магии слов», во многом опиралась на достижения филологической науки конца XIX века — труды А. А. Потебни, А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, — но апеллировала и к оккультному знанию в лице Станисласа де Гюэйта, Фабра д'Оливе и Е. П. Блаватской.[30]

---

[23] Цит. по машинописи из РГБ, в которой имеются незначительные разночтения с текстом, опубликованным Г. Обатниным.

[24] РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 9 и 54.

[25] Цит. по: *Обатнин Г.* Несколько положений (о поэзии Вячеслава Иванова). С. 389.

[26] По свидетельству самого Белого, в 1917 году он выступал с рефератом «О ритмическом жесте» в Московском Антропософском обществе и в Пушкинском кружке при Петроградском университете, а в 1918 году в Пролеткульте читал курс лекций по стиховедению, в котором также разбиралась проблема ритма: «О ритмическом жесте», «Фигура ритма», «Сравнительная анатомия ритма» (см.: *Белый А.* Список рефератов и лекций, читанных мною с 1902 года по 1918-ый // РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 8). Тогда же Белый работал над книгой «О ритмическом жесте». Предисловие к ней и первая глава опубликованы С. С. Гречишкиным и А. В. Лавровым в работе «О стиховедческом наследии Андрея Белого» (Тр. по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. 12. С. 107—108, 132—139 (Учен. зап. Тартуск. ун-та; вып. 515)).

[27] Подробнее об этом см.: *Beyer Th.* Andrej Belyj's Glossalolija: A Berlin Glossolalia // Europa Orientalis. 1995. Vol. XIV (2). P. 7—25; см. также: *Bely A.* Glossolalie / Hrsg. von Thomas Beyer. Dornach, 2003. S. 10—34.

[28] Большинство из них не опубликовано.

[29] Стоит обратить внимание и на то, что в рукописных собраниях практически отсутствуют какие-либо конспективные записи, которые, несомненно, должны были вести слушатели.

[30] В этом смысле наибольший интерес представляют подробнейшие примечания Белого к книге «Символизм» (1910), изобилующие указаниями на библиографические источники, что, безусловно, важно для понимания эволюции той или иной идеи в его творчестве.

Лекцию Белого «Жезл Аарона», прочитанную в Петрограде в феврале 1917 года, а затем переработанную в одноименную статью,[31] следует рассматривать как важный шаг на пути формирования теории художественного слова. В этой работе он, пожалуй, впервые вычленяет уровни анализа поэтического текста в соотнесении с художественным словом—образом: звук—ритм—образ (в ином варианте это звук—слово—мысль или звук—смысл—образ). На всех уровнях стихотворного текста (фонетическом, морфологическом, лексическом, образно-метафорическом) наблюдается стремление к предельному выражению смысла. Одновременно Белый разрабатывает теорию ритма — ритмического жеста. Смысл, с его точки зрения, наиболее выразим в ритмическом жесте. Каждое стихотворение имеет свой ритмический жест. Причем речь идет не только о ритмо-метрических кривых, но и об опыте гармонического соответствия видимых и слышимых образов, возникающих при чтении стихотворения.

Иванов, который позднее откликнулся на эту работу Белого, указывал, что понимание данного текста доступно слишком узкому кругу читателей: «Автор доводит нас до грани, за которою начинается „герметизм" статьи, в собственном смысле мистической доктрины. Эти намеки понятны читателю лишь в меру созвучности его внутреннего опыта с сокровенным мирочувствованием автора».[32] Понятно, что таким читателем, прекрасно понимавшим антропософский и стиховедческий полет мысли Белого, был именно Иванов. Однако подобное понимание имело своим источником прежде всего личные беседы и посещение лекций Белого — и только на первый взгляд последний аспект интеллектуального взаимодействия кажется маловероятным. В данной работе хотелось бы наметить лишь некоторые точки соприкосновения, подтверждаемые документально.

В фонде Иванова в РГБ хранится документ, названный в архивном описании «К теории художественного слова».[33] Эти записи практически полностью воспроизводят ход мыслей в лекции Андрея Белого, прочитанной в Пролеткульте весной (февраль—апрель) 1919 года.[34] К сожалению, сохранились подготовительные материалы Белого только к одной лекции, тогда как, судя по более поздним заметкам «Себе на память», последовательность лекционного курса была следующей: «Теория слова 404) фев⟨раль⟩ (Чем она должна быть); 405) фев⟨раль⟩ (Логические теории); 406) фев⟨раль⟩ (Лингвистич⟨еские⟩ теории); 407) март (Психологические теории); 408) март (Творчество речи); 409) март (Миф слова); 410) март (Опыт описания стихотворенья); 411) апрель (Опыт описания); 412) апрель (Средства изобразительности)».[35] Материалы к лекции Белый сопроводил бумагой, в которой пояснялось происхождение этих записей:

«Конспект 5-й лекции курса, мною читанного в „Пролет. Культе" в 1918—1919 годах («Теория Художественного слова»).

После я по просьбе студийцев забрасывал (Так!) резюме хода мыслей лекций ввиду намерения студийцев литографировать курс.[36]

---

[31] *Белый А.* Жезл Аарона (О слове в поэзии) // Скифы. Пг., 1917. Сб. 1. С. 155—212.

[32] *Иванов В.* О новейших теоретических исканиях в области художественного слова. С. 635.

[33] РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 78. Это листок бумаги размером с тетрадный лист, на котором сохранились следы сложения вчетверо. Записи сделаны рукой Иванова с двух сторон, в две колонки с каждой стороны листа. В настоящей публикации они вытянуты в линейной последовательности, соответственно сверху вниз от левой колонки к правой, то же самое — с другой стороны листа. Так как записи велись карандашом, это значительно затрудняет их прочтение. Кроме того, почерк оригинала значительно мельче обычного.

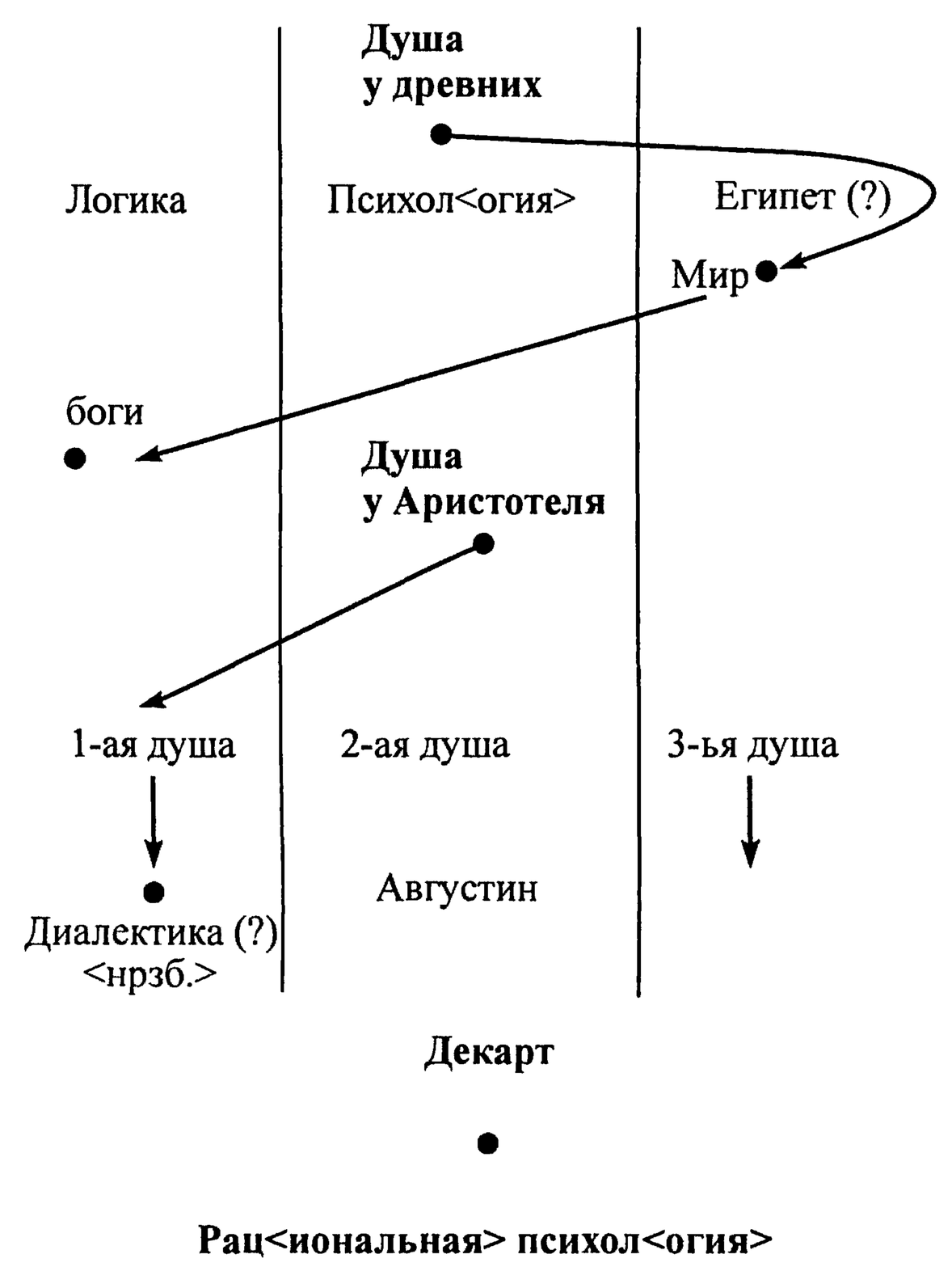
[34] Текст лекции хранится в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1—12; в правом верхнем углу рукописи имеется авторская нумерация: соответственно Л. 23—33).

[35] Цит. по: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 175.

[36] К сожалению, на сегодняшний день нет свидетельств об осуществлении этого проекта.

Конспекты пропали; конспект 5-й лекции случайно остался у меня.
А. Белый».[37]

Вероятность присутствия Иванова на одной из лекций цикла «Теория художественного слова» исключить нельзя. Тем более что в марте 1919 года Белый отметил в своем «Ракурсе к дневнику»: «Частые встречи с Гершензоном, с Ивановым (В. И.)».[38] Записи Иванова и конспект Белого имеют параллели в тех местах, которые насыщены фактами из области теорий психологии творчества.[39] Соответствия эти, например, таковы:

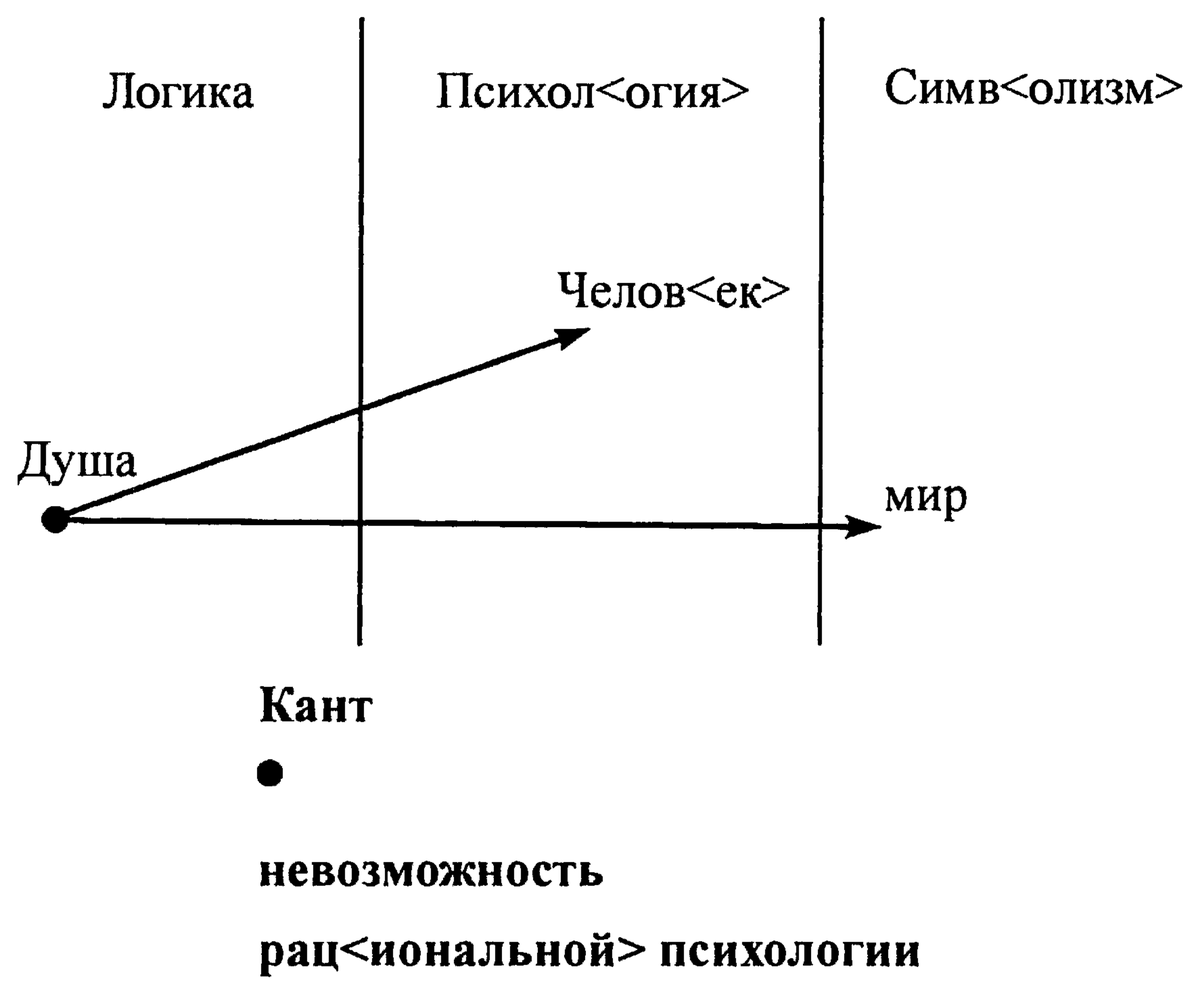
Вячеслав Иванов	Андрей Белый
	История психологических воззрений рисует такую эволюцию вопроса: 1) в древности, в психологии греков «душа», т. е. некоторое единство переживаний внутри нас, признавалась не только независимой от внешнего мира природы, но и ее создавшей: все, что ни есть, признавалось «демонами, богами, душами». Впоследствии развилось учение Аристотеля о 3-х душах,[40] в нас обитающих, и передалось через Августина средним векам 2) в начале новой философии душа полагалась центром сознания, а этот центр полагался в мысли: «Я мыслю, следовательно, я существую» — этот девиз Декарта стал девизом новой философии; психология в этот период стала главным образом философией сознания; так [образовалась вера в так] создалась так называемая *рациональная психология*, т. е. психология, полагавшая центром своего метода мысль, не нуждавшуюся в опыте. Кант доказал ненаучность такой психологии.

[37] Судя по записям «Себе на память», в пятой лекции курса Белый рассматривал «творчество речи», однако сохранившийся конспект посвящен, скорее, «психологическим теориям», поэтому, если не считать вступительной лекции, которая им не обозначена, — это конспект четвертой лекции.

[38] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 99. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Николая Всеволодовича Котрелева и Александра Васильевича Лаврова за любезно предоставленные сведения об этой записи.

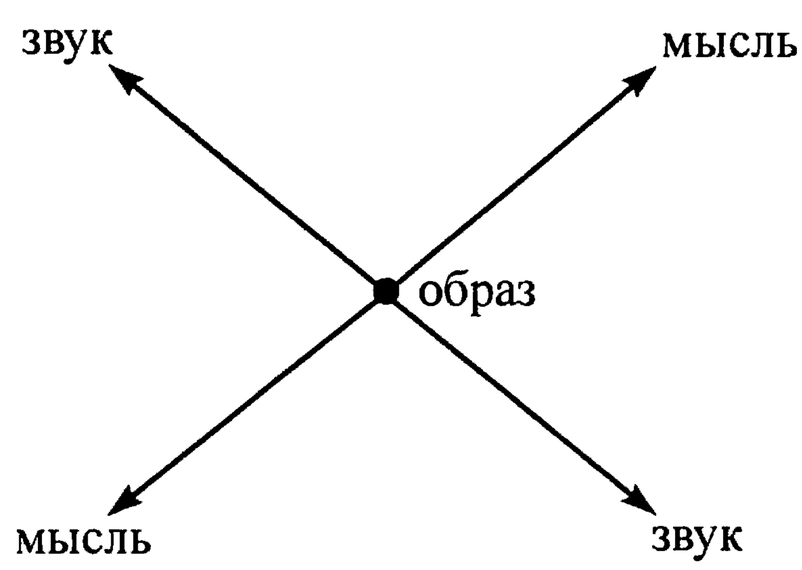
[39] Публикация всего конспекта Иванова и лекции Белого выходит за рамки настоящей статьи. В будущем имеет смысл обнародовать целый корпус документов, раскрывающих работу и того и другого автора в области теории литературы.

[40] Имеется в виду его сочинение «О душе». Аристотель вычленил три части души: ощущающая (или животная), питательная (или растительная), разумная (или человеческая).

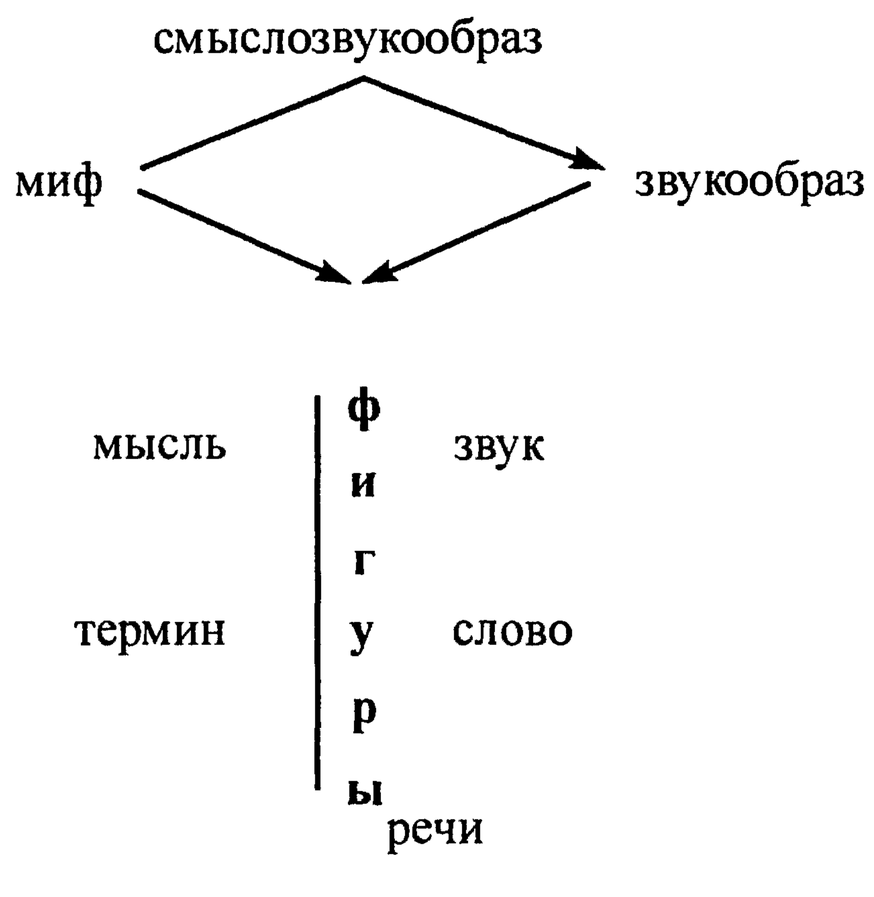


Как свидетельствуют многие слушатели, выступления Белого чаще всего были импровизациями. И конспект Иванова служит тому подтверждением, так как далее уже не столь буквально, как в приведенном выше отрывке, совпадает с беловскими записями.

Следующая схема воспроизводит концепцию звукообраза Потебни, как она изложена Белым в реферате «Мысль и язык. (Философия языка А. А. Потебни)». Ср.: «Потебня устанавливает поразительное сходство между происхождением и зависимостью слов и происхождением и зависимостью мифических образов народного творчества; ⟨...⟩ все многообразие его трудов ⟨...⟩ „Записок по русской грамматике" клонится к установлению аналогии между словом и мифом. Две величины: одна — творческая энергия речи; другая — поэтическая энергия народов, выражающаяся в фигурах и тропах речи. Из произведений первой энергии рождается слово, осознаваемое, как мысль; из произведений второй энергии рождается поэтический миф, осознаваемый, как миросозерцание...»[41]

Вячеслав Иванов	Андрей Белый
 ⟨нрзб.⟩	Ученый должен уметь точно описывать, наблюдать, строить опыт; художник должен уметь заново создавать самый опытный материал; здесь опытным материалом является: восстание новых слов, новых образов, новых значений из первичной глубины подсознания, где образы, звуки и смыслы суть *образо-звуко-смыслы*; ставятся, стало быть, почти невероятные требования к самому теоретику: он должен научным сознанием в себе самом проникнуть свое собственное подсознание, т. е. уметь передвигать в себе самом границы сознания, или — проницать сознанием свое собственное

[41] *Белый А.* Мысль и язык (Философия языка А. А. Потебни) // Логос: Ежегодник по философии культуры. М., 1910. Кн. 2. С. 240—258.



вдохновение; в момент вдохновения, научной трезвости и самообладания; так может теоретик создать условие опыта образования собственного своего языка в себе.

Справедливости ради следует напомнить, что теория звукообраза (смыслозвукообраза) Белого была одним из существенных пунктов расхождения между ним и формалистами. Недавно опубликована запись прений на состоявшемся 24 июня 1920 года заседании кружка Иванова-Разумника «Русская литература XX века», где обсуждался формальный метод в литературоведении. Примиряя основной объект спора — соотношение формы и содержания в художественном тексте, Белый сказал в своем выступлении: «Когда мы берем произведение искусства как живую цельность ⟨...⟩, мы устанавливаем соответствие между образом и его временным выражением. Каждое художественное произведение выносит стадию личинную, из кот⟨орой⟩ выходит звуковая метафора, потом миф. Из мифа как зерна вырастает в одну сторону звукообраз, в другую — сюжет с заключенным в нем содержанием. Когда мы рассматриваем форму и содержание не как ставшее, а как нечто динамическое, то можем установить некое единство, где обе проблемы пересекаются».[42]

Ивановский конспект позволяет нам поставить вопрос о формировании в позднесимволистской эстетике теории образа, принципиально отличной от формалистской. Статья Иванова «К проблеме звукообраза у Пушкина» (1925), в которой заметны следы полемической критики формалистов, во многом соотносима со статьей Белого «Жезл Аарона» (те же аспекты художественного образа он разрабатывал и в своих последующих лекциях). В частности, Иванов указывает в этой статье на то, что в методологии формализма есть угроза перерождения исторической и теоретической поэтики в эмпирическую:[43] «...самая тщательная и остроумная разработка словесного материала ⟨...⟩, достаточного для освещения лишь одних частных явлений в жизни слова, при отсутствии философского анализа их, как и исторической перспективы, не оправдывает притязания заложить основы новой, „научной"; точнее — „эмпирической" поэтики».[44] В свою очередь Белый, вступая в спор с формалистами, подчеркивал, что при анализе художественного произведения нельзя не учитывать сам процесс рождения художественного образа, процесс творчества как таковой — это часть целостного авторского мира: «Художественное произведение без процесса творчества рассматриваться не может. ⟨...⟩ Анализ разрезает живую действительность. Душевный процесс художника ищет выраженья, он болеет желаньем высказаться. И отрезать прием от того, что его породило, грех против живой литературы».[45]

---

[42] Цит. по: *Белоус В.* Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919—1924. М., 2005. Кн. 1: Предыстория. Заседания. С. 806—807.

[43] Подробнее об этом см.: *Эткинд Е.* Вячеслав Иванов и вопросы поэтики: 1920-е годы. Р. 150.

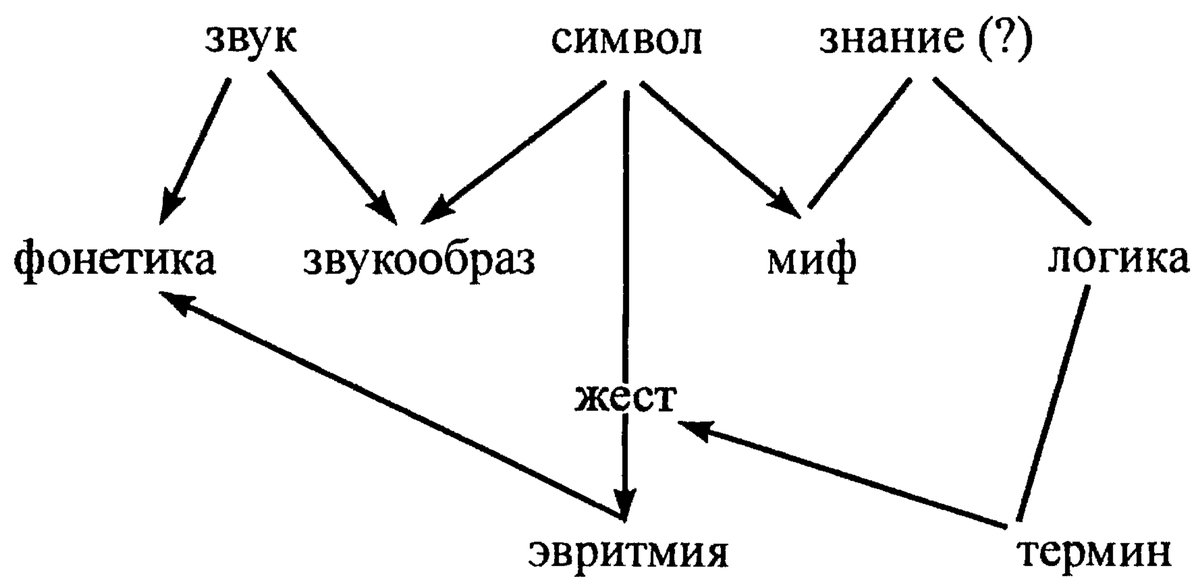
[44] *Иванов В.* Собр. соч. Т. 4. С. 646.

[45] Цит. по: *Белоус В.* Вольфила. Кн. 1. С. 807.

Далее конспект Иванова вовсе не совпадает с записями к лекции Белого и представляет вполне самостоятельный интерес. Впрочем, некоторые части можно объяснить, сравнив их с другими работами Белого. Так, следующая схема представляет собой некое синкретическое объединение мистико-оккультного (Дух—Душа—Тело) и научного рядов (логика—психология—лингвистика), а вот примеры из последнего ряда могут быть сопоставлены с теми, которые приводятся Потебней в качестве иллюстрации забвения внутренней формы слова: «Чувственный образ звука, цвета есть сам в себе противоречие ⟨...⟩. Названия некоторых цветов еще и теперь явственно указывают на чувственные образы ⟨...⟩: как *голубой* есть цвет *голубя*...»[46] Интересно, что Белый использовал его и в лекции «О художественном языке»: «...слово становится стертым; стирается образ: понятие заменяет его; всюду видим мы красочность, образность, сочность народного крепкого слова, — и видим, как образность эта в разгонах столетий тускнеет и блекнет; сперва потухает звук слова, и *рдр — рудый, рдяный* становятся знаком абстрактным для выражения образа „красный"; и далее образ-метафора „как у голубя" гаснет — становится прилагательным *голубой* для выражения такого-то спектрального цвета; за образом гаснет *значение слова*, как чего-то конкретного, и выявляется *термин, абстракция*...»[47]

Дух	Душа	Тело
логика	психол⟨огия⟩	лингв⟨истика⟩
теор⟨ия⟩	худож⟨ественного⟩	слова
форма	процесс	предикат (?)
голубой	голубь	как у голубя

Следующая схема, возможно, представляет процесс рождения слова в художественном произведении, однако объяснить обозначенные стрелкой последовательности, исходя из логики известных нам работ Белого в данной области, не представляется возможным. Кроме того, эта схема напоминает и его «онтологическую пирамиду» из книги «Символизм», представляющую многоаспектность символа.



Данная схема может служить иллюстрацией того факта, что Иванова, должно быть, заинтересовала теория звукообраза, в том виде, как ее представил Белый.[48]

---

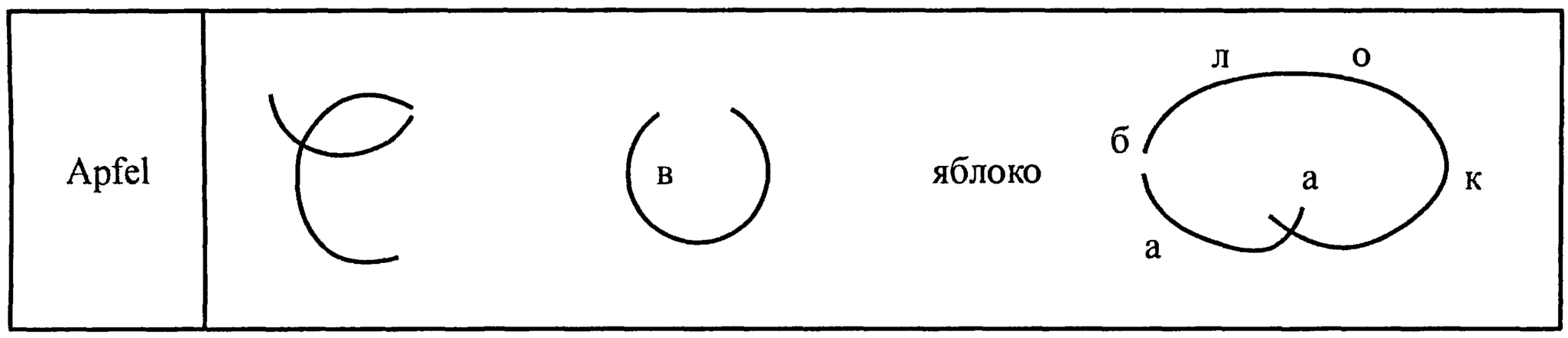
[46] Цит. по: *Потебня А. А.* Мысль и язык. Киев, 1993. С. 46.

[47] *Лавров А. В.* Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 47. По предположению исследователя, Белый выступил с этим докладом на своем вечере в Доме искусств 1 марта 1920 года (Там же. С. 46).

[48] О формировании теории звукообраза у Вячеслава Иванова см.: *Эткинд Е.* Вячеслав Иванов и вопросы поэтики: 1920-е годы; *Gidini M. C.* Звук и смысл. Некоторые замечания по теме глоссолалии у Вяч. Иванова // Вяч. Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998; *Титаренко С. Д.* 1) Суггестивная природа звукообразов А. С. Пуш-

Уместно привести здесь фрагмент конспекта из архива Иванова в РГБ,[49] который позволяет установить определенную связь между интересом Иванова к разработкам Белого в области глоссолалической семантики словесного творчества и антропософскими экспериментами со звуком в сочетании с ритмом и пластическими движениями (эвритмией):

Вкусовые восприятия связаны с ⟨нрзб.⟩
Сложное (?) восприятие слова
«леса» вм⟨есто⟩ «если»: ⟨нрзб.⟩ «лесех» (?), в ⟨нрзб.⟩ «еси»
⟨нрзб.⟩
Подходящие слова, напр⟨имер⟩ звукоподражательность
Steiner
«Вкусные» слова — протяжно (?) произносятся
а ощущаем внутри, внизу (?)
губн⟨ые⟩, зубн⟨ые⟩ — верхн⟨ие⟩



Не исключено, что Иванов мог быть знаком с существовавшим тогда в рукописи трактатом Белого о звуке «Глоссолалия».[50] Для Белого принципиально важным было представление о том, что образ является поэту и реализуется в виде метафоры, дробится в ритме и в звуке стихотворного текста, а затем переходит на иную ступень восприятия, где звук, являясь уже неделимой единицей, собирается на уровне ритмической организации дробящихся во множественности чувственных образов и впечатлений. Согласно оккультным представлениям, человек является микрокосмическим подобием Вселенной, и потому по аналогии Белый полагал, что образу, воплощенному через звук и ритм в поэтическом тексте, в перевернутом мире духовных сущностей соответствует подобие в виде единого звука. Звук является темой произведения, задает его ритм и служит единственным истинным критерием воплощения смысла.[51] Такое представление о божественной природе звука

кина и мистериальное начало в поэтике символизма // Пушкин и Калиостро. Внушение в искусстве и жизни человека. СПб., 2004; 2) Автоматическое письмо у Владимира Соловьева и Вячеслава Иванова: опыт создания символистского глоссолалического текста // Труды русской антропологической школы. М., 2006. Вып. 4 (в печати).

[49] РГБ. Ф. 109. Карт. 4. Ед. хр. 55. Текст в очень плохом состоянии: бумага сильно деформирована; записи, сделанные фиолетовым карандашом, полустерты.

[50] В берлинском издании 1922 года на титульном листе и в предисловии написание: «Глоссалолия». Однако это можно расценивать как повторяющуюся опечатку (возможно, воспроизводящую описку в автографе или в машинописи). Даря книгу Вадиму Андрееву, Белый сказал: «Не надо „Глоссалолия", как напечатано, а „Глоссолалия"», и «сделал на обложке книги корректурные поправки» (*Андреев В.* Из повести «Возвращение в жизнь» // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 298).

[51] О визуализации звука и образа в теоретических работах Белого см.: *Торшилов Д. О.* Зрительное в языке: методы анализа визуального ряда произведений литературы в работах А. Белого 1916—1934 гг. // Труды русской антропологической школы. М., 2005. С. 303—345. Той же теме был посвящен наш доклад «Александр Блок в стиховедческих штудиях Андрея Белого (По материалам неопубликованных рисунков к «Глоссолалии»)» на конференции, приуроченной к 125-летию со дня рождения Александра Блока, которая проходила в Шахматово 28—30 ноября 2005 года.

последовательно развивается Белым начиная со статьи «Жезл Аарона», через работу над аллитерациями в поэзии Александра Блока[52] к «Глоссолалии». В основе концепции Белого лежит штейнеровское представление об этапах медитативного самопознания: имагинация — инспирация — интуиция.

Интересно, что в лекциях Иванова мы также встречаем «триаду» процессов творчества: «а) Начальная стадия: звуковое волнение, связанное с глоссолалией; б) Промежуточная романтическая стадия: появление образов ⟨...⟩ Образы неопределенные, плавающие, — „вследствие неполной просвеченности материала логическим творчеством"; в) „все бессознательное заменяется сознательным"».[53] Однако здесь этапы воплощения смысла в поэтическом тексте совпадают с рождением образа (как оно представлено у Белого) лишь в первой своей стадии — «глоссолалического» волнения. Соотнесение теории творчества Вячеслава Иванова и Андрея Белого — тема отдельного исследования и не входит в задачи данной статьи, тем не менее некоторые аспекты взаимодействия кажутся нам вполне очевидными. Например, в статье «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» Иванов подверг критике теорию Белого, изложенную в «Жезле Аарона»: «Искание духовно-конкретного смысла приводит его к требованию логического всеосмысления ⟨...⟩. Все это вызывает в нас настороженность и колеблет наше доверие к правоте предносящегося автору идеала грядущей „инспиративной" поэзии».[54] Трудно сказать, что подразумевается здесь под «инспиративной поэзией», но, опираясь на некоторые положения «Жезла Аарона», можно высказать осторожное предположение, что триада «звук—ритм—образ» у Белого, по всей видимости, соответствует уже упоминавшимся трем этапам медитативного познания: например, ритм соответствует инспирации. По замечанию современного исследователя, «Белый не был уверен, сумел ли он перейти от имагинации к следующей ступени обучения — инспирации, но именно с ней связывал во время работы над ЖА живопись звуков («и н с п и р а ц и я есть рождение внутренних снов в внешний звук» — ЖА; или из программ лекций: «инспирация: мысле-звуки»; «инспирация: и мир мысленных звуков»)».[55] Таким образом, ивановская критика «инспиративной поэзии», скорее всего, есть критика теории ритмического жеста Белого. Проблема соотношения ритма и метра, ритмического жеста и стихотворения возникает в беседах Иванова с Альтманом уже в первой записи 1921 года, и именно в связи с концепцией Белого: «В теории Брюсова нет вовсе ритмики, у Белого за ритмику принимается каждый ритмический жест. ⟨...⟩ Но жест — переменное данное, ритм же — постоянное. ⟨...⟩ Андрей Белый же, приняв ритмический жест за ритм, теперь пытается и прозу писать размерно, что ошибочно».[56]

В записях Иванова к лекции Белого значительные сомнения вызывает последний рисунок, явно антропософского (и шире — оккультно-мистического) свойства.[57]

---

[52] О работе над поэзией Блока как этапе реализации замысла «Глоссолалии» см.: *Белый А.* ⟨Об аллитерациях в поэзии Блока⟩ / Вступит. статья, публ. и коммент. Е. В. Глуховой // Труды русской антропологической школы. М., 2004. Вып. 2. С. 353—364.

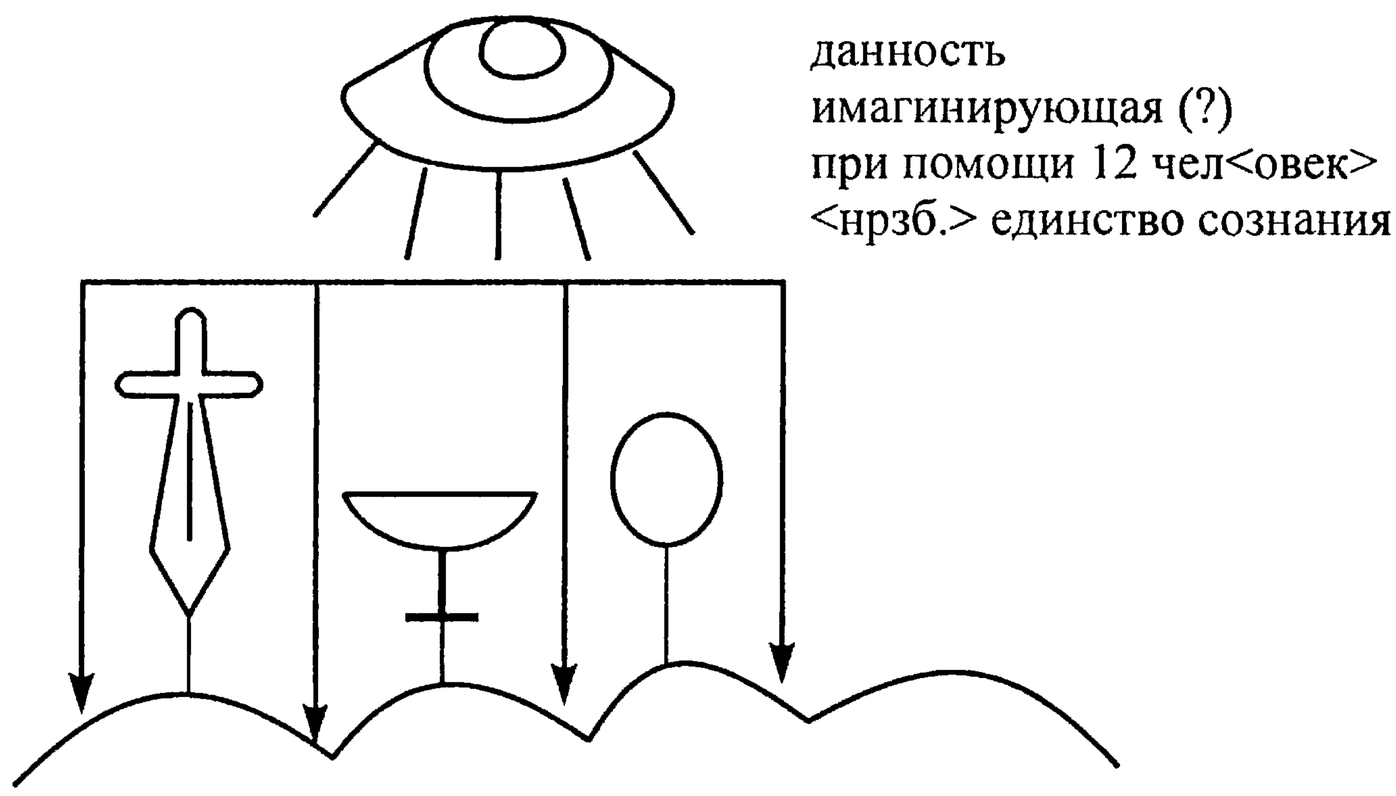
[53] Цит. по: *Эткинд Е.* Вячеслав Иванов и вопросы поэтики: 1920-е годы. Р. 144.

[54] *Иванов В.* Собр. соч. Т. 4. С. 638.

[55] *Торшилов Д. О.* Указ. соч. С. 314.

[56] *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 18. В работе «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» Иванов критиковал идею Белого о «противоположении поэзии прозе с точки зрения ритмической». В рамках курса по стиховедению в Пролеткульте Белый прочел также лекцию на тему «Строка: поэзия и ритм прозы». Думается, что в своих беседах с Альтманом Иванов мог иметь в виду и устные выступления Белого (его критическая статья вышла в 1922 году, т. е. год спустя после зафиксированного разговора).

[57] Рисунок значительно увеличен; размер оригинала не превышает 2×1.5 см.



По нашему предположению, он может быть истолкован в духе относящихся к тому же периоду антропософских рисунков-схем Белого: «волны» — как определенный этап, отрезок пути, а поскольку среди символов имеются меч, чаша и круг, то, возможно, речь идет об эзотерическом пути рыцарей Св. Грааля.[58] Вполне вероятно, что сделанный рукой Иванова рисунок — итог их последующей беседы. Иванов был достаточно осведомлен об особенностях пути антропософского посвящения, чтобы «увидеть» то, что не прозвучало в самой лекции.[59]

---

[58] О значении сюжета о Св. Граале в антропософии и о роли этого символа в культурологических и филологических построениях Белого см.: *Глухова Е. В.* Неопубликованные рисунки Андрея Белого к «Глоссолалии»: Чаша Св. Грааля // Труды русской антропологической школы. М., 2005. С. 386—408.

[59] До 1910 года идеи Штейнера Иванову транслировала Минцлова. См. об этом: *Богомолов Н. А.* Anna-Rudolph // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999; *Обатнин Г.* Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907—1919)). М., 2000.

© *Роберт Бёрд* (*США*)

НЕИЗДАННЫЙ ТЕКСТ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА О «ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ ДЕЙСТВЕ» А. Н. СКРЯБИНА[1]

Личные и творческие связи Вяч. Иванова и А. Н. Скрябина не раз привлекали внимание исследователей.[2] И хотя период их близкого общения длился меньше двух лет, принято считать, что они оказали существенное влияние друг на друга.

---

[1] Автор приносит глубокую благодарность Г. В. Обатнину, оказавшему неоценимую помощь в подготовке публикации.

[2] См.: *Мыльникова И. А.* Статьи Вяч. Иванова о Скрябине // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 88—119; *Томпакова О. М.* Скрябин и поэты Серебряного века. Вячеслав Иванов. М., 1995; *Левая Т.* 1) От романтизма к символизму (Некоторые тенденции русской музыкальной культуры начала XX века) // Проблемы музыкального романтизма. Сб. научных трудов. Л., 1987. С. 130—143; 2) Скрябин и «младосимволисты» // Русская музыка начала XX века в художественном контексте эпохи. М., 1991; *Matlaw R.* Scriabin and Russian Symbolism // Comparative Literature. 1979. Vol. 31. N 1. P. 1—23; *Kostalevsky M.* The Birth of Poetry from the Spirit of Criticism: Ivanov on Skrjabin // Russian Literature. 1998. Vol. 44. No 3. P. 317—329; *Morrison S.* Russian Opera and the Symbolist Movement. Berkeley, 2002. P. 184—241.

В частности, Иванову приписывают роль поэтического наставника Скрябина в его работе над последним произведением «Предварительное действо». С другой стороны, после смерти Скрябина 15 апреля 1915 года Иванов часто обращался к творчеству и личности своего покойного друга как в поэзии, так и в выступлениях, в докладах, в статьях. Отчасти по обстоятельствам военного и революционного времени из всего этого богатого материала лишь три стихотворения и одна статья появились в печати при жизни автора.[3] До конца своей жизни Иванов продолжал надеяться, что его работы о Скрябине когда-нибудь увидят свет.[4]

Идея опубликовать свои статьи о Скрябине отдельной книжкой возникла у поэта только после 1918 года, когда он сблизился с издательством «Алконост», выпустившим несколько произведений Иванова: поэму «Младенчество» (1919), драму «Прометей» (1919) и написанную совместно с М. О. Гершензоном «Переписку из двух углов» (1921). «Алконост» издал также сборник рассказов второй жены Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Нет!» (1918). В анонсах издательства часто упоминался как «готовящийся к печати» и сборник «Скрябин». Однако после переезда Иванова в Баку осенью 1920 года в его контактах с «Алконостом» наступила пауза. Сотрудничество возобновилось лишь в марте 1923 года, когда С. М. Алянский прислал Иванову в Баку письмо и книгу. Уверяя издателя в неизменности своих симпатий к «Алконосту», Иванов предложил сразу несколько книг, в том числе и сборник «Скрябин», о котором писал: «К „Скрябину" я должен добавить главу о „Предварительном Действе" Скрябина, ныне изданном, и изменить в статьях кое-что, вообще подновить книжку».[5] Вероятно, публикуемый нами текст представляет собой вариант упомянутой здесь «главы о „Предварительном Действе"», предназначенной для сборника «Скрябин».

Сложная судьба текстов Иванова о Скрябине затрудняет любые категорические суждения о них. Например, его статья «Взгляд Скрябина на искусство», предназначенная для несостоявшегося мемориального «Скрябинского сборника», существует по крайней мере в трех вариантах, относящихся к разным стадиям работы Иванова над «Скрябинским сборником» и авторским сборником «Скрябин».[6] Следы этой запутанной истории обнаруживаются также и в архивной единице, содержащей начало статьи о «Предварительном действе». Скорее всего, первый лист не имеет прямого отношения к публикуемому тексту и представляет собой инструкцию наборщику неосуществившегося сборника:

«Для Скрябинского Сборника
Вячеслав Иванов
Два чтения о Скрябине

---

[3] Сонет «Памяти Скрябина» был опубликован вскоре после кончины композитора (Русское слово. 1915. 26 апр.), эпиграмма «Ко дню открытия памятной доски на доме Скрябина» напечатана к первой годовщине со дня его смерти (Утро России. 1916. 14 апр.), а «Воспоминание о А. Н. Скрябине» лишь двадцать лет спустя (Современные записки. 1937. Кн. 63). Единственная статья, вышедшая при жизни автора, — «Скрябин и дух революции» (см.: *Иванов В.* Родное и вселенское. М., 1917. С. 191—197). См. также: Письмо члена совета М⟨осковского⟩ С⟨крябинского⟩ о⟨бщества⟩ Вяч. И. Иванова председателю Петроградского Скрябинского общества по поводу книги Л. Л. Сабанеева «Скрябин» // Известия Петроградского Скрябинского общества. 1917. Вып. 2. С. 16—21. О сонете «Памяти Скрябина» см.: *Wachtel M.* The «Responsive Poetics» of Vjačeslav Ivanov // Russian Literature. 1998. Vol. 44. N 3. P. 303—315.

[4] См. примечание О. А. Шор к статье Иванова «Взгляд Скрябина на искусство» (*Иванов В.* Собр. соч. Брюссель, 1971—1987. Т. 3. С. 736).

[5] РГАЛИ. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4 об. (письмо от 14 марта 1923 года). Гранки неосуществившейся книги недавно опубликованы (см.: *Иванов Вяч.* Скрябин. М., 1996).

[6] *Иванов В.* Собр. соч. Т. 3. С. 172—189, 736; *Мыльникова И. А.* Статьи Вяч. Иванова о Скрябине. С. 103—113; *Иванов Вяч.* Скрябин. С. 5—37.

Покорнейше и убедительно прошу выслать корректуру по адресу
Черноморской губ.
Красная Поляна (Романовск)
дача проф. Кулаковского[7]
Вяч. Ив. Иванову

Извещение составителям Скрябинского Сборника.

Мои стихи о Скрябине включены в текст статей. Остается еще одно стихотворение, ему посвященное, которое может быть помещено в отделе стихотворений после других, говорящих нечто прямо о Скрябине.

Вяч. Иванов
См. следующ⟨ую⟩ стр⟨аницу⟩».[8]

Согласно вступительной заметке в сборнике «Скрябин», две статьи, предназначенные для «Скрябинского сборника», — это «Взгляд Скрябина на искусство» и «Скрябин как национальный композитор» (вторая позднее была переименована в «Национальное и вселенское в творчестве Скрябина»). Пока Иванов готовил к печати свой сборник «Скрябин», в свет вышло скрябинское «Предварительное действо» под редакцией М. О. Гершензона. Поскольку в публикуемом тексте имеются ссылки на это издание, он явно создавался после первой корректуры «Скрябина», скорее всего в 1920—1922 годах. К сожалению, сохранилось лишь начало статьи, которая обрывается в середине предложения и в середине листа. Возможно, что Иванов больше к ней не возвращался.

Несмотря на краткость и фрагментарность, ивановский текст о «Предварительном действе» представляет собой как бы конспект его эстетического учения. По мнению Иванова, скрябинское творение сочетает в себе качества и силу драмы, поэзии и теософии. Тем самым оно превосходит границы искусства и превращается в литургическое служение. Иванов ассоциирует это пограничное явление с античным дифирамбом, из которого, по его мнению, развились «священные драмы», т. е. мистериальные культы в Дельфах и Элевсинии. Таким образом, современное искусство приводит к «духовному воспитанию посвящаемых», лирика становится «эпосом», а зритель — участником в сакраментальном претворении мира.

Текст Иванова не только иллюстрирует главные категории его эстетики, но и проясняет ее с новой точки зрения. В частности, Иванов особо останавливается на том, как повествование «Предварительного действа» затруднено его драматической структурой, в которой множество лирических голосов переплетается в сложное единство. Восприятие этого единства, по мнению Иванова, требует «духовного взора». Цель «Предварительного действа» — именно «духовно-воспитательное предуготовление» зрителей к обрядовой «Мистерии», т. е. повествовательное введение в строго не-повествовательное сакраментальное событие.

Интересно, что понятие «духовный взор» встречается и в текстах П. А. Флоренского того же времени. Флоренский, как известно, считал икону чем-то вроде окна, через которое открывается «духовное видéние».[9] Не менее важна, на наш взгляд, его мысль о том, что способность к духовидению требует «умного взора», который развивается в процессе восприятия развертывающегося повествования. Флоренский приводит в пример книгу, так как «отдельные ее графические или ил-

---

[7] Кулаковский Юлиан Андреевич (1855—1919) — филолог-классик, историк Рима и Византии, профессор Киевского университета, член-корреспондент Императорской Академии наук. Как и Вяч. Иванов, ученик Т. Моммзена.

[8] ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 178. Л. 1—2.

[9] *Флоренский П. А.* Иконостас. М., 1995. С. 70.

люстративные элементы выступают в сознании последовательно, как части одного целого, имеющего организацию и по четвертой координате».[10] Кино: «...кинематографический прием как таковой вовсе не ведет непременно к натуралистической навязчивости иллюзорного подражания действительности и при известных условиях может, напротив, требовать наибольшего духовного усилия, а единство, им передаваемое, будет созерцаться взором умным, но отнюдь не чувственным».[11] Таким образом, можно провести прямую линию от скрябинского «Предварительного действа» до звукового кино С. М. Эйзенштейна, поскольку оба художника, синтезируя разные искусства, создавали сложные повествовательные структуры искусств для развития нового восприятия у зрителя.

⟨О Предварительном действии⟩[12]

I.

Поэтическое наследие Скрябина, словесный текст Предварительного Действия, представляет собою по духу и стилю творение мистическое и литургическое; по форме — разновидность лирической драмы литургического стиля; по приемам художественного воплощения заложенной в основу творения мистической [религиозной] идеи — символическую поэму; по предмету изображения — начертание самобытной космогонической теории своего творца в ее простейшей и обобщенной схеме; наконец, по своей цели — введение в [таинственное учение о Божестве, мире и человеке, долженствовавшее быть окончательно раскрытым в будущей Мистерии] будущую Мистерию, и духовно-воспитательное предуготовление ее чаемых участников к завершительному соборному тайнодействию, каковое назначение исследуемого [произведения] и ознаменовано в его наименовании: это «действие» в обрядово-сакраментальном смысле слова, и притом действие только «предварительное».

Драмою является Предварительное Действие постольку, поскольку поэт не повествует сам о событиях, совершившихся или грядущих, а представляет их ныне текущими перед нашим духовным взором в лице возникающих и облекающихся в соответственные обличия живых сущностей, из коих каждая изрекает свое слово и свершает свое дело перед нами от себя, так что основную ткань произведения составляет диалог действующих лиц и хоровых сонмов. Каждый элемент диалога разработан лирически; а преобладание хоровой стихии окончательно обращает исследуемое произведение в драму лирическую. Наибольшую аналогию данной в П⟨редварительном⟩ Действии форме пишущий эти строки находит в тех первоначальных действах, из коих развилась у эллинов известная нам по своим классическим образцам трагедия. Мы знаем об этих действах, что они состояли из смены хора и единичных лирических голосов, изображали в драматическом воплощении события религиозного мифа, носили характер экстатический и назывались дифирамбами. Те же черты религиозного лиризма ⟨?⟩, [экстаза] хорового энтузиазма и мифотворческой символики наблюдаются и в П⟨редварительном⟩ Д⟨ействии⟩, и — по знаменательному совпадению — соприродность его древнейшему дифирамбу порождает общее психологическое явление — потребность неожиданных, в восторге

---

[10] *Флоренский П. А.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 225.

[11] Там же. С. 223.

[12] ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 178. Л. 3—3 об. В квадратных скобках приводится зачеркнутый текст, все редакторские добавления, сомнения и конъектуры даются в угловых скобках. На листах 5 и 6 этой единицы хранения представлены отдельные варианты данного текста (Л. 3—3 об.).

и исступлении творимых словообразований (огнественный, лучественный, любвийный),[13] которые, по сужден⟨ию⟩ древних, были естеств⟨енными⟩ и вполне приемл⟨емыми⟩ именно в дифирамбическом роде религиозной лирики.

Можно предполагать с величайшей вероятностью, что дифирамб, о котором мы говорим, послужил основою «священных драм» или «действ» (δρωμενα), — как действа дельфийские, элевсинские, ⟨1 нрзб.⟩ и другие, — религиозных представлений, даваемых при святилищах и особенно в оградах, где справлялись мистерии, с целью духовного воспитания посвящаемых. Поскольку мы имеем о них некоторые общие представления, мы вправе думать, что их обрядовое [течение] последование не обходилось без вмешательства неизменных участников чина посвящений — «священнных ⟨вестников?⟩» и «иерофантов», торжественно провозглашавших в нужное мгнов⟨ение⟩ слова учительные и многознаменательные. То же находим мы и в П⟨редварительном⟩ Д⟨ействии⟩, драмат⟨ическое⟩ течение которого прерывается возглашениями, эпически сообщающими о важных перипетиях космического процесса. Развитые аналогии ⟨текст обрывается⟩.

---

[13] См. отмеченные слова в изданном Гершензоном тексте «Предварительного действа» (Русские Пропилеи. М., 1919. Т. 6. С. 213, 216).

© ***Майкл Вахтель*** (*США*)

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ЕГО «ДРЕЗДЕНСКИЕ ДРУЗЬЯ»

(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Хотя в годы эмиграции Вячеслав Иванов ни разу не ездил в Германию, у него существовали тесные связи с Дрезденом. Здесь обосновался его поклонник и друг Федор Степун, получивший место профессора на кафедре социологии в Техническом университете и с 1926-го вплоть до 1937 года читавший там лекции, пользовавшиеся большой популярностью.[1] И в стенах университета, и в частной жизни Степун широко пропагандировал русскую культуру, и в первую очередь творчество высоко им ценимого Вяч. Иванова. Об успехе его просветительского энтузиазма можно судить по тому, что вокруг Степуна сложилась группа немцев, которые называли себя «дрезденскими друзьями Вяч. Иванова». В этом небольшом кружке стоит выделить Мартина Каубиша (Martin Kaubisch, 1888—1941) и Фреда Хентша (Fred Höntzsch, 1905—1993). Каубиш, который преподавал в местной гимназии, был поэтом и критиком, опубликовал статьи о Гете, Рильке и Ницше. Степун считал его отличным стилистом и советовался с ним, готовя свои труды на немецком языке. (Так, например, они провели вместе пять часов, шлифуя статью о Вяч. Иванове, написанную Степуном по заказу католического журнала «Hochland».[2]) Каубишу же Иванов послал и мелопею «Человек» в собственном переводе на немецкий язык, прося его о стилистической правке.[3] Из открытки Каубиша от 31 октября

---

[1] Полный список его курсов см.: *Hufen Ch.* Fedor Stepun: Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884—1945. Berlin, 2001. S. 573—574.

[2] См. об этом в письме Каубиша к Вяч. Иванову от 31 декабря 1933 года. (Письма Каубиша к Иванову хранятся в римском архиве поэта. Далее они цитируются нами без дополнительных указаний на этот источник.) Статья появилась в январе 1934 года. См.: *Stepun F.* Wjatscheslaw Iwanow. Eine Porträtstudie // Hochland. 1933—1934 (Jg. 31). H. 2. S. 350—361.

[3] См. открытку Каубиша к Вяч. Иванову от 7 августа 1932 года. Не исключено, что отличия между немецкоязычным «Человеком», опубликованным нами (Vjačeslav Ivanov: Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlaß. Mainz, 1995. S. 275—282; далее: Dichtung

1932 года Иванов впервые узнал о существовании Хентша: «В журнале „Orient und Occident", вып. 11, с. 45, появилась рецензия на „Достоевского", написанная Фредом Хентшем. Этот молодой писатель дружен со мной и со Степуном. Мы оба помогали ему советом при написании этой рецензии».

Данная характеристика Хентша нуждается в уточнении, поскольку Каубиш несколько преувеличил квалифицированность своего друга. Прежде всего тот был одним из самых восторженных слушателей Степуна. Опубликованные Хентшем работы — это не произведения художественной прозы (хотя он много лет думал о большом романе), а небольшие статьи и рецензии, в которых весьма ощутимо влияние обожаемого им профессора, как на выбор тем, так и на их трактовку. Когда в 1937 году Степун собрался уехать из фашистской Германии и подавал заявления в швейцарские университеты, в качестве «рекомендательного письма» он ссылался на недавнюю статью, написанную о нем Хентшем.[4] После войны Хентш хотел написать книгу о Степуне, но намерения своего так и не осуществил — остались только его многочисленные статьи и рецензии, разбросанные в немецкой печати 1930—1960-х годов. Как свидетельствует их переписка, ученик и наставник были близкими друзьями вплоть до самой смерти последнего.[5]

При подготовке издания немецкого эпистолярного наследия Вяч. Иванова мы не пытались искать материалы в Дрездене, так как в 1945 году в результате бомбардировки союзников город был уничтожен и спустя полвека нечего было и мечтать о том, чтобы в нем сохранились личные архивы довоенной поры. Когда мы ознакомились с письмами Хентша к Иванову в римском архиве, стало ясно, что поэт послал своему «дрезденскому другу» одно очень содержательное письмо, и нам оставалось только жалеть об утрате его бумаг.

Мы находились в Риме летом 2001 года, когда петербургская архивистка Л. Н. Иванова занималась разбором архива поэта. В ходе этой работы был неожиданно обнаружен целый ряд замечательных документов. Среди них и то самое письмо Иванова к Хентшу — причем не только черновик, но и копия белового текста, переписанного четкой рукою Ольги Дешарт. Подобных копий в архиве крайне мало, и ее наличие указывает на то, что Иванов придавал данному письму особое значение. Оно написано по-немецки и для настоящей публикации переведено на русский язык Ф. Б. Поляковым, за что выражаем ему глубокую признательность.

20 ноября 1932 года Хентш послал Иванову свое первое письмо, в котором, представившись другом Каубиша и Степуна и автором двух рецензий на «Достоевского», выразил благодарность за глубокий разбор произведений великого русского романиста, но признался, что ивановское сопоставление романа «Бесы» с «Фаустом»[6] показалось ему неубедительным. Вместе с письмом и обеими рецензиями Хентш послал на суд поэта еще две работы.

Публикуемое ниже ответное письмо Иванова важно по двум причинам. Во-первых, упреки рецензента заставили его подробнее изложить свой взгляд на роль Гете в творчестве Достоевского. Во-вторых, одна из присланных работ Хентша побудила поэта высказаться о современной политике и о месте Германии в

---

und Briefwechsel), и вариантом, подготовленным Р. Дубровкиным (Cahiers du monde russe et soviètique. 1994. Fasc. XXXV. № 1—2. P. 319—325), объясняются именно правкой Каубиша. Ср. наше, по-видимому неточное, объяснение в «Dichtung und Briefwechsel» (S. 275, примечание).

[4] См. письмо Степуна к Артуру Рону (Arthur Rohn) от 6 августа 1937 года, хранящееся в Бахметевском архиве Колумбийского университета. Речь идет о статье «Fedor Stepun — ein Mittler zwischen Rußland und Europa» (Hochland. 1936—1937 (Jg. 34). H. 2. S. 189—200).

[5] Письма Хентша к Степуну хранятся в архиве Бейнеке Йельского университета. По свидетельству сына Хентша Кристофа, профессора физики в Падеборнском университете, письма Степуна к его отцу не сохранились.

[6] См.: *Иванов В.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 523—526. Разумеется, Хентш имел в виду соответствующий текст немецкого издания.

мире. Это тем более ценно, что в эмигрантский период Иванов, как правило, избегал политических тем, отчасти из-за обещания, данного Луначарскому при выезде из Советского Союза.

Исключительный интерес Иванова к Гете вообще и к «Фаусту» в особенности хорошо известен и по его работам, и по воспоминаниям современников. Но в этом письме он излагает мысль, нигде в других его трудах не высказанную с такой же отчетливостью. Мистическая трактовка земли, столь важная для творчества Достоевского (да и для самого Иванова), лежит, по его мнению, и в основе гетевского шедевра. Этот лейтмотив, который поэт-символист обнаруживал в обеих частях трагедии, сблизил Гете с Достоевским, сделав и великого немецкого классика «реалистом в высшем смысле».

Еще любопытнее изложенные здесь впечатления Иванова от статьи самого Хентша «Германия между Востоком и Западом». Она является отзывом на две книги известного в то время представителя немецкого «национал-большевизма» Э. Никиша.[7] По мнению Никиша, Германия должна во что бы то ни стало освободиться от западного влияния. Хентш резко осудил эту позицию с точки зрения христианского идеала, не воплощенного, как он считал, ни на «псевдохристианском» Западе, ни тем более в Советской России. При этом он обвинил Никиша в «языческом национализме», сетуя, что, безмерно переоценивая значение «сопротивления», его оппонент упускает нечто более существенное — христианские заповеди. Пафос статьи Хентша был безусловно близок русскому поэту, хотя он, лицом к лицу столкнувшийся с атеистическим режимом у себя на родине и обретший приют в лоне католической церкви, вряд ли согласился с резко негативной оценкой современного западного христианства. Характерно, однако, что Иванов не стал полемизировать по этому вопросу, сосредоточившись на пунктах, сближавших его с Хентшем. В письме, в частности, высказано опасение относительно дипломатического признания Советской России Западом, которое может обернуться катастрофическими последствиями. Примечательно, что, видя угрозу, исходящую от Советского Союза и от не менее ненавистного ему эмигрантского евразийства, Иванов возлагает свои надежды на Германию как оплот «христианского мира» («die Christenheit»). Причем употребленное им слово явно отсылает нас к знаменитой статье «Христианский мир или Европа» («Die Christenheit oder Europa») любимого Ивановым поэта-романтика Новалиса.[8]

О мировоззрении Хентша Иванов мог судить только по нескольким присланным ему текстам. Отзываясь на статью своего немецкого корреспондента, он набросал подробное и образное (в духе Новалиса и с примечательной ссылкой на вагнеровского «Парсифаля») рассуждение об исторической роли протестантства в Германии. Но затем его вычеркнул — вероятно, потому, что, ничего не зная о вероисповедании Хентша, не хотел чем-нибудь задеть своего адресата.[9] Вот этот фрагмент письма Иванова: «ein bösartiges Geschwür, welches von der Blutvergiftung Russlands durch die bolschewistische Infektion verursacht worden ist. Soll auch Deutschland damit angesteckt werden? Nein, Europa, d. h. die Christenheit, besteht von

---

[7] Эрнст Никиш (1889—1967), школьный учитель по профессии, принял активное участие в Баварской советской республике. Основал издательство «Сопротивление», в котором опубликовал книги, направленные против Веймарской республики. При Гитлере был арестован и приговорен к пожизненному заключению. В 1945 году освобожден из концлагеря Красной Армией. Вскоре вступил в компартию, но бескомпромиссность сделала его диссидентом и в ГДР. Организованный Никишем «Институт изучения империализма» был закрыт, а написанный в этот период труд запрещен цензурой. В 1953 году перебрался в ненавистную ему ФРГ, где, всеми забытый, провел последние годы жизни.

[8] Именно с обращения к этому тексту он начинает свою статью о Новалисе (см.: *Иванов В.* Собр. соч. Т. 4. С. 256—259).

[9] На самом деле, как Иванов узнал из следующего письма от 8 мая 1933 года, Хентш видел в протестантстве единственную надежду немецкого народа.

Anfang an aus Okzident und Orient, die sich gegenseitig so ergänzen, wie sie sich noch im vorchristlichen Altertum ergänzten, da sie die zweieinige griechisch-römische Kultur bildeten. Sind beide Elemente getrennt, so sind die beiden Teile des Ganzen krank. Der Protestantismus war eine Antithese innerhalb des westlichen Kreises: das ist am Leibe der Christenheit die Wunde des Amfortas, die ihren Ursprung im letzten Grunde dem grossen Schisma zwischen dem christlichen Okzident und dem christlichen Orient verdankt. Der christliche Orient aber hat mit dem ausserchristlichen Asien nichts gemein, abgesehen von den asiatischen Elementen, die er schon seit der hellenistischen Epoche in sich produktiv eingesogen und im christlichen Sinne verarbeitet hat. Der germanische Stamm gehört dem christlichen Westen, die Russen dem christlichen Orient an. Die Deutschen dürfen nicht Europa verraten und ihre eigene Vergangenheit verkennen und verleugnen; ebenso die Russen. Die antichristlichen Gewalthaber Frankreichs aber sind Verräter an Europa als Christenheit in fast eben demselben Masse wie die bolschewistischen Gewalthaber Russlands» [*перевод*: «злокачественная язва, возникшая из-за заражения крови России в результате большевистской заразы. Должна ли заразиться ею и Германия? Нет, Европа, т. е. христианский мир, с самого начала состоит из Запада и Востока, которые взаимодополняют друг друга таким образом, каким они дополняли друг друга еще в дохристианской древности, составляя двуединую греко-римскую культуру. Если оба элемента отделены друг от друга, то обе части целого страдают. Протестантство было антитезой в пределах западного круга; это рана Амфортаса в теле христианского мира, которая в конечном счете обязана своим возникновением великому расколу между христианским Западом и христианским Востоком. Христианский Восток не имеет, однако, ничего общего с находящейся вне христианства Азией, за исключением тех азиатских элементов, которые он уже начиная с эллинистической эпохи продуктивно вобрал в себя и переработал в христианском смысле. Германское племя относится к христианскому Западу, русские — к христианскому Востоку. Немцы не должны предавать Европу. Они должны осознавать свое собственное прошлое и не отказываться от него; не должны этого делать и русские. Антихристианские тираны Франции — предатели Европы как христианского мира почти в той же степени, что и большевистские тираны России»].[10]

Pavia, Almo Collegio Borromeo

d⟨en⟩ 4ten Dezember 1932

Sehr verehrter Herr Höntzsch,

Mit innigem Dankgefühl habe ich Ihren freundlichen Brief und Ihre beiden sehr wichtigen und so überaus wohlwollenden Besprechungen meiner Dostojewsky-Schrift erhalten. Vielen Dank sage ich Ihnen auch für die beiden zugesellten Aufsätze: «Zwei russische Literaturen» und «Deutschland zwischen Ost und West». Hoch erfreut hat mich Ihr Protest gegen die Abirrung, die ich seit Jahren als eine für das gegenwärtige Deutschland naheliegende Gefahr befürchtete: ich meine die Tendenz, für «Eurasien» und Asien zu optieren im Widerstreite gegen «Westen» und «Westlertum». Schon die heutzutage zur Mode gewordene Auffassung Russlands als einer «eurasischen» d. h. letzten Endes asiatischen, Macht ist giftig genug:[11] die bolschewistische Infektion ist darin nicht zu verkennen. Soll nun auch Deutschland damit angesteckt werden? Dies ist die geschichtsphilosophische Einstellung derjenigen, für die Europa als Christenhe-

[10] Следует отметить, что Франция в статье Хентша вовсе не упоминается. Тем страннее выглядит заключительный выпад Иванова. Объясняется он, по всей видимости, реальными политическими обстоятельствами того момента. Черновик письма датирован 25 ноября. Европейская печать тех дней была полна слухов о возможном подписании договора о ненападении между Францией и Советским Союзом. 30 ноября он действительно был заключен.

[11] Далее следовал вычеркнутый Ивановым пассаж, который приведен нами выше.

it (und zwar zweieinige Christenheit von Orient und Okzident, wie auch schon das vorchristliche Europa in diesem Sinne zweieinig war) nicht mehr existiert und die Welt der Kampfplatz ist der beiden gleich antichristlichen Widersacher — des bürgerlichen Jakobinismus im Westen und des sich und das europäische Proletariat befreienden Asiens. Sollte Deutschland, tatsächlich gestellt zwischen Jakobinertum und Bolschewismus, seinen Beruf verkennen, Europa als Christenheit und sich selbst als einen Teil derselben (ungeachtet der antithetischen Stellung des Protestantismus innerhalb des westlichen Kreises) zu behaupten, so wären die Folgen dieses Verrats verhängnisvoll. Dies schreibe ich, weil Sie wissen wollten, ob meine Gedanken sich mit den von Ihnen vorgetragenen berühren; natürlich muss ich im Rahmen eines Briefes mich auf wenige Winke beschränken.

Was soll ich nun sagen, um Ihnen die von mir aufgestellte Analogie zwischen «Faust» und «Dämonen» weniger paradox erscheinen zu lassen? Vielleicht auf eine Voraussetzung hinweisen, die in meiner Schrift nicht deutlich genug ausgesprochen ist. Meines Erachtens beherrscht die Idee des uns (den männlichen Geist in seinem Sehnen und Wagen) hinanziehenden Ewig-Weiblichen die ganze Faust-Dichtung. Dieses Leitmotiv klingt schon in den Worten: «Wo fass' ich dich, unendliche Natur? euch Brüste, wo?» — Die Mütter gehören dazu nicht weniger als Mater Gloriosa. Unter dem Aspekte der Erde wird das Ewig-Weibliche unmittelbar zum Gegenstand der leidenschaftlichen Liebe Faustens («aus dieser Erde quellen meine Freuden»... «du, Erde, warst auch diese Nacht beständig» u. s. w.) und noch als Greis ist der freien Boden für freies Volk erringende Faust in dieselbe träumerisch verliebt. Diese Liebe macht ihn trotz aller Schwärmerei zu einem Realisten, gleich Goethe selbst, und die reale Vertreterin der mystischen Wesenheit Erde ist für ihn Gretchen, sein «jugenderstes, längstentbehrtes höchstes Gut», wie er ihrer nach dem Verschwinden des Eidolens Helenens sehnsüchtig gedenkt (im Einleitungsmonolog des IVten Aktes). Nun verhält sich die Lahme bei Dostojewskij zu dieser mystischen Wesenheit just so, wie Gretchen sich zu derselben verhält bei Goethe. Und diese Symbole hat der russische Dichter dem deutschen abgelauscht, wie er [denn?] auch die Schilderung des Wahnsinns bei Goethe in seinem Roman nachgeahmt hat.

Zudem ich Ihnen nochmals meinen herzlichsten Dank ausspreche mit der Freude, Sie aus der Ferne freundschaftlich begrüssen zu dürfen, verbleibe ich

Ihr sehr ergebener

W. Iwanow.

P. S. Herzliche Grüsse an Kaubisch und Stepun. W. I.

Перевод:

Pavia, Almo Collegio Borromeo

4 декабря 1932 года

Глубокоуважаемый господин Хентш!

С чувством искренней благодарности я получил Ваше дружеское письмо, как и оба Ваших очень важных и столь чрезвычайно благосклонных отзыва на мою книгу о Достоевском.[12] Премного благодарен Вам также за обе присланные статьи, «Две русские литературы»[13] и «Германия между Востоком и Западом».[14] Весьма

---

[12] См.: Die Tatwelt. 1932. H. 3. S. 167—169; Orient und Occident. 1932. H. 11. S. 45—47.

[13] *Höntzsch F.* Zwei russische Literaturen // Kölnische Zeitung. 1932. 8. Oktober. № 552. В этой статье Леонид Леонов изображен как лучший представитель «Серапионовых братьев» и своей религиозностью противопоставлен деятелям Пролеткульта.

[14] *Höntzsch F.* Deutschland zwischen Ost und West: Gedanken zu Ernst Niekischs Politik des Widerstandes // Die Christliche Welt. 1932. № 15. S. 703—708.

обрадовал меня Ваш протест против заблуждения, в котором мне давно видится опасность для современной Германии: я подразумеваю тенденцию к предпочтению «Евразии» и Азии в полемике с «Западом» и «западничеством».[15] Уже вошедшее сейчас в моду представление о России как о «евразийском», т. е. в конечном счете азиатском, государстве является достаточно ядовитым: невозможно не распознать в нем большевистскую заразу. Должна ли заразиться ею и Германия? Это историко-философская концепция тех, для кого Европа как христианский мир (причем двуединый христианский мир Востока и Запада, в том же смысле, в каком и дохристианская Европа была двуединой) более не существует, а мир представляет собою поле битвы двух равно антихристианских противников — буржуазного якобинства на Западе и Азии, освобождающей самое себя и европейский пролетариат. Если Германия, действительно стоящая между якобинством и большевизмом, не осознает свое призвание к утверждению Европы как христианского мира и себя как части его (невзирая на антитетическое положение протестантства в пределах западного круга), то последствия этого предательства окажутся роковыми. Я пишу это̀, поскольку Вы хотели знать, соприкасаются ли мои мысли с высказанными Вами; разумеется, в пределах письма я должен ограничиться несколькими намеками.

Что сказать, чтобы проведенная мною аналогия между «Фаустом» и «Бесами» не казалась Вам столь парадоксальной? Быть может, следует указать на ее предпосылку, недостаточно четко сформулированную в моей работе. По моему мнению, идея Вечной Женственности, притягивающей нас (мужественный дух в его тоске и дерзании), целиком пронизывает поэзию «Фауста». Этот лейтмотив звучит уже в словах «Где уловлю тебя, бескрайняя Природа? вас, груди, где?»[16] — Матери относятся сюда не в меньшей степени, чем Mater Gloriosa. В аспекте Земли Вечная Женственность становится объектом страстной любви Фауста («из сей земли льются радости мои»[17]... «ты, земля, была и в эту ночь самой себе верна»[18] и т. д.), и будучи уже стариком, Фауст, ищущий свободной почвы для свободного народа, все еще влюблен в нее в своих грезах. Любовь эта превращает его, вопреки всей мечтательности, в реалиста, подобно самому Гете, и реальным воплощением мистической сущности Земли становится для него Гретхен, его «самое первое, утраченное в юности, драгоценнейшее сокровище»,[19] как он вспоминает о ней после исчезновения призрака Елены (в вводном монологе четвертого акта). Хромоножка у Достоевского соотнесена с этой мистической сущностью так же, как Гретхен у Гете. И русский писатель перенял эти символы у немецкого, как и заимствовал описание безумия в своем романе у Гете.

Выражая еще раз свою самую сердечную благодарность и радость иметь возможность дружески приветствовать Вас издалека, остаюсь

искренне преданным Вам —

В. Иванов.

P. S. Сердечный привет Каубишу и Степуну. В. И.

---

[15] Ср. сходную трактовку евразийства в письме Иванова к Э. Р. Курциусу от 27/28 февраля 1932 года (Dichtung und Briefwechsel. S. 59—60).

[16] И.-В. Гете. «Фауст». Строки 455—456. Здесь и далее перевод цитат выполнен Р. Ю. Данилевским.

[17] Там же. Строка 1663.

[18] Там же. Строка 4681.

[19] Там же. Строка 10059.

© *Мария Кандида Гидини,* © *А. Б. Шишкин* (*Италия*)

ДВА ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА К ЖАКУ МАРИТЕНУ

Мысль Вяч. Иванова постоянно создавала ситуацию для «встречи», диалога, причем диалога с самыми различными религиозно-философскими и идеологическими позициями. Семилетие петербургской «Башни» (1905—1912), равно как и последующее московское семилетие (1913—1920), нельзя представить без личного общения и интеллектуальных диалогов с Н. Бердяевым, Л. Шестовым, П. Флоренским, С. Булгаковым, В. Эрном, М. Гершензоном, диалогов зачастую полемических, но всегда порождающих новые смыслы. В эпоху символизма среди многообразия культур это были, пожалуй, центральные голоса. В последующие 25 лет в Италии (1924—1949) фигура изгнанника принадлежала скорее культурной периферии, а не центру, хотя в эту итальянскую периферию порой тянулись старые и новые русские единомышленники и друзья — Ф. Зелинский, Е. Аничков, Ф. Степун, И. Голенищев-Кутузов, Е. Шор, Л. Ганчиков, а также представители западноевропейской культуры и науки — М. Бубер, Э. Р. Курциус, М. Бодмер, Х. Стейнер, Ш. Дю Бос, Дж. Де Лука, А. Пеллегрини, К. Мут, Ж. Шузевиль. В 1934 году поэта даже почтил своим присутствием, а затем и участием в остром и ожесточенном споре маститый Бенедетто Кроче (кстати, напрочь отрицавший существование русской философии; в учтивейшем письме от 19 марта 1934 года Вяч. Иванов с долей иронии благодарил Кроче за то, что тот посетил его «шатер скитающегося скифа»).[1]

Уже в эти годы многие современники ставили себе целью определить направление ивановских идей в общем контексте европейской мысли, сблизить его с той или иной философской или психоаналитической школой, а то и с большими вопросами религии и церкви; те же задачи, с большим или меньшим успехом, решают и современные исследователи.[2] Но здесь в ряде случаев есть опасность преувеличить роль совпадений — как в плане воззрений, так и в плане системы выражений, — обусловленных неким общим фондом идей, образов, философских, филологических и эстетических терминов. Показательно, что в письме к Э. К. Метнеру от 22 сентября 1929 года Вяч. Иванов максимально резко отзывается о двух книгах К. Г. Юнга, проблематику которых при желании можно посчитать Иванову близкой.[3] В другом случае Иванов в письме к Э. Мюллер-Ганглоф считает необходимым заявить о полной независимости от штейнерианской доктрины своих работ о Достоевском: «Теперь сожалею, что не избрал другие выражения ⟨...⟩ чтобы ни один читатель не принял моих соображений за переложение антропософского уче-

---

[1] Оригинал по-итальянски. Цит. по: *Cecchini C.* Una lettera inedita di V. Ivanov a Benedetto Croce // Russica Romana. 2004. Vol. XI. P. 218.

[2] Кроме уже ставших классическими работ Ф. Степуна и С. Аверинцева, ср. теперь: *Dudek A.* 1) Поэтическая мариология Вяч. Иванова // Studia Litteraria Polono-Slavica. Warszawa, 1993. P. 41—51; 2) Poezja jako teologia: koncepcja doświadczenia religijnego w twórczości młodszyh symbolistów rosyjskih // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1998. Seria IX. P. 95—99; *Пургин С. П.* Философия в круге Слова: Вячеслав Иванов. Екатеринбург, 1997; *Грабар М.* Вячеслав Иванов или Эдмунд Гуссерль. Мифотворчество и феноменология как две параллельные попытки решить гносеологическую сторону проблемы кризиса европейской культуры // Вяч. Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998 / Под ред. С. Аверинцева и Р. Циглер. Frankfurt am Main etc., 2002. С. 199—214; *Казарян А.* Иванов и Хайдеггер об истоках кризиса современной культуры // Там же. С. 214—234; *Bird Robert.* 1) V. Ivanov and Theology // Russian Literature. 1998. V. XLIV. P. 357—377; 2) Martin Heidegger and Russian Symbolist Philosophy // Studies in East European Thought. 1999. № 51. P. 85—108; а также сб.: Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией. VIII Международная конференция / Под ред. А. Шишкина. Т. 1—2 (= Europa Orientalis, XXI: 1—2), [2004].

[3] В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров / Публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 306.

ния».[4] В этом контексте понятна ценность любого рода новых документов, пусть самых фрагментарных, которые могут дать представление о позиции поэта по отношению к современным ему направлениям мысли. К числу подобных документов относятся два письма Иванова к французскому философу Жаку Маритену (1882—1973), сохранившиеся в черновых копиях в Римском архиве Вяч. Иванова; оригиналы этих писем в архиве Маритена пока не обнаружены.

В публикации знаком (...) указано на механическое повреждение текста, угловыми скобками обозначена гипотетическая реконструкция слова, а квадратными — зачеркнутые слова.

Жак Маритен всегда проявлял пристальное внимание к русскому миру. Дружба с Н. Бердяевым, множество издательских начинаний, организация межконфессиональных встреч и участие во Франко-Русской Студии — все это свидетельствует о глубине его интереса к России. Французский философ придавал особое значение русской мысли перед лицом кризиса западной культуры, которой угрожал подъем тоталитаризма. В работах Маритена 20—30-х годов настойчиво присутствует русская тематика и размышления о роли русской мысли в европейской культурной традиции.[5]

Имя Вяч. Иванова стало известно Маритену в 1931 году, когда в Париже вышла в свет «Переписка из двух углов» в переводе на французский Елены Извольской и Шарля Дю Боса. 24 января 1931 года Дю Бос сообщал Вяч. Иванову о большом впечатлении, которое произвела «Переписка» на Жака Маритена и на его жену, русскую по происхождению, Раису.[6] Личные отношения между философом и поэтом завязались в первые послевоенные годы, когда Маритен по решению генерала Де Голля был назначен послом Франции при Ватикане. Сын поэта вспоминал, что Жак и Раиса Маритен много раз навещали Вяч. Иванова в его доме на Авентинском холме.[7] Что увидел и что оценил французский философ в личности русского поэта, узнаем из инскрипта в книге Маритена «Raison et Raisons» (1947): «A Venceslas Ivanov dont la génie réconcile en lui-même Foi, Poèsie et Philosophie» («Вячеславу Иванову, гений которого сочетает в себе Веру, Поэзию и Философию»).[8] Устремленность поэзии к философии и к религии, присущая одному из направлений русского символизма, казалась важной и близкой поколению Маритена, А. Бремона и их старшему современнику П. Клоделю во Франции.

Говоря о дружеских отношениях с Маритеном, Вяч. Иванов в письме к нему от 9 января 1948 года употребил выражение «communion de fois». Это выражение, которое обозначало внутреннюю общность и духовное сопричастие, Вяч. Иванов использовал, очерчивая ближайший круг единомышленников.[9]

На первый взгляд, такого рода созвучие идей между крупнейшим представителем неотомизма XX века, чья система мысли отвергает иррационализм, и поэтом, утверждающим в своих сочинениях тезис о теургической миссии искусства, может показаться неожиданным. Ведь философия Маритена восходила прежде всего к схоластике средневековья, а через нее к Аристотелю, между тем как мысль Вяч. Иванова была определенно платоновской по своим истокам. Но отметим, что

---

[4] *Wachtel M.* (Herausg.). V. Ivanov. Dichtung und Briefwechsel aus dem deutschsprachigen Nachlass. Mainz, 1995. S. 264.

[5] Ср., например, приложение «Sur l'Orthodoxie» к книге Маритена «Primauté du spirituel» (Paris: Plon, 1927), где Маритен утверждает, что различия между католиками и православными являются не большим препятствием для единства веры, нежели существующие различия между орденом францисканцев и бенедиктинцев (P. 275).

[6] Русско-итальянский архив III. Салерно, 2001. С. 508, 513.

[7] *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999. С. 119.

[8] Воспроизведено в сб.: Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией. Т. 1. С. 212.

[9] Письмо В. И. Иванова к К. Муту, август 1939 года // Русско-итальянский архив III. С. 502.

путь Маритена к Фоме Аквинскому проходил не только через витализм Бергсона (учеником которого был Маритен), но и через влияние Ницше, которое испытал и Вяч. Иванов. Существенно, что призыв Маритена к «вечной метафизике»[10] близок к ивановскому призыву к «старой истине».[11] Это не означает, что Маритен и Иванов были реставраторами средневековой мысли или тосковали по мифической далекой древности. Для Маритена Фома Аквинский — «апостол современности»,[12] и подобным же образом Иванов прибегает к античным философам (Платон) или к категориям, восходящим к древности, для истолкования современности.[13]

Именно благодаря такому осознанному созвучию Иванов в своих поздних статьях мог постоянно использовать реминисценции и более или менее скрытые цитаты из работ Маритена.[14] Наиболее яркие следы мысли французского философа можно усмотреть в последней ивановской статье Forma formans e forma formata, написанной в 1947 году, в период близкого общения с Маритеном в Риме.[15]

Письмо Вяч. Иванова, датированное 27 мая 1948 года, написано незадолго до отъезда Маритена из Рима, состоявшегося 6 июля 1948 года: это прощание перед окончательным расставанием. В письме от 9 января 1948 года Вяч. Иванов отзывается на недавно опубликованную книгу Маритена «Court traité de l'existence et de l'existant».[16] Эта книга посвящена онтологии Фомы Аквинского в связи с вопросами познания, этики и субъективности. Говоря о философии Аквината, Маритен использует термин «экзистенциализм». При этом Маритен остро полемичен по отношению к современному французскому экзистенциализму. Вяч. Иванов подчеркивает это обстоятельство в своем письме, называя страницы его книги «то возвышенными и едкими, то проницательными и жгучими». По мысли Маритена, «экзистенциализм св. Фомы совершенно отличен от экзистенциалистских идей тех философий, которые нам предлагают сегодня».[17] Последние утверждают «примат существования, но как разрушающего или устраняющего сущности или природу, как демонстрирующего высшее поражение интеллекта и интеллигибельности».[18] Подобный «апокрифический» экзистенциализм провозглашает не только некий апофеоз беспочвенности, но и «субъекта без сущности», субъекта во власти полного произвола, «в котором отождествляются Бытие и Небытие».[19] Это положение, генеалогию которого Маритен усматривает в *cogito* Декарта, выливается в атеизм Сартра. И, очевидно, Сартра имеет в виду Вяч. Иванов, говоря о «cette époque qui n'est pas lasse de blasphèmes» («эпохе, когда господствуют богохульство и кощунство»). Следующая далее фраза «puisse-t-il remédier ⟨...⟩ au désespoir des âmes en déroute» («если б эта книга могла уврачевать отчаяние заблудших душ!») находит

---

[10] *Маритэн Ж.* Метафизика и мистика // Путь. 1996. № 2. С. 210.

[11] *Иванов Вяч.* Мысли о поэзии // Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. III. С. 666.

[12] *Maritain J.* Saint Thomas d'Aquin, apôtre des temps modernes / Ed. de la Revue des Jeunes. Paris, 1923 (новое название: Le docteur angélique / Desclées De Brouwer. Paris, 1930).

[13] Ср. в биографии О. Шор-Дешарт: «Но что следует понимать под словом содержание? — спрашивает себя В. И. ⟨...⟩ Наконец, он пришел к убеждению, что за разрешением недоумений надо обратиться к Средневековью» (*Иванов В.* Собр. соч. Т. I. С. 224).

[14] Например, определение искусства как «узрения духовного в чувственном, выраженного посредством чувственного» из «Искусства и Схоластики» Маритена (1920) повторяется Ивановым в статье, которую он написал для Итальянской энциклопедии Треккани. См.: Simbolismo // *Иванов В.* Собр. соч. Т. II. С. 657.

[15] Ср.: *Иванов В.* Собр. соч. Т. III, в частности с. 676, и *Maritain J.* Art et Scolastique / Desclées de Brouwer. Paris, 1935. P. 50.

[16] *Maritain J.* Court traité de l'existence et de l'existant. Paris: Hartamm, 1947; в русском переводе Б. Л. Губмана: *Маритен Жак.* Краткий трактат о существовании и существующем // Маритен Жак. Избранное: Величие и нищета метафизики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 7—106.

[17] Ibid. P. 10.

[18] Ibid. P. 13.

[19] Ibid. P. 225.

точное соответствие в сочинении Маритена, а именно в его последней главе, где Маритен пишет о небытии и отчаянии и возможности их преодоления.

Цитируя Бенжамена Фондана (Fondane), близкого друга и толкователя Л. Шестова, Маритен в своей книге различает первое и второе поколение экзистенциалистов, «экзистенциальный экзистенциализм» и «экзистенциализм академический». Для первых экзистенциалистов — Кьеркегора, Кафки и Шестова, небытие, раскрытое тоской и отчаянием, «не есть небытие *существующего*, а представляет собой небытие *в существующем*. Оно есть трещина в существующем: грех, „обморок свободы"».[20]

Такой вопль отчаяния первых экзистенциалистов — это крайнее выражение субъективности, откровение личности в тревоге небытия. Здесь мы находимся в чисто религиозной и жизненной сферах: «нельзя философствовать в состоянии драматической единичности».[21] Впоследствии, однако, этот экзистенциализм, уступая тоталитаризму и беспощадному обаянию гегелианского разума, развился в философию: «Моральная трагедия уступила место изысканной метафизике»,[22] и вопль из бездны стал философской темой. «Небытие в существующем было заменено на небытие существующего. Ужас свободного отрицания, разрушающего существование, уступил место констатации естественного небытия»,[23] которое экзистенциализм Сартра пытается укротить и даже сделать «комфортабельным».

Последняя глава книги Маритена называется «Ecce in pace». Это название — цитата из песни, которую праведный иудейский царь Езекия возносит Богу после выздоровления: «Ecce in pace amaritudo mea amarissima, tu autem eruisti animam meam ut non periret proiecisti post tergum tuum omnia peccata mea».[24]

«Едкие страницы» трактата, как и *amaritudo amarissima* (горчайшая горесть) современного экзистенциализма, преодолеваются в освободительной песне Езекии. «Томисткие покой и единство»,[25] которые проповедует Маритен, не отрицают отчаяния: они, наоборот, требуют постоянно его преодолевать в непрерывном стремлении к истине: «Тоска есть достояние субъективности. Она сосредоточена в философе, а не в его философии ⟨...⟩ Фома Аквинский трудился не в покое, а в состоянии конфликта и нетерпения».[26] Тоска и отчаяние, таким образом, часть духовного опыта философа, тоска питает его философию, но сама не есть философия.

Экзистенциализм Фомы Аквинского, основываясь на восприятии бытия чувством и умом (*Veritas sequitur esse rerum* — Истина следует существованию вещей), соединяет бытие и интеллигибельность и «примиряет интеллект и тайну в сердце бытия, в сердце существования. ⟨...⟩ Здесь мы видим самое высокое и самое значительное стремление к бытию, одухотворяющее томиста».[27]

Именно в таком обещании покоя Иванову, вероятно, виделась некая возможность уврачевания (remedier) отчаяния и тоски нового времени, робкий путь к выздоровлению, к успокоению надрыва современного человека. Как и сама поэзия, впрочем: «Поэзия, ты — слова день седьмой / Его покой, его суббота».[28]

---

[20] *Fondane B.* Le Lundi existentiel et le Dimanche de l'histoire // L'Existence. Paris: Gallimard, 1945. P. 35.

[21] *Maritain J.* Court traité de l'existence et de l'existant. P. 196.

[22] Ibid. P. 201.

[23] Ibid.

[24] «Вот, во благо мне была сильная горесть, и Ты избавил душу мою от рва погибели, бросил все грехи мои за хребет Свой» (Ис., 38, 17).

[25] *Maritain J.* Court traité de l'existence et de l'existant. P. 226.

[26] Ibid. P. 227—228.

[27] Ibid. P. 222.

[28] *Иванов Вяч.* Римский дневник 1944 года // Иванов В. Собр. соч. Т. III. С. 597.